

Д. Н. Логофетъ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ПОГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Томъ Первый.

Издание А. Л. Кирснера.

ТАШКЕНТЪ.
Типографія „Трудъ“ А. С. Баранова,
1903.

Не дался въ обиду.

(Изъ прошлаго пограничной жизни).

I.

Пограничная деревня Иванковцы торопилась закончить трудовой, субботній день. Догоравшая вечерняя заря освѣщала послѣднимъ розовымъ отблескомъ беспорядочно разбросанныя по балкѣ бѣлыя хаты, окруженныя садами. Серебристые тополи вырисовывались стройными рядами по околицѣ. Поднятая пригнаннымъ стадомъ пыль еще носилась клубами надъ деревней. Въ воздухѣ уже чувствовалась вечерняя прохлада. Рѣзкій скрипъ журавлей у колодцевъ нарушалъ тишину, да съ края деревни изъ-подъ лѣса доносилась грустная, заунывная пѣсня,—широко разливаясь въ вечернемъ воздухѣ и доходя до слуха сидѣвшихъ на завалинкахъ иванковцевъ, заставляя ихъ невольно внимательно къ ней прислушиваться. А голосъ такъ и разливался широкой волной, выводя неожиданные переходы и какъ бы порою замирая. Высоко забралъ пѣвецъ подъ конецъ пѣсни и тонкій голосъ его

задрожалъ, заплакалъ, да такъ и замеръ въ воздухѣ. . . И давно кончилась пѣсня, но отголоски послѣднихъ замирающихъ звуковъ, казалось, еще носились въ наступившей тишинѣ лѣтняго вечера. . . На самомъ краю деревни, надъ кручею рѣки, стоялъ, окруженный вѣковыми дубами, кордонъ пограничной стражи. Бѣлый одноэтажный домъ рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ лѣса. Площадка передъ кордономъ была расчищена и усыпана пескомъ. У кордоннаго столба*) собралась кучка солдатъ, по изстари ведущемуся обычаю накануне праздника на пѣсни. Въ серединѣ кружка стоялъ, прислонившись къ столбу, средняго роста темноволосый солдатъ съ открытымъ, но крайнѣ болѣзненнымъ лицомъ. Подперевъ правой рукою щеку, онъ чистымъ груднымъ теноромъ выводилъ грустный мотивъ. Пѣсня росла и разливалась. Слушатели, сдвинувшись тѣснымъ кружкомъ, внимательно вслушивались въ мелодію...

— Ну братцы, теперича остатную споемъ и чай пить пойдёмъ,—замѣтилъ, наконецъ, чернобородый ефрейторъ, вставая и посматривая на часы;—скоро время смѣну и секреты высылать...

*) Столбъ, раскрашенный государственными цвѣтами, на которомъ находится вывѣска съ названіемъ поста и около котораго стоитъ дежурный.

— А хорошо поешь, Володинъ! очень даже хорошо; эхъ кабы ты и до службы такой-же мастеръ былъ.—Ну-ка, братцы, послѣднюю—„казаченьку“!

Володинъ откашлялся, зажмурился и минутой спустя началъ высокимъ бабьимъ фальцетомъ излюбленную солдатами: „люблю я казаченьку—люблю молодого“. Хоръ дружно подхватилъ, подголоски забирали еще выше—заплакали, застонали и полилась старая кавказская пѣсня, отдаваясь по лѣсу... Облокотившись на подоконникъ, выглянула въ это время фигура кашевара и, не обращая вниманія на увлеченіе пѣвцовъ, громко крикнула:—кипятокъ юшь готовъ!...

Пѣсня смолкла.—Одинъ за другимъ потянулись люди въ кухню, усаживаясь вокругъ большого стола, занимавшаго ея середину.

— И здорово, братцы мои, хоперцы поють, у нихъ эта пѣсня куда лучше нашего выходитъ—хоть запѣвало похуже Володина голосомъ будетъ! А Володинъ только голосомъ взялъ, а такъ на все самый лядащій солдатъ,—продолжалъ резонерствовать ефрейторъ Бондарено.

— Да ты, Карповъ, чай по новому маніру заваривай,—продолжалъ онъ; перво на перво цикорію положь для цвѣта, а потомъ и

чаю кинь—это для духа! И больно, братцы, мои, тогда чай скусный выходитъ, поучаль онъ, свертывая бумагу и крутя самодѣльную сигарку.

— Ну, давай чайникъ-то скорѣе на столъ, уже начальническимъ тономъ обратился онъ къ кашевару...

Минуту спустя громадный жестяной чайникъ былъ водруженъ на середину стола и чай, сваренный по новому рецепту, видимо пришелся всѣмъ какъ нельзя больше по вкусу.—Потягивая красноватую жидкость и перебрасываясь порою отрывочными фразами, собесѣдники вполне наслаждались чаепитіемъ...

II.

На лугахъ австрійской стороны шла между тѣмъ дѣятельная уборка сѣна.—Десятка два мужиковъ сбрасывали сѣно въ кучи, торопясь окончить уборку до наступленія темноты.

— Ну, хлопцы, досыть,—наконецъ произнесъ, бросая грабли на землю, высокій сѣдоусый старикъ, распорядившійся работой... А мало у насъ сѣна въ этомъ року,—продолжалъ онъ задумчиво,—школа! За кордономъ дуже лѣпше трава выросла. . . Взоры всѣхъ невольно обратились на закордонную (русскую)

сторону,—гдѣ по берегу рѣки виднѣлся рядъ громадныхъ копенъ сѣна.

— И счастье ивановцамъ, хлопцы, сколько сѣна нагребли.

А что, хлопцы,—послѣ нѣкотораго раздумья произнесъ одинъ изъ мужиковъ, а если бы въ ночи да это сѣно на нашу сторону поревезть? Лодка у насъ есть?

— Ладно-то. ладно—а якъ москали*) зланають.

— Что москали, они за контрабандой смотрять. а до сѣна, что имъ за дѣло.

Мысль, высказанная однимъ, пришлась всѣмъ какъ нельзя болѣе по сердцу, и присѣвъ около копны съ сѣномъ, въ полголоса стали совѣщаться, какъ все лучше устроить.

— Только, хлопцы, надо съ полуночи да тихо зробыть, а пока лягайте спаты,—рѣшилъ сѣдоусый, укладываясь...

III

Одинъ за другимъ выходила ночная смѣна и секреты изъ кордона, направляясь на свои участки и назначенныя мѣста. Володинъ медленно шелъ на третій участокъ, всматриваясь въ окружающіе предметы; старый часо-

*) Москалями называютъ вообще русскихъ солдатъ.

вой, наскучивъ ожиданіемъ, двигался ему на встрѣчу, мурлыкая себѣ что-то подьнось.

— А что такъ поздно, — недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ Володина, поровнявшись съ нимъ?

Володинъ встрепенулся, — старшій такъ высалъ, дядька Карапенко! — А что слѣдовъ нѣтути, — почтительно задалъ онъ вопросъ.

Карапенко только досадливо махнулъ рукою, — какіе тамъ слѣды! — Самъ знаешь, што рабочее время; кто теперъ пойдетъ и закинувъ винтовку за плечи, онъ быстро зашагалъ по направленію кордона, продолжая что-то ворочать...

Высокія горы, спускавшіяся скалистыми обрывами къ рѣкѣ, казалось сдвинулись еще ближе, образуя темное ущелье густо заросшее лѣсомъ. Рѣка просвѣчивала изъ камышей стальнымъ блескомъ, съ глухимъ шумомъ катая свои мутныя волны черезъ каменистые перекаты и, выбѣжавъ изъ каменныхъ береговъ на луга, широко разливалась на просторѣ. Тишина нарушалась изрѣдка крикомъ какой-нибудь ночной птицы, да порою съ шумомъ всплескивалась рыба въ водѣ. Гдѣ-то далеко на горизонтѣ вспыхивала зигзагами зарница, разсѣвая темноту и на секунду освѣщая вершины горъ. Ручейки, падая каскадами съ

вершинъ, однообразно журчали, навѣвая дремоту. Володинъ, обойдя весь участокъ, забрался въ излюбленную часовыми пещеру подъ нависшею скалою; откуда можно было видѣть большое пространство по берегу. Копны сѣна темнѣли на лугахъ.

— А вѣдь вѣрно Карапенко сказывалъ, что теперича у всѣхъ работа. — Ишь сѣно-то наставили! И душистое какое — духъ-то отъ него ажно сюда доходить. Надобно лучше пойти да на копну забратъся. — рѣшилъ Володинъ, вставая и спускаясь внизъ къ лугу. Забравшись въ душистое сѣно, онъ сталъ всматриваться въ австрійскій берегъ, чернѣвшій невдалекѣ.

Легкій шумъ прибрежныхъ камышей возбудилъ его вниманіе. — Ишь ты, вѣтра кажись нѣту. Рыба-то какъ плеснула — круги такъ и ходять по водѣ, должно рыбаина большая. Но круги не расходились, а всплескъ послышался еще разъ и болѣе сильный... Ну, на рыбу-то не похоже, рѣшилъ онъ, внимательно слѣдя за камышами, скрывшими австрійскій берегъ...

Нѣсколько минутъ спустя, осторожно лавируя по небольшому протоку, показалась австрійская лодка, медленно выплывавшая на середину рѣки.

— Должно рыболовы; только за чимъ такъ поздно?

Но лодка прямо направлялась на нашу сторону и скоро остановилась у берега, врезавшись въ песокъ. Нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ спрыгнули на берегъ...

— Ишь ты, а сказывалъ, что всѣ работаютъ, анъ выходитъ—то, што не всѣ. Пусть только выльзутъ изъ болотины, тутъ и надо тревогу открыть,—соображалъ онъ, сжимая винтовку руками.

Но ночные посѣтители, повидимому, имѣли совершенно другія намѣренія. Подойдя къ ближайшей копнѣ, они быстро стали перетаскивать сѣно на лодку и, нагрузивъ таковую, оттолкнулись отъ берега.

— Вотъ оно што, стало быть сѣно крадутъ; ефто не порядокъ! Какъ вертаться будутъ, такъ исхитриться нужно половчѣе, штобъ хоть одного задержать!...И, принявъ такое рѣшеніе, Володинъ безшумно соскользнулъ съ копны и поползъ къ берегу, гдѣ залегъ въ густой кустъ ивняка...

Лодка возвращалась между тѣмъ обратно; теперь часовому были ясно видны человѣкъ семь дюжихъ парней—русиновъ, работавшихъ веслами.

Ежели тревогу открыть, безпремѣнно назадъ утекутъ,—думалось ему...Развѣ спытать

одного молчкомъ изловить, и онъ переползъ еще ближе....

Одинъ за другимъ, забирая громадныя охапки сѣна, направлялись мужики къ лодкѣ. Вотъ и послѣдній.

Быстро вскочилъ Володинъ и бросился на него. Схвативъ обѣими руками за плечи мужика и, опрокинувъ его навзничъ, онъ рассчитывалъ продѣлать все это безъ шума,—но человѣкъ предполагаетъ...

— Ратуйте, хлопцы,—совершенно неожиданно дикимъ голосомъ завопилъ пойманный, и минуту спустя нѣсколько дюжихъ мужиковъ, навалились на неожиданнаго такого исхода Володина. Винтовка была выбита изъ рукъ и улетѣла куда-то раньше, нежели онъ рѣшилъ что-либо предпринять для своей обороны. Уткнувъ его головой въ сѣно, чтобы не кричалъ, ему быстро скрутивъ руки, воткнувъ затычку изъ того-же сѣна въ ротъ, поволокли и бросили на дно лодки. Все произошло такъ быстро, что Володинъ, пораженный происшедшимъ, не имѣлъ даже времени подумать о сопротивленіи. Лодку нагрузили снова и, оттолкнувшись отъ берега, направились на австрійскую сторону...

IV.

— А добре москаля злапали! Що-жъ

бендземъ зъ нимъ робити! Тай скажемъ пану комисару, що самъ утикъ до насъ...

Лежа связанный въ лодкѣ, Володинъ все еще не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ произошло. На него какъ будто столбнякъ нашелъ. Ему было спокойно лежать на душистомъ сѣнѣ. Сверху въ глаза свѣтили тысячи звѣздъ и онъ машинально разсматривалъ ихъ, какъ будто ему не приходилось никогда ихъ видѣть... Вонъ эта ярко горитъ... Ишь ты, а тамъ еще больше... Всѣ фонарики ангеловъ Божьихъ, думалось ему.

Лодка зашуршала по прибрежному камышу и съ глухимъ шумомъ врѣзалась въ песокъ.

— Ну, хлопцы, выноси. И нѣсколько рукъ, взявшись за Володина, выбросили его на берегъ... Вороха сѣна послѣдовали за нимъ.

— А я, хлопцы, и фузію*) москаля взявъ, — произнесъ одинъ изъ мужиковъ, разсматривая вынутую изъ лодки берданку. — Хорошая фузія!

Блескъ ствола какъ будто сразу прояснилъ туманъ, окружавшій Володина; онъ вспомнилъ что съ нимъ случилось, и весь ужасъ его положенія наглядно представлялся ему.

— А правду, сказывалъ старшій, что „лядащій“; — поймали и пикнуть не успѣлъ, —

*) Фузія — ружье.

пронеслась мысль въ его головѣ. — И стыдно-то какъ! Эхъ, хоть бы Святитель Никола вызвилъ! Теперь всѣ какъ есть засмѣютъ, да и пропадешь ни за что... Не повѣритъ начальство, какъ доложишь — скажутъ соннаго взяли. И винтовка-то близко, кабы достать... Рука невольно потянулась и вдругъ къ радости Володина веревка оказалась завязана слабо. Движеніе, другое, и рука свободна.

Расположившись отдохнуть, мужики не обращали вниманія на плѣнника, считая его хорошо связаннымъ...

Наблюдая за движеніемъ своихъ враговъ. Володинъ осторожно распутывалъ другую руку и ноги..Еще нѣсколько усилій и онъ свободенъ... Однимъ движеніемъ вскочивъ на ноги, онъ быстро схватилъ валявшуюся на землѣ винтовку и бросился къ лодкѣ...

Мужики какъ будто окаменѣли, пораженные неожиданностью, но, спустя минуту, старшій изъ нихъ опомнился первый и, схвативъ вилы, двинулся быстро на Володина.

Но во-время оглянулся тотъ, занятый столкновеніемъ лодки въ воду... Съ чувствомъ страшнаго озлобленія, взбросивъ винтовку къ плечу, онъ наугадъ, почти не цѣлясь, подавилъ за спускъ... Выстрѣлъ прогремѣлъ въ ночной тишинѣ какъ-то особенно громко,

и эхо; повторивъ его десятки разъ въ горахъ, замерло гдѣ-то вдалькѣ...

Со стономъ повалился сѣдоусый руссинъ —остальные отхлынули...

Воспользовавшись этимъ моментомъ, Володинъ оттолкнулся отъ берега и, гребя съ лихорадочной поспѣшностью, направилъ лодку на русскую сторону...

Выстрѣлъ поднялъ весь постъ на ноги... Прискакавшій черезъ нѣсколько минутъ на тревогу ефрейторъ Бондаренко, выслушавъ докладъ о происшедшемъ, не могъ не похватить по своему Володина, сказавъ: „хоть и лядащій, а молодцомъ выкрутился и не дался австріякамъ въ обиду.

Контрабанды нѣтъ.

(Очеркъ изъ пограничной жизни)

Такъ что же это, вахмистръ, какъ на смѣхъ, опять ничего?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: то есть, дозвольте доложить, кажись всю ночь провъ-рѣемъ границую, а какъ заколодло! И ума не приложу, ваше благородіе!..

— Это чортъ знаетъ что такое, — вни-титесь штабсъ-ротмистръ Горевъ, выслушивая чуть не полгода одни и тѣ же доклады отряд-ного вахмистра. — Что тутъ сдѣлать? Вѣдь, командиръ бригады только и указываетъ те-перь на нашъ отрядъ. Прямо говорить, что въ отрядѣ охрана границы... И начальникъ округа тоже... Ты ужъ, вахмистръ; какъ ни-будь постарайся, вѣдь совѣстно даже передъ другими: хоть бы какое нибудь задержаніе. Просто въ пору хоть самому нести! Сколько секретовъ высылаютъ?

— По пять паръ на дистанціи, ваше бла-городіе: дозвольте молодыхъ посылать на границу?

— Молодыхъ? — остановился въ раздумьи

Горевъ.—Да, вѣдь, они всего съ мѣсяць какъ пришли, ничего ровно еще не знаютъ!..

— Такъ точно. ваше благородіе, да все на границѣ людей больше будетъ, авось хоть ктонибудь да нарвется...

— Ну, посылай, только непременно въ секреты, да со старыми вмѣстѣ, а часовыми не ставить. Да ты дуй старшимъ постовъ, чтобы лучше провѣряли. А теперь можешь идти.

Вахмистръ, громыхнувъ шпорами, вышелъ изъ комнаты, а штабсъ-ротмистръ погруженъ въ цѣлое море грустныхъ размышленій.

— И чертъ меня понесъ въ эту проклятую службу,—думалъ онъ, теребя свои длинные усы.—Кромѣ непріятностей—рѣшительно ничего. Говорятъ: „Слабо у васъ охраняется граница“. Да, именно слабо, а какъ ее сдѣлаешь сильнѣе? Участки по триста сажень каждый, часовой на немъ оданъ, гдѣ тутъ усмотришь? И секреты есть, положимъ, да все-таки мало, а людей изъ своего кармана не прибавишь. Да главное дѣло, теперь рѣка въ полномъ разливѣ, а имъ дѣла нѣтъ!..

— Почему нѣтъ задержаній? Вы, штабсъ-ротмистръ, распустили отрядъ!—передразнилъ онъ кого-то, сказавши послѣднюю фразу

вслухъ.—Эхъ, думай, не думай, а лучше спать лечь... Николай, раздѣваться!

Но, пока вѣрный Личарда собрался приготовить постель, мысли штабсъ-ротмистра приняли другое направленіе.

— Нѣтъ, рѣшительно спать не могу,—разсуждалъ онъ вслухъ, мѣрняя комнату большими шагами.—Дубровъ, шанку и револьверъ! Лошадь! да живо!

— Такой дождь идетъ, ваше благородіе, что ужасти. до нитки сможете.

— Смокну? Э, да не сахарный! Провѣрю снова сегодня самъ всю линію.

Выйдя изъ свѣтлой комнаты на дворъ, Горевъ ничего сразу не увидѣлъ, темнота казалась непроглядной, но черезъ минуту, привыкшіе къ темнотѣ глаза стали по немногу различать неясные абрисы окружающаго. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ осѣланую лошадь и державшаго ее подъ уздцы объѣздчика. Дождь, дѣйствительно, шелъ какъ изъ ведра, и на минуту въ душѣ Горева явилось сожалѣніе о теплой комнатѣ и малодушіе возвратиться обратно, но только на минуту. Онъ привыкъ не поддаваться искушеніямъ бога лѣни и, поймавъ себя теперь на этой мысли, быстро вскочилъ въ сѣдло. Плотнo закутавшись въ бурку и посылая къ нечи-

стому весь свѣтъ, а на нечистаго всякія не-
пріятности, бойкой рысью двинулся онъ отъ
поста; конвойный зарысиль слѣдомъ. Ночь
была темная; рѣзкій вѣтеръ съ страшною си-
лой стремился на встрѣчу всаднику, стараясь
какъ будто сорвать его съ сѣдла. но, убѣдив-
шись, что человѣкъ сидитъ прочно, съ жа-
лобнымъ воемъ уносился вдаль. Ежеминутно
приходилось запахивать бурку, развѣваемую
назойливымъ врагомъ. Дождь падалъ крупны-
ми каплями, застилая глаза мокрою иеленою.
Конь, вышедшій съ поста смѣлою рысью,
перешелъ въ шагъ и подвигался весь какъ-то
съеживаясь полуоборотомъ. Ноги глубоко вязли
въ размокшей торфянистой почвѣ, по которой
проходила патрульная дорога.

— Какъ нарочно чортъ подсовываетъ
коренья подъ ноги, — думалъ Горевъ, подбирая
поводья спотыкнувшемуся коню. — И погодка
же стоитъ! Да тутъ въ двухъ шагахъ ничего
не увидишь, а не то что на триста саженой...
Вотъ бы теперь я посадилъ тутъ рядышкомъ
всякое начальство... Да тутъ за носъ кто возъ-
метъ, такъ не увидишь, кто взялъ. Хорошо
разсуждать, сидя въ комнатѣ — я бы тоже мно-
го наговорилъ; нѣтъ, ты поѣзди здѣсь, тогда
другимъ соловьемъ запоешь. Кабы я былъ... —
мельнула какая то мысль у штабсъ-ротмистра,
но чѣмъ и самъ не успѣлъ рѣшить онъ, такъ

какъ внезапно шарахнувшійся конь едва не
выбилъ его изъ сѣдла.

Темное пятно около тропинки зашевели-
лось и кашлянуло.

— Ага, не спячь, — радостно пронеслась
мысль въ командирской головѣ! — Кто въ сек-
ретѣ? — тихо спросилъ онъ!

— Глуковъ и Ивановъ, ваше благородіе, —
также тихо отвѣтилъ голосъ.

— Слышно что?

— Ничего не слышать. ваше благородіе,
рѣвка дюже шумитъ.

Невольно бросивъ взглядъ въ сторону,
Горевъ у ногъ своихъ, внизу, увидѣлъ неяс-
ный отблескъ воды.

— Ишь, какъ бурлитъ, — соображалъ онъ.
Да теперь никто ни за какія деньги не сог-
ласится перейти границу; вѣдь смерть то
навѣрняка.

Бѣлыя волны ревушей рѣки подтвердили
эту мысль. Дѣйствительно, врядъ ли бы на-
шелся смѣльчакъ, способный переплыть рѣку
ночью въ такую погоду. Одинъ за другимъ мель-
кали около Горева часовые, поднимавшіеся съ
земли при появленіи разѣзда. Тихимъ каш-
лемъ и ударами руки о прикладъ винтовки дава-
ли знать о своемъ существованіи и не усыпномъ

бдѣніи секреты. Порою попадались ему пѣшіе обходы и конные разъѣзды, шедшіе повѣркою. Все казалось мертвымъ, но жизнь на границѣ шла своимъ заведеннымъ порядкомъ. Стража бодро боролась со стихіями, охраняя интересы государства и выполняя свой долгъ. Шестъ часовъ войны съ такою погодкою—это для свѣжаго человѣка подвигъ, а въ стражѣ обыкновенное явленіе, къ которому все относится какъ къ вещи самой обыкновенной.

— Удивительная крѣпость природы,—думалъ Горевъ.—Хотя больныхъ много, охъ какъ много, особенно на этомъ проклятомъ посту!—вспоминалъ онъ, подъѣзжая къ послѣдному посту своего отряда.

— Ваше благородіе, на дистанціи поста Млынъ все обстоитъ благополучно,—отрапортовалъ совершенно свѣжимъ голосомъ, разбужденный за минуту передъ тѣмъ раздавшимся звонкомъ дежурнаго.

Записавъ въ росписную книгу часъ повѣрки и провѣривъ нарядъ людей на службу, Горевъ быстро двинулся въ обратный путь. До нитки промокшій въ продолженіе сдѣланныхъ тридцати верстъ, уставшій и облѣпленный весь грязью, вошелъ онъ въ свою комнату. На горизонтѣ уже виднѣлась полоска начинавшагося разсвѣта. Снявши мокрые доспѣхи съ помощью деньщика, Горевъ быстро

бросился въ кровать, и не успѣла еще его голова дотронуться до подушки, какъ онъ уже спалъ тяжелымъ сномъ уставшаго человѣка, безъ всякихъ грезъ и радужныхъ сновидѣній...

Но не долго пришлось спать бѣдному штабсъ-ротмистру; спустя два-три часа заспанный Личарда сталъ усердно трясти его благородіе за плечо.

— Оставь, спать хочу! Убирайся къ черту.—бормоталъ Горевъ, стараясь натянуть снова одѣяло на голову.

Но мучитель не отставалъ, чувствуя себя въ эту минуту куда выше своего спавшаго командира—отъ него вѣдь зависѣло дать спать штабсъ-ротмистру или поднять.

— Извольте вставать: конвертъ экстренный, съ перомъ,—продолжалъ инквизиторъ, сунувъ въ самый носъ его благородія какой-то пакетъ.—Разбудить приказано,—докладывалъ онъ уже на ходу, исполнивши свой долгъ и отправляясь снова досыпать въ кухню.

Только черезъ нѣсколько минутъ, придя въ себя, разорвалъ Горевъ полученный пакетъ.

— Что за чортъ! ничего не разберу!.. „Обращая вниманіе вашего высокоблагородія на не достаточно сильную охрану границы въ районѣ Дженскаго отряда, предписываю уси-

лить границу... Штабсь-ротмистра Горева арестовываю... "Нѣтъ. есть еще что-то. А вотъ: „Предписать штабсь-ротмистру Гореву, безъ замедленія, съ полученіемъ сего, прибыть въ г. М-скъ, въ штабъ бригады, по дѣламъ службы“. Что за притча. Николай! послать найти лошадей мнѣ въ М-скъ. Да одѣваться!

Протрясаясь семьдесятъ слишкомъ верстъ, измученный и разбитый, по отвратительной мостовой, подѣжалъ Горевъ къ желто-грязному дому, на которомъ красовалась вывѣска: „Штабъ М-ской бригады пограничной стражи“. Приодѣвшись и смахнувъ съ себя дорожную пыль, Горевъ сейчасъ-же направился въ комнату адъютанта, чтобы произвести рекогносцировку.

— Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ! Зачѣмъ это я понадобился?—черезъ минуту задавалъ онъ вопросы ротмистру Аданову, бывшему бригаднымъ адъютантомъ.

Ротмистръ, протянувъ какъ будто нехотя руку Гореву, сосредоточенно началъ разбирать бумаги, дѣлая видъ, что онъ очень занятъ, хотя секунду передъ этимъ посматривалъ въ окно, насвистывая какой-то вальсъ.

— Зачѣмъ васъ вызвали?—переспросилъ онъ и, отвѣчая на вопросъ, съ важностью спросилъ:—а вы почему опоздали вамъ вѣдь уже ва дня, какъ послано предписание...

Горевъ, вспомнивъ, что въ штабъ вообще изъ всего любятъ дѣлать секреты все вообще, а адъютантъ при встрѣчахъ съ офицерствомъ принимаетъ видъ носителя страшныхъ тайнъ, махнулъ рукою и проходящему писарю задалъ вопросъ:

— Дома ли бригадный?

— Такъ точно, ваше благородіе!—полунебрежно. останавливаясь, отвѣтилъ писарекъ, также чувствуя, что и онъ птица въ этомъ бумажномъ царствѣ,—только извольте сейчасъ явиться, ваше благородіе, а то они обѣдать будутъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ позвонилъ Горевъ въ дверяхъ командирской квартиры, чувствуя одновременно и голодь, и ожиданіе какой-то неприятности, и страшную физическую усталость...

— Я, штабсь-ротмистръ, очень и очень вами недоволенъ,—встрѣтилъ его бригадный, поднимаясь при его входѣ въ кабинетъ.— Такъ служить нельзя: вы распустили свой отрядъ. Видно полное бездѣйствіе.

— Позвольте доложить, полковникъ...

— Ничего нехочу знать. Ни одного задержанія: распустили отрядъ. Будетъ такъ продолжаться—отрѣшу васъ, штабсь-ротмистръ, отъ командованія. Въ прошломъ году

до васъ были задержанія... Извольте ѣхать, да помните мое предупрежденіе.

Совершенно сбитый съ толку и недоумѣвающій вышелъ Горевъ изъ командирской квартиры.

Въ маленькой грязной пукернѣ, за столомъ, собирался кружокъ офицерства. Горевъ, грустно задумавшись, сидѣлъ на концѣ стола и слегка вслушивался въ горячую рѣчь молодого поручика Тегенскаго.

— Да, — говорилъ тотъ. — Если бы у насъ были средства, такъ у насъ были бы задержанія, а тутъ иной разъ и двугривеннаго въ карманѣ нѣтъ, чтобы заплатить за свѣдѣнія. Такъ-ли, Горюшко? разнесли насъ сегодня съ тобою: не мы первые, не мы и послѣдніе.

Контрабанда задержана.

(Очеркъ изъ пограничной жизни)

Ваше благородіе, извольте вставать, контрабанда сейчасъ будетъ, — будиль вахмистръ на зарѣ распавшагося Горева.

Слово контрабанда для пограничнаго офицера — слово магическое. Моментально Горевъ былъ на ногахъ и торопливо натягивалъ на себя разные доспѣхи.

— Гдѣ, какъ? — торопясь одѣться, спрашивалъ онъ вахмистра, но тотъ, какъ бы забывъ обычную субординацію — уже былъ на дворѣ, вскочилъ на коня и тронувъ шенкелями лошадь, быстро рысью двинулся съ поста.

— Командиру лошадь! уже издали доносился его голосъ.

Черезъ секунду Горевъ на своемъ ворономъ неся за бѣшено скакавшимъ, по направленію лѣса, вахмистромъ. Черезъ мгновеніе бившіе по лицу сучья показали ему, что начался лѣсъ. Деревья мелькали въ глазахъ, представляя изъ себя какъ бы одну сплошную стѣну. Горячій конь, почувствовавъ ослабленные поводья, мчался какъ вѣтеръ, поминутно

сворачивая самъ, то влѣво, то вправо, по лѣснымъ тропинкамъ, не отставая ни на шагъ. Кровь быстрѣе пошла по жиламъ, и Горевъ почувствовалъ какое-то безотчетно-блаженное состояніе.

— Кажись, не туда заѣхали, эхъ... — выругался вахмистръ, осаживая своего коня, ваше благородіе, примѣта! — крикнулъ онъ, оборачиваясь и указывая на чурачекъ, лежащій на верхушкѣ куста.

Скачка еще бѣшеннѣе; еще нѣсколько сотъ лошадей промелькнуло. Круто осадивъ коня около громадной ели, вахмистръ спрыгнувъ на землю, началъ торопливо раздвигать нижнія вѣтви дерева, — и глазамъ Горева представилась груда бѣлыхъ мѣшковъ, маскированныхъ искусно зеленью.

— Вѣрно доносчикъ сказалъ. Вотъ онъ складъ-то, ваше благородіе — прерывающимся отъ усталости и волненія голосомъ крикнулъ вахмистръ, вынимая револьверъ... Щелкъ... Выстрѣлъ... другой... покатился по лѣсу.

Минутъ черезъ десять трескъ ломавшихся сучьевъ показалъ приближенія людей, а секунду спустя, Горевъ съ изумленіемъ увидѣлъ пѣшихъ стражниковъ, бѣжавшихъ на тревогу. Босые, въ одномъ бѣльѣ, они похожи были больше на разбойниковъ, нежели на сол-

датъ. Разгорѣвшіяся лица такъ и пышатъ жаромъ... едва переводятъ дыханіе...

— Однако, скоро же прибыли, — продолжалъ изумляться Горевъ.

Но вахмистръ, напротивъ, былъ видимо недоволенъ, всегда считая своей обязанностью высказаннымъ недовольствіемъ заставить людей быть еще расторопнѣе.

— Долго мѣшкаете. нешто такъ на тревогу выбѣгаютъ. Я васъ въ другой разъ!... Только жрать скоро умѣете.

Радостный и возбужденный пережитыми волненіями возвращался Горевъ домой... Трехдневное сидѣніе въ секретѣ, безъ сна, за день передъ этимъ и скачка послѣдняго утра какъ будто не существовали. Усталости не было и тѣни. Раннее весеннее утро, казалось, сочувствовала его радости. Онъ возвращался домой побѣдителемъ. Сзади, тоже съ радостно веселыми лицами, ѣхала и шла толпа солдатъ, несшихъ различные мѣшки и свертки. „Вотъ будутъ-то мнѣ завидовать,“ думалось штабс-ротмистру.

— А вѣдь очень большая партія? — какъ бы не вѣря самому себѣ, спросилъ онъ снова вахмистра.

— А тысячи на двѣ будетъ, ваше благородіе — успокоивающимъ тономъ, снова вполне дисциплинарно, отвѣтилъ вахмистръ.

— Досадно, Бѣловъ, что ни одного проносителя не взяли.

— Такъ точно, ваше благородіе!

Съ громкимъ говоромъ, перекидываясь отдѣльными фразами, дѣлились солдаты своими впечатлѣніями.

— Какъ Ивченко вдарился съ коня объ землю, такъ я думалъ, что изъ него и духъ вонъ.

Ишь ты, хохлы-то живучи:

— Тише вы, черти.—сердито, для проформы, выругался Вахмистръ, самъ въ то-же время ласково смѣющимися глазами поглядывая на толпу.

— Да развѣ можно. Иванъ Семеновичъ, теперича Ивченко на манерь проя,

— Я вамъ дамъ еройство!... Сноси тюки-то въ аммуничникъ да ты, Бондаренко, часового приставъ.

Пока вносили ноши, Горевъ сѣлъ писать отношеніе въ таможду. Только тутъ онъ почувствовалъ сильное утомленіе, но отдыхать было некогда; приходилось доносить немедленно во всѣ инстанціи. „Командиру отдѣла, бригады, начальнику округа, въ департаментъ, кажется еще куда-то“, соображалъ Горевъ, съ отчаяніемъ берясь за перо и собираясь приступить къ писанію листовыхъ донесеній.

— И, Чортъ знаетъ, кто это придумалъ всѣ эти донесенія, донесъ бы по командѣ—

и ладно бы было, а тутъ нѣтъ изволь сидѣть какъ приказная строка.

— А все-таки командиръ будетъ доволенъ; воображаю его физиономію!—У Горева, представьте себѣ, задержаніе—и крупное,—слащаво старческимъ голосомъ произнесъ штабсъ-ротмистръ, сердито схватывая перо въ руки.

Буква за буквой, строка за строкой, выросло его канцелярско-литературное произведеніе. Перо машинально летало по бумагѣ, выводя буквы. Мысли Горева были далеко.

— Такъ? Контрабанда задержана, контрабандиры скрылись, пользуясь... Вотъ не найдется же предприимчиваго человѣка, чтобы изобрѣлъ штемпель, приложилъ и готово, а какъ бы хорошо было. „Доношу: задержано восемь ношъ, а проносители, пользуясь темнотою ночи и близостью границы, бѣжали обратно въ Прусію“. Чего бы лучше! Такой гуттаперчевый штемпель и дешево, и сердито.

Только къ вечеру удалось окончить всю эту срочную работу, и Горевъ успокоился, забывшись сномъ... Часа въ два дня, сидя въ своемъ крохотномъ палисадникѣ, Горевъ услышалъ звонокъ на кордонѣ и суету, предвѣстницу пріѣзда начальства, а черезъ минуту старшій уже почтительно докладывалъ, что ѣдутъ ихъ высокоблагородіе командиръ отдѣла.

Командиръ второго отдѣла №-ской бригады пограничной стражи былъ человекъ, что называется, такъ себѣ. Прослуживъ лѣтъ десятокъ для порученій, столько же адъютантомъ, онъ былъ большой любитель всякаго писанья, но, къ счастью, врожденная лѣнь мѣшала сильно развитію его бумагомаранія, въ силу чего, въ дознаніяхъ онъ ограничивался только форменною стороною. Принявъ рапортъ о благосостояніи отряда, подполковникъ степенно важнымъ шагомъ направился на кордонъ, гдѣ, спустя нѣсколько минутъ, превратился въ строгаго судью—слѣдователя, а Горевъ началъ испытывать вполнѣ всѣ муки допрашиваемаго преступника. Хотя и съ формальной стороны, но подполковникъ волей-неволей задавалъ и выслушивалъ цѣлый рядъ вопросовъ и отвѣтовъ. Наконецъ участники счастливаго задержанія опрошены, показанія записаны и начальство, плотно закусивъ и поговоривъ о всякихъ пустякахъ, отправилось во свояси.

— Эхъ, хоть бы скорѣе тянулись эти справки и распросы,—думалъ бѣдный штабс-ротмистръ, получивъ новое предписаніе: „донести, какимъ образомъ, при такомъ большомъ количествѣ людей, бывшихъ во время задержанія, не задержанъ ни одинъ проноситель.“

Скрѣпя сердце, сѣлъ онъ писать отвѣтъ.

начиная уже чувствовать начало всякихъ неприятностей:

— Ваше благородіе, помощникъ начальника округа ѣдутъ,—растеряно доложилъ старшій Гореву въ одно прекрасное утро.

— Какой помощникъ? Что врешь?

— Такъ точно, ваше благородіе, и очень сердиты, какъ есть всѣхъ ругаютъ. Разѣздной сказывалъ, сейчасъ сюды будутъ съ поста Кюно.—Кажись ѣдутъ,—добавилъ онъ, взглянувъ въ окно.

Въ полномъ недоумѣніи относительно должности подъѣзжающаго начальства, Горевъ надѣлъ шашку и направился къ столбу. На кордонѣ шла всегдашняя суতোлка: кто подметалъ помѣщеніе, кто управлялъ койки; большинство же, заразившись общимъ духомъ панической суеты, толкалось изъ комнаты въ комнату, пока кто-то изъ болѣе расторопныхъ не догадался выстроить всѣхъ въ шеренгу. Сопровождаемое конвойнымъ объѣзчикомъ, подъѣзжало неизвѣстное начальство къ кордону. Горевъ по привычкѣ подтянулся, поправилъ шашку и приготовился подойти съ рапортомъ къ остановившейся бричкѣ, изъ которой выходилъ молодой офицеръ въ пограничной формѣ. Съ важностью протянувъ руку Гореву и копируя, повидимому, какое то большое начальство, онъ пробормоталъ себѣ что-то подѣ

ность, что должно, вѣроятно, было обозначать званіе и фамилію.

— У васъ тамъ на посту Клюно полный беспорядокъ, штабсъ-ротмистръ, я ни отъ кого никакого толку не могъ добиться: дураки всё какіе-то. Соберите здѣсь всёхъ на кордонъ, кто участвовалъ въ задержаніи перваго августа; я долженъ переспросить всёхъ этихъ болвановъ.

— Часъ отъ часу не легче: опять это задержаніе, чтобъ его всё черти взяли.— вполнѣ искренно подумалъ Горевъ.

Спустя полчаса, уже вошедшій во вкусъ, подполковникъ вытягивалъ и вымучивалъ всякія показанія изъ нижнихъ чиновъ. Одинъ за однимъ, съ красными лицами, какъ изъ бани, выходили допрашиваемые отъ слѣдователя—мучителя.

— А командиръ дѣйствительно былъ? А вѣрно ли штабсъ-ротмистръ далъ засвѣдѣніе сто рублей? А не было ли пропуска при этомъ? —только и слышалось черезъ тонкую перегородку несчастному Гореву.

Долго за полночь продолжалось спрашиваніе различныхъ показаній; Кипа исписанной бумаги все расла и расла, а перо изощришагося въ писаніи подполковника, казалось, приобрѣтала большую быстроту,—видно что во-вкусъ вошелъ

Должно нашего командира подъ судъ отдадутъ.—толковали, собравшіеся въ кухнѣ солдаты.—Ишь, какъ ень на нихъ налягаетъ. Меня, то-есть, значить объ нихъ спрашивалъ. Бяда имъ теперичи будетъ?

Только на другой день къ вечеру, совершенно измученный и растроенный, Горевъ проводилъ уѣзжавшаго подполковника. Проводилъ.—и камень съ сердца упалъ.

Спусти три недѣли, разбирая полученную почту, Горевъ остановился на книгѣ приказовъ по бригадѣ.

— Что-то много сегодня! Большіе приказы,—подумать онъ, начиная перелистывать все по порядку.—Ага, вотъ и я! ..По произведенному черезъ состоящаго при мнѣ штабъ-офицера порученій, подполковника М., о задержаніи перваго августа чинами Высоковскаго отряда контрабандныхъ товаровъ, по оцѣнкѣ на двѣ тысячи рублей, выяснилось: 1) что, несмотря на личное участіе штабсъ-ротмистра Горева, контрабанда взята на складѣ, а не на границѣ, какъ бы должно было быть; 2) штабсъ-ротмистръ Горевъ въ ночь, когда прошла контрабанда (предыдущая передъ задержаніемъ), не повѣрялъ охрану границы... „—Господи, сколько расписали,—перелистывая приказъ соображалъ штабсъ-рот-

мистръ.—Гдѣ же конецъ?—доискивался онъ.—
Вотъ и задерживай.

А въ концѣ стояло: „За каковыя упущенія
и слабую охрану границы арестовываю штабс-
ротмистра Горева на десять дней. Командиру
второго отдѣла подполковнику Вѣхову объяв-
ляю выговоръ, при чемъ предвараю, что, въ
случаѣ повтореній, штабс-ротмистръ Горевъ
будетъ отрѣшенъ мною отъ командованія
отрядомъ...”

Нечистое мѣсто.

(Святочный рассказъ).

Какъ можно такъ брехать-то, только лю-
дей пугаете.

— Никакъ нѣтъ. Иванъ Матвѣевичъ, ефто
вполнѣ достовѣрно: всѣ какъ есть старые сол-
даты удостовѣряють.

— Удостовѣряють.—передразнилъ Иванъ
Матвѣевичъ рассказчика,—все одна брехня и
ничего больше. Эхъ!—потянулся онъ—смѣна-
всего за часъ, стало быть и спать не къ чему.

Старшій поста Кершикъ, ефрейторъ Мо-
розовъ, былъ только что назначенъ старшимъ
изъ учебной команды.

— Такъ ходитъ?—обратился онъ снова
къ молодому солдатику, рассказывавшему пе-
редъ этимъ какіе-то страхи.

— Ходитъ, Иванъ Матвѣевичъ, какъ
только значитъ съ полуночи станешь на вто-
ромъ участкѣ, тутъ она и пойдетъ, ходитъ
около да все плачетъ, да какъ жалобно, ажъ
за сердце беретъ, а то какъ загогочетъ—ин-
да морозъ по волосамъ пройдетъ. Несистое

это мѣсто, — уже совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ добавилъ рассказчикъ.

— Нечистое мѣсто? А съ чего ему нечистымъ-то быть?

— Вы вновѣ на ефтомъ посту, Иванъ Матвѣевичъ, можетъ и не слыхали, что тутъ у насъ дѣлается?

— Слыхать-то слыхиваль, да, признаться, мало вѣры даваль. А расскажите, братцы, съ чего ефто самая нечисть привязалась?..

Кружокъ слушателей сдвинулся плотнѣе...
Рассказчикъ откашлялся и началъ:

— Годовъ можетъ десять тому назадъ, а можетъ и поболь того, постъ нашъ былъ не на этомъ мѣстѣ, а за Хруженскимъ лѣсомъ, супротивъ какъ разъ второго участка. Вся служба-то велась по старому, а не то, что теперь. Тогда жить только и помирать не надо было, сказывали, что въ царствіи небесномъ лучше не будетъ, какъ было въ пограничной стражѣ. Замѣсто кашеваровъ на постахъ бабъ-стряпухъ держали, а людей-то на посту по четыре да по пять человекъ. Вотъ, значить, сказываютъ и на нашемъ посту заступила стряпуха — да видно не въ добрый часъ! Ражая, красивая изъ себя баба была. А ужъ извѣстно завсегда, гдѣ баба — тамъ и дымъ идетъ коромысломъ. Все нечистый ворочаетъ

потому дюже охочъ енъ до бабъ и черезъ нихъ енъ на людей всякую погань пушаетъ. И пошла тутъ промежъ солдатиковъ такая тамаша, что Боже упаси, то жили дружно, а тутъ все равно, какъ собаки, другъ на дружку огрызаются. Да, всѣ-то значить къ бабѣ подбираются, — а она-то значить отъ всѣхъ бѣгаетъ и никому отъ нея ничего не отѣлось. Только бѣсъ и сталь мутить. Ночи-то зимнія длинныя, а дѣла-то значить никакого. Одинъ къ примѣру лежалъ, лежалъ да и говоритъ, „а что, братцы, никому изъ насъ отъ Марьи не выгорѣло, а семь-ка спытаемъ мы всѣмъ товариществомъ...“ Какъ сказали, анъ бѣсъ ужъ каждому ту думушку въ голову всадишь... Ну и согласились ребятки. А Марья-то спала на кухнѣ. Вотъ вчетверомъ и тронулись... Шарять по печкѣ, а она-то видно здагаднуль, да и сховалась въ самый уголь. Только бились, бились съ ней — больно здоровенная баба была, а одинъ ее по головѣ легонько стукъ, чтобы разумъ отшибить. Только видно стукнулъ-то неладно — рука тяжелая была, она и отдай Богу душу. Въ темнотѣ-то и не запримѣтили, а какъ попришли въ себя видятъ а она-то не шелохнется... И напалъ тутъ на нихъ страхъ... Думали, думали, да и порѣшили, чтобы концы спрятать — закопать ее подъ печкою... Закопали... только съ той по-

ры и пошло. Днем все ничего, чуть же къ полуночи подходитъ—почнетъ она, голубушка, стонать; спервоначалу тихо, а потомъ и громче... А потомъ и ходить зачала. Жутко пришлось ребятамъ, какъ ночь, такъ они на утекъ, на сосѣдніе посты. Да такъ маялись, что не дай Боже никакому грѣшнику... Не въ моготу пришло. Тутъ и порѣшили начальству доложить и покаяться... Судили и засудили ихъ значить на каторгу... А только спокойствія ужъ отъ нея никому не было... Не вѣрилъ отряда командиръ, да разъ какъ ночевалъ на посту, да она его душитъ зачала—тутъ только повѣрилъ. И въ ту-жь пору перенесли постъ на ефто мѣсто. Только и тутъ, нѣтъ, нѣтъ да что-то объявится...

— А надьсь я, дяденька, домового видѣлъ,—смущенно заявилъ молоденькій солдатикъ, вѣстовой командира.—Енъ значить съ чердака шель по лѣстницѣ, зашелъ въ кухню, а потомъ какъ побѣгитъ въ баню и на горкѣ спрятался—я изъ окна видѣлъ.

— И дядко Перевозенко тыжъ выдавъ,—добавилъ лѣнивый хохлацкій голосъ изъ толпы.

— То-жъ вчерай выдавъ, такій дужій якъ командырскій песъ,—оживленно заговорилъ Перевозенко,—я якъ перекрестывся винъ і утікъ.

— А командиръ сказывали, что нѣту домовыхъ—ефто со сна мерещитесь.

— А надьсь дядко Герцогъ уже заспали—командиръ пріихавъ, та началы стучать, воны вскочылы съ лужка та со сна зачалы по всімъ угламъ метаться, а командиръ кричытъ; шась ты бісовъ сынъ не одчиняешъ. А дядко Герцогъ той пуще и скажетъ: ваше благородіе двери не нащукаю. Такъ крѣпко заснавъ.

— А на второмъ участкѣ—ефто безпремѣнно вона ходитъ, потому тамъ близко подъ лѣскомъ старый кордонъ былъ. Супротивъ статуя Св. Яна особливо, тамъ кажинную ночь она маячитъ, да и плачетъ же жалобно.

— Это она, братцы, христіанскаго погребенія просить, потому душенька ея и не покойна—рѣшилъ Иванъ Матвѣевичъ, поднимаясь съ мѣста и кладя въ шапку шарики съ номерами участковъ.—Эй пошелъ, подходи жеребья брать...

Одна за другой потянулись руки къ шапкѣ...

— Ну, сказывай у кого какой номеръ... Первый, четвертый, пятый... второй... Ага, Савину второй достался. Ну, смотри не зѣвать, а то она заразъ до тебя придетъ... Не боишься...

Стражникъ Иванъ Савинъ, нахмурившись сосредоточенно смотрѣлъ на доставшійся ему жребій.

— Ахъ! волкъ ты заѣшь! Милый человекъ не робѣй... Чья-то дружеская лапа ударила его по плечу... Чего боишься-то, носъ повѣсилъ... Идемъ, что-ли?...

Одинъ за другимъ направились часовые на свои участки. Савинъ, которому приходилось идти дальше другихъ, торопливо шагаль впереди. Каждый день приходилось ему выходить то въ ту, то въ другую сторону на участки. „а вотъ поди-жь ты, что-то сегодня сердце ноетъ“, думалось ему. Вотъ и второй участокъ. „Кто идетъ“. „Смѣна“. Спустя нѣсколько минутъ, принявши участокъ, Савинъ расположился у опушки лѣса. Опершись на винтовку и всматриваясь въ ночную темноту, онъ внимательно прислушивался къ каждому шороху, ежеминутно оглядываясь назадъ и вздрагивая при внезапномъ шумѣ, порою, раздававшемся въ лѣсу. Высокая статуя Св. Яна бѣлѣла сзади него... Въ лѣсу было тихо... Порою лишь бѣлка, выгнанная изъ дупла совою, быстро перебѣгала съ дерева на дерево, производя при этомъ шумъ. Тишина увеличивала эти звуки до громадныхъ размѣровъ. Трескъ казался выстрѣломъ, и Савинъ, чутко прислушиваясь, невольно въ душѣ творилъ

молитву. Скучно стоять шесть часовъ—невольно воспоминаются картины прошлаго... Родныя мѣста встаютъ въ воображеніи какъ живыя... Свои все близкія дорогія лица... А вѣдь про нее сказывали, что она туточки ходитъ, проносится мысль въ его головѣ... На второмъ участкѣ... И съ чего бы ей ходить... И у насъ дома тоже ходитъ вѣдунья... Тихій отзвукъ не то стона, не то плача, пронесся въ воздухѣ. Весь вздрогнувъ и сжавъ винтовку руками, оглянулся Савинъ назадъ... Что за притча. Кажись, не ослышался. Такъ и есть... плачетъ... Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги его, зашепталъ онъ слова молитвы. Рѣзкій плачь громче... Стонъ... Ишь—она. Зубы его уже стучали частую дробь... Господи успокой ея душу... Тоскливо зывалъ Савинъ, трясаясь какъ въ лихорадкѣ... Смѣхъ рѣзкій, пронзительный прокатился по лѣсу, и эхо, отозвавшись гдѣ-то далеко, передало отзвуки еще нѣсколько разъ... Святъ, Святъ... Да воскреснетъ... помертвѣвшими губами шепталъ Савинъ. Что это? громко вскрикнулъ онъ, холодѣя отъ ужаса... Св. Янъ... Волосы стали дыбомъ... Сердце казалось перестало биться...

Издавая какой-то блѣдно-фосфорическій блескъ; двигалась прямо на него статуя Святого Яна... Ближе, ближе... Совершенно не

видя ничего вокругъ и не слыша, всматривался Савинъ въ нее... Вотъ уже всего нѣсколько саженъ, шаговъ... Ха, ха, ха, еще рѣзче про- несся хохоть. Но Савинъ уже не слышалъ— онъ лежалъ ничкомъ на землѣ безъ всякаго сознанія...

Какія-то тѣни торопливо промелькнули черезъ патрульную дорогу и черезъ нѣсколько минутъ на границѣ водворилась прежняя ти- шина.

Въ темнотѣ попрежнему бѣлѣла статуя Святого Яна.

.....

— Ловко обошли москаля. Кабы не Вла- декъ со Святымъ Яномъ, не перешли-бы че- резъ границу,—сидя въ корчмѣ, разсуждала группа собравшихся людей, попивая водку.

Тюки товаровъ лежали подъ лавками.

— Здоровье Св. Яна, моего патрона!

Хохоть и остроты встрѣтили тость.

.....

На посту Хрусцинъ, около одной изъ коекъ, собрались солдатики... Весь разметав- шись отъ внутренняго жара, лежалъ на ней, тихо стоная Савинъ...

Передъ разсвѣтомъ разъѣздъ нашель его лежащимъ безъ чувствъ на второмъ участкѣ и доставиль на постъ... Она! Св. Янъ! только

и можно было разобрать изъ его безсвязнаго бреда... Къ вечеру, отправленный въ боль- ницу, Савинъ скончался, не приходя въ память.

— Что, братцы, а моя выходитъ правда? Въдь ходить. Вотъ и Савинъ покойникъ ви- дѣль... Нечистое это мѣсто, братцы... раз- суждали собравшіеся солдатики.

.....

На нечистомъ мѣстѣ отслужили панихиду, но она не успокоилась и до сихъ поръ пу- гаетъ суевѣрныхъ солдатиковъ.

Съ сердцемъ не совладалъ.

(Фактъ изъ пограничной жизни).

I.

Кравченко былъ хорошій человекъ: душевный человекъ! Больно строго его, Иванъ Матвѣвичъ, судъ-то засудилъ! Поди-жь ты—на поселеніе!

— Вѣстимо, строго. А все потому, что характеръ свой распустилъ—ну, да и обидно какъ будто-бы стало.

— А жандаръ-то нѣмецкій, сказываютъ, и не ворохнулся—ловко это ень его угодилъ

Жаль, что самъ-то пропалъ—однимъ хорошимъ человекомъ и меньше стало. Рѣдко-же, братцы, душевные люди попадаются. Теперича по немъ, все едино какъ по мертвомъ, одна память осталася...

II.

Тускло освѣщая середину казармы, горитъ мигающимъ свѣтомъ лампа, бросая причудливыя тѣни на рядъ кроватей съ спящими солдатиками. Тихо все. Умаялись сердечные. Лишь въ темномъ углу казармы слышится неясный шопотъ. Два сосѣда, лежа на койкахъ,

ведутъ между собою разговоръ, прерываемый частыми паузами.

— Такъ, сказываешь, совсѣмъ порѣшилъ? И совѣсть не беретъ. И чудно ефто, паря, погляжу я на тебя, совсѣмъ какъ есть несуразный ты какой-то... И чего это тебѣ въ голову набрело... Бѣжать!? Легко сказать, а послѣ-то куды дѣнешся.

— Да я, Вася, надумалъ до теплой страны удариться. Сказывалъ еврей одинъ. Ангентина прозывается страна-то. И хорошія мѣста тамъ отъ-то есть, все на полѣ само растеть и сѣять не нужно. Чудесное это житие. А бабы такія гладкія, что ума помраченіе. И сказывалъ онъ, что вся тамошняя сторона подъ невѣрнымъ царемъ теперича (настоящій-то ушолъ отъ нихъ). И къ ефтому царю какъ придетъ кто изъ солдатъ—такъ ень землей одѣляетъ, бабу даетъ и въ свое невѣрное войска за ахвицера ставить. И оченно вольготно жить у его... А тутъ у насъ служба-то, самъ знаешь какая—каторжная... Поди-ка кажинный день двѣнадцать часовъ на границѣ отстой, да и занятія... Эхъ, Вася, ударимся-ка вмѣстѣ... и зажили-бъ въ свое удовольствіе.

Собесѣдникъ не отвѣчалъ, видимо раздумывалъ надъ затѣей товарища... Ярko вспыхнувшій огонекъ спички на минуту освѣтилъ

обоихъ. Облокотившись на руку и задумчиво смотря на сосѣда, лежалъ темноволосый худощавый стражникъ Сергѣй Стремовъ.

Мало тебя въ волости дома стегали, Серега?—раскуривая цыгарку, послѣ долгаго молчанія отвѣтилъ наконецъ его землякъ и собесѣдникъ, Василий Красновъ.—Какъ былъ ты дома безпутнымъ, такимъ и тутъ остался, а все ты это черезъ винище проклятое... Да я съ тебя не токмо ахвицерства у невѣрнаго царя, да и енеральства не возьму... Легко сказать, бѣжать, а присягу ты забылъ, што-ли Брось ты ефто дѣло. Серега. Помяни мое слово, не дойдешь ты съ ефтимъ до добра. Пымають, да и судить будутъ, а потомъ самъ знаешь, што вашего брата по судамъ не милуютъ.

Глушество ты, Вася, толкуешь: нѣшто я таковскій, штобы въ руки-то дался. Уйду—и поминай какъ звали.

— Видимо мало и батька покойникъ тебя поучиваль—на нехорошее ефто ты дѣло идешь... Брось, говорю.

Но Серега видно что-то обдумываль и замолкъ. Нѣсколько минутъ спустя, послышалось ровное дыханіе заснуваго Краснова, а будущій эмигрантъ долго еще лежалъ съ открытыми глазами, соображая всѣ детали побѣга.

— Кажись ладно все будетъ, завтра утеку,—наконецъ рѣшилъ онъ, засыпая.

III.

Яркій солнечный дискъ, медленно выплывая изъ-за лѣса, своими золотыми лучами освѣтилъ окрестность, разбѣгая волны бѣлаго тумана и пробуждая природу къ жизни. Легкій утренній морозъ посеребрилъ луга, казавшіеся покрытыми массою брилліантовъ. Проснувшееся въ лѣсу пернатое царство, оправляясь послѣ продолжительной ночи, вначалѣ какъ будто перекликалось другъ съ другомъ, перейдя потомъ въ общій согласный концертъ. На высокѣмъ пригоркѣ, облокотясь на винтовку и сосредоточенно вематриваясь въ даль стояла сѣрая фигура часового: повдалекѣ, саженьяхъ въ двухстахъ, видѣлась другая. Стремовъ стоялъ на часахъ. Рѣшивъ еще вчера бѣжать, онъ находился какъ будто въ нерѣшительности.

— Чего-бы лучше-то ночью уйтить—эхъ, не ушелъ, а теперь какъ-то неладно. И чего-то это Кравченко на горку вытѣзъ, чтобъ его черти взяли, — выругался Стремовъ по адресу ни въ чемъ неповиннаго сосѣда свидѣтеля.—Да и Павляка на прусской сторонѣ не видно, а безъ его боязно какъ-то по Пруссіи идти. А безпремѣнно, сказываль, что буду

на пять часовъ... Ишь ты сошелъ! И на кой прахъ его сюды несеть?

Весело посматривая вокругъ и что-то мурлыкая себѣ подъ носъ, приближался къ нему его сосѣдъ, стоявшій на пригоркѣ. Еще издали онъ улыбался Стремову, показывая рядъ бѣлыхъ какъ кленъ зубовъ.

— Вотъ нелегкая-то его несеть, — думаль, между тѣмъ Стремовъ, съ недоброжелательствомъ посматривая на приближающагося. — И чего всегда радъ? Тѣфу, ты, прости Господи, все зубы скалить!

Но видно нелегкая несла Кравченко очень легко: минутой спустя, онъ уже приветливо обращался къ Стремову.

— Чего закружилась, дуна, смотри веселѣе — ровно волкъ смотришь! Смѣну почитай отстояли, текерь спать пойдѣмъ. Одолжи миль-другъ, табачку на цыгарку, на свадьбѣ отпѣшу за то! Аль на сердцѣ-то грусть какая — чаво призадумался; говорю, смотри веселѣй.

Получивъ просимый табачокъ, Кравченко, присѣвъ тутъ же на корточка, началъ мастерить самодѣльную цыгарку.

— Аль изъ дому што получилъ? перейдя въ серьезный тонъ, заговорилъ онъ снова.

— Нѣтъ!

— Такъ съ чего же? Потому, миль-другъ, погода-то пріятственная, пташки поють, а солнышко смотритъ — неужто возможно теперича человѣку-то скучать. Ты заскучай, какъ вьюга да дождь пойдутъ. А теперича какъ вольготно-то, и съ часовъ идти не хочется. Аль землячекъ служба трудна — ефто завсегда съ первовачалу, а потомъ легче станеть, какъ привыкнешь. Ишь ты, куда забралась, — обратилъ онъ свое вниманіе на сидѣвшую на самой макушкѣ обены бѣлку. — А ты не трожь, — остановилъ онъ Стремова, хотѣвшаго бросить въ нее кускомъ дерева. — Чего трогать-то, потому и звѣрь теперича дню такому радуется. Вонъ пошла какъ сигать! А въ писаніи сказано: „блаженъ, кто скоты милуетъ“, стало быть, ты и не трожь! Ишь какой занятный звѣрюшка-то. Ну прощай, покуда, теперича сей секундъ смѣна будетъ. — и, весело насвистывая какую то веселую пѣсенку, Кравченко двинулся обратно къ своему участку.

Стремовъ только выругался вслѣдъ.

— Ишь ты сердобольный, што-бъ тебѣ, только время съ тобою потерялъ. А вѣдь, кажись, Павлякъ идетъ, — рѣшилъ онъ, замѣтивъ какую-то фигуру, мелькавшую среди прусскаго лѣса. — Ну, въ легкій часъ Боже благослові, — и, положивъ винтовку на землю, онъ сталъ снимать патронташъ и поясъ.

Сложивъ все на мѣстѣ, онъ взглянулъ направо. Кравченко снова занялъ свой пригорокъ. Фигура на прусской сторонѣ мелькнула ближе. Весь какъ-то съежившись и пригнувъ неизвѣстно для чего голову, кинулся Стремовъ бѣжать по направленію къ ней. „Вотъ я и въ прусахъ“, — только что успѣлъ подумать онъ, какъ въ его ушахъ такъ и съль громкій окликъ:

— Halt —

Оглянувшись, онъ увидѣлъ на опушкѣ прусскаго жандарма, смотрѣвшаго на него.

— Halt — снова раздалось ему вслѣдъ.

— Кричи, братъ, сколько хочешь, у насъ ноги-то здоровыя, утеку!

Но видно не въ добрый часъ задумалъ утечь Стремовъ... Гулко въ утреннемъ воздухѣ прогремѣлъ выстрѣлъ, и пуля блюстителя закона быстро настигла Стремова... Уткнувшись лицомъ въ песокъ, лежалъ онъ, чувствуя лишь, что его что-то подхватило и уноситъ все дальше и дальше по воздуху...

Кравченко на своемъ пригоркѣ стоялъ по прежнему, созерцая окружающую его картину и порою поглядывая въ сторону Стремова.

— Чего-то не ладно съ парнемъ! Ишь ты, чтой-то ень раздѣвается, — тревожно подумалъ онъ, замѣтивъ движенія своего сосѣ-

да. — Никакъ бѣжитъ? Такъ и есть... Вотъ что надѣлалъ! Ахъ ты Господи! Надо тревогу открыть.

Но прежде, нежели онъ исполнилъ свое намѣреніе, его вниманіе было привлечено появившимся жандармомъ.

— Ишь ты, жандарь! И кричитъ по-своему, а у Стремова ноги какъ у зайца, ишь какъ надать... Батюшки, да никакъ ень цѣлится, — въ ужасѣ воскликнулъ поблѣднѣвшій Кравченко. Такъ есть... Убилъ, ахъ окаянный! Христіанскую душу — какъ собаку... Боже ты мой... Ахъ, дьяволь ты евдакій, еще смѣется. Ну, погоди-жь ты нѣмчура, — и, не соображая ничего больше, Кравченко быстро вскинулъ винтовку къ плечу.

Еще громче прокатился выстрѣлъ казенной берданки, и, взмахнувъ руками въ воздухъ, прусскій жандармъ опрокинулся навзничь.

— Здорово! Вотъ будешь теперь знать! Ишь ты!... Боже ты мой, да што-жь я надѣлалъ? — вдругъ отчаянно вскрикнулъ онъ, и по-дѣтски закрывъ лицо руками, тихо заплакалъ...

Черезъ четыре мѣсяца въ приказѣ по бригадѣ было объявлено: „Временный военный судъ въ городѣ К., рассмотрѣвъ дѣло о

рядовомъ стражникѣ М-ской бригады пограничной стражи, Афанасіѣ Кравченко, приговорилъ: стражника Кравченко по лишеніи воинскаго званія сослать на житье въ Сибирь за убійство прусскаго жандарма, хотя и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія”.

„Маршъ-маршемъ“

(Изъ прошлаго).

Горячее июльское солнце некло нестерпимо, заставляя все птичье царство смолкнуть до наступленія вечерней прохлады. Чуть замѣтный вѣтерокъ шелестилъ листьями, пролетая порою по засѣяннмъ полямъ, мѣрными волнами колыхая рожь и пшеницу на возвышенностяхъ и едва замѣтно шелестя по широкимъ, твердымъ листьямъ кукурузы. — Глубокая долина, между тѣсно сдвинувшихся высокихъ горъ, казалась совершенно вымершею. — Огромное пространство кукурузы по берегамъ рѣки тянулось длинною полосою, скрываясь гдѣ-то въ отдаленіи и примыкая къ густому лѣсу, привольно разросшемуся по склонамъ горъ. Ослѣпительнымъ блескомъ сверкала рѣка, просвѣчивая сквозь густыя заросли, — катя съ глухимъ шумомъ свои чистыя, холодныя волны. — Въ заводяхъ, на гладкой поверхности воды, отражались стволы прибрежныхъ деревьевъ; сквозь прогалинки, образуемая ими, открывался видъ большей части котловины и склоны горъ, которыя къ русской сторонѣ переходили въ кудрявые холмы и вправо

окончательно сливались съ широкой равниной.—Кое-гдѣ по этой равнинѣ, какъ осколки зеркаль, въ зеленыхъ рамкахъ блестѣли озерки, а дальше, гдѣ-то далеко на горизонтѣ, синій небосклонъ, переходя въ сѣровато-зеленые тоны, сливался, казалось, съ землею. По берегу рѣки, дѣлая частые изгибы, вилась среди кукурузныхъ полей натруженная дорога. Различныхъ оттѣнковъ зеленъ густымъ покровомъ скрывала внутренность лѣса. Груды темныхъ скаль доносили иррадирующую картину лѣсной глуши. Среди зелени по берегу вырисовывались одиноко стоящія трехвѣтные пограничные столбы.—Порою, тихо мурлыкая что то себѣ подъ носъ, усталымъ шагомъ медленно проходилъ по дорогѣ часовой, внимательно наблюдавшій, не смотря на палящій зной, за своимъ участкомъ границы. Его бѣлая рубаха, мелькая среди кукурузовыхъ стеблей, порою показывалась на полянкахъ и снова исчезала въ зелени.—Глубокій съ отвѣсными стѣнами оврагъ начинался отъ берега рѣки, выходя своимъ устьемъ въ котловину. Сплошная поросль бузины, орѣшника, перенлетенныхъ густо разросшимся хмѣлемъ и дикимъ виноградомъ, совершенно закрывала дно оврага, нависнувъ со всѣхъ сторонъ. Самый зоркій глазъ не могъ бы ничего разсмотрѣть сквозь эту завѣсу. Въ оврагѣ царствовалъ

полумракъ.—Небольшой ручеекъ, прихотливо извиваясь и журча по камнямъ, протекалъ по дну, падая серебристой струей сверху скалы. Чуть замѣтная тропинка вводила въ эту расщелину, но входъ въ нее былъ закрытъ громадной скалой, только обойдя которую можно было видѣть дно оврага; на небольшой площадкѣ у ручья были привязаны къ приколамъ нѣсколько лошадей, и дальше за поворотомъ видѣлись также лошади. Раскинувшись, какъ можно удобнѣе, около куста бузины, недалеко отъ лошадей, тутъ же спало на травѣ нѣсколько солдатъ: снятая амуниція, ружья, шапки лежали около.—Лошади медленно жевали разбросанное кучками сѣно.—Подъ самой скалой на разсланныхъ буркахъ расположились два офицера, тихо разговаривая.—Высокій, загорѣлый, съ широкой бородой лопатой и коротко остриженными волосами, въ которыхъ уже видѣлась сѣдина, командиръ Каменнаго отряда ротмистръ Березинъ и еще молодой худощавый—корнетъ Ильинъ, его младшій офицеръ.—Ротмистръ, медленно и съ наслажденіемъ затягиваясь толстой папиросою, говорилъ, почти не умолкая ни на минуту.

— Да, Александръ Николаевичъ, хорошее дѣло мы сдѣлали; свѣдѣніе самое вѣрное, и упустить подобный случай было бы грѣхомъ. А выбратъся съ кордона удалось такъ, что ни

кому въ голову не придетъ, что мы на границѣ; всё теперь самымъ исправнымъ образомъ увѣрены, что мы съ позаранку въ штабъ отдѣла выѣхали.—Чисто обработано, комаръ носа не подточить. Главное, говорятъ, самъ Сава Курокъ будетъ партію вести—ужь я до него давно добираюсь, опытная шельма, сколько лѣтъ занимается, а еще не попался.—Вотъ теперь мы ему пріемъ хорошій сдѣлаемъ...

— Корнетъ съ глубокимъ интересомъ внимательно вслушивался въ слова своего командира. А какъ, собственно, вы думаете все устроить, Николай Ивановичъ.—наконецъ нерѣшительно обратился онъ къ нему съ вопросомъ.

— Да вотъ такъ: пока совершенно не стемнѣетъ, мы просидимъ въ этой дырѣ, а когда уже совѣтъ ночь настанетъ, эдакъ въ началѣ десятаго, выполземъ, да и разбросаемъ секреты туда назадъ къ Пристайнской горкѣ отъ лѣсной сторожки, да еще можно заложить около пруда, что влѣво; вотъ звѣрь и будетъ обложенъ кругомъ. А вы возьмете человѣкъ трехъ, да займете кусты около брода. — Какъ только перейдутъ контрабандеры черезъ рѣку, да отойдутъ съ четверть версты внутрь края, вы бродъ сейчасъ же занимайте и тревогу.— Но только держитесь: если захотятъ они назадъ двинуться, нужно во что бы то ни стало

бродъ отстоять; во всякомъ случаѣ я съ вами вахмистра пошлю.

— И стычка будетъ, Николай Ивановичъ?

— Да, если ужь самъ Сава пойдетъ, такъ будетъ непременно.—Онъ товаръ не отдастъ даромъ.—Вотъ еще что: кони у нихъ хорошіе (наши же пограничные, — бракусы), ну а все таки вашъ Султанъ куда получше будетъ.—кивнулъ онъ головою на золотистаго карабаха, стоявшаго около.—Только вы не особенно увлекайтесь, а то зарваться можно. Бучокъ не свой братъ, какъ разъ могутъ и на тотъ свѣтъ отпавить.—Да присматривайтесь, чтобы при преслѣдованіи не гнать за своими: это случается, гонимъ, думаешь—контрабандиръ, а посмотришь—свой же солдатъ скачетъ.—Въ потемкахъ не разберешь. Только и присматриваешься—есть ноша на сѣдлѣ, значитъ—контрабандиръ.—Они ихъ пристраиваютъ по одной съ каждой стороны сѣдла, а ужь самый дорогой товаръ всегда особо за плечами.—Ну, да все устроимъ. Я нижнимъ чинамъ растолковалъ, какъ и что нужно сдѣлать.

— А часто вамъ приходилось задерживать конную контрабанду, Николай Ивановичъ?

— Да какъ вамъ сказать, иногда приходилось, а бывало, что сыграешь въ пустую. Вотъ со мной въ прошломъ году какой случай

*) Бучкомъ называется палка въ три, четыре аршина длиною съ утолщеніемъ на концѣ.

былъ. Командоваль я Зеленымъ отрядомъ и получилъ доносъ, что пойдетъ партія. — Ну-съ, честь—честью заняли секреты по берегу рѣки, а почъ, надо вамъ сказать, такъ себѣ—сѣренькая. — Сидимъ это—долго сидѣли, наконецъ, думаю, что и сидѣть нечего, рѣшиль я тогда до хаты собираться, ужъ подь утро дѣло было: подаль я свистокъ, сѣлъ на коня и отхожу потихоньку по дуру. Только отошли отъ рѣки, а тамъ цвнякъ все растетъ—вдругъ вижу за зарослями конныхъ человека три. Мы за нами, а они отъ насъ: приемираваюсь—вижу на сѣлахъ у нихъ пони бѣгаются. — А задній то секретъ по свистку сонеть съ мѣста, такъ что тыль открытый остался. — Ну, думаю, упустимъ. Тогда приказаль я Ивану, хороній стрѣлокъ былъ, спѣшиться да подстрѣлить хоть какую изъ лошадей. Тотъ, знаете, приложился, выстрѣлить; смотрю, а самый задній контрабандиръ съ коня турманомъ покатился—значить, высоко взялъ, да вмѣсто лошади въ него угодилъ. Остальные на утекъ поскакали. Подскакаль я ближе, да фонарь открыль. И представьте себѣ мой ужасъ: вижу—корчемный объѣздчикъ лежитъ. — Живъ еще. Сталь я его допрашивать: вышло, что они втроемъ клеверъ воровать ѣздили; ну этотъ клеверъ мы за ноши и приняли, а какъ увидѣли, что мы на нихъ идемъ, они думали, что

погоня: ну-съ и вышла большая мнѣ неприятность. — А корчемникъ на другой день Богу душу отдасть...

— Теперь же мы съ вами, Александръ Николаевичъ, закусимъ, да до вечера спать ляжемъ. Вахмистръ! Чтобы лошадямъ овса дали!—поднимаясь, добавиль ротмистръ. Нѣсколько времени спустя, плотно закусивъ, собесѣдники, завернувшись въ бурки, лежали рядомъ, расположившись задать основательную высынку. Люди тоже спали, лишь двое—трое, оставшіеся караулить, чутко прислушивались къ звукамъ засылавнаго лѣса. Заря догорала, золотя своимъ отблескомъ стволы деревьевъ и просвѣчивая пурпуровымъ свѣтомъ сквозь густую чащу. Гдѣ то далеко, далеко начиналь свою чудную пѣсню соловей, заливаясь на разные лады... Наступили сумерки... На днѣ оврага слышался храпъ людей, да изрѣдка насторожившіеся конь недовольно пофыркиваль, всматриваясь въ темноту...

II.

Лѣтняя ночь уже наступила. Бѣловатый туманъ легкой дымкой закрыль окрестности, поднимаясь съ низкихъ луговъ и стоя сплошной пеленой надъ русломъ рѣки. Чуть замѣтный ночной вѣтерокъ шелестѣль листвою. На днѣ оврага зашевелились. Проснувшійся

ротмистръ въ полголоса отдавалъ послѣднія приказанія. Люди, переодѣвшіеся въ шинели, сѣдлали лошадей и тихо одинъ за другимъ выводили ихъ изъ оврага, расходясь на заранѣе намѣченныя мѣста и скрываясь въ густомъ кустарникѣ.

— Ну, Николай Ивановичъ, теперь и вамъ время, — произнесъ, наконецъ, Березинъ, подходя къ своей лошади и привычною рукою машинально осматривая правильность сѣдловки.

— Только помните, не горячитесь, а то все дѣло испортить можно. Вахмистръ будетъ съ вами. До свиданія...

Взявъ коня за поводъ и соблюдая всевозможную предосторожность, чтобы не выдать своего присутствія, корнетъ въ сопровожденіи вахмистра и трехъ рядовыхъ, двинулся по межѣ среди сплошныхъ зарослей кукурузы до группы кустарника надъ рѣкою, гдѣ, укрывшись, и расположился поудобнѣе, запасаясь терпѣніемъ для долгаго ожиданія. Корнетъ легъ на бурку и сталъ внимательно всматриваться въ темноту. Бродъ былъ отъ нихъ не вдалекѣ и глухой всплескъ воды на мелкомъ мѣстѣ рѣки доносился совершенно явственно. Туманъ стоялъ надъ рѣкою сплошной стѣною. Кваканье лягушекъ слышалось изъ ближайшаго болотца, заглушая собой все остальные звуки. Звѣзды едва мерцали сквозь сѣрую пелену

тумана, сливавшуюся съ облаками. Гдѣ-то далеко на горѣ виднѣлся яркій огонекъ костра, отражавшійся ниже на гладкой поверхности воды. Съ прибрежныхъ луговъ слышалось скрипучее перекликаніе коростелей, да вблизи трещали, не переставая, лѣсныя стрекозы, И все эти разнообразныя звуки соединялись вмѣстѣ и сливались съ окружающею тишиною ночи. Лошади, поставленныя головами въ середину, тихо пощипывали траву. Старый-вахмистръ также сосредоточенно вслушивался, но чуткое ухо его ничего не улавливало подозрительнаго... Долго тянулось томительное ожиданіе... Вдругъ гдѣ-то за стѣной тумана, на австрійской сторонѣ, послышался звукъ какъ бы удара подковой о камень, еще... Туманъ надъ рѣкою зашевелился, и какъ будто гонимый невидимымъ вѣтромъ, сталъ колебаться. Раздался глухой всплескъ воды и тихо одинъ за другимъ появились темныя фигуры, выѣзжая на нашъ берегъ. Контрабандировъ было нѣсколько человекъ, причемъ у нѣкоторыхъ были въ рукахъ навьюченныя заводныя лошади. Медленно, соблюдая тишину, одинъ за другимъ проскользнули ихъ темныя фигуры мимо залегшаго секрета и исчезли въ темнотѣ, направляясь внутрь края... Сердце корнета усиленно забилось... Затаивъ дыханіе, всматривался онъ въ эти фигуры. Рука сама невольно протянулась къ

револьверу, но инстинктивно обернувшись вах-мистръ, замѣтившій это движеніе, издалъ короткое шипѣніе, и корнетъ спохватился. Прошло еще минутъ съ пять томительнаго ожиданія.

„Теперича, ваше благородіе, можно съѣсть на конь—да нужно бродъ занять“, тихо сказалъ вахмистръ.

Люди зашевелились, тихо сѣли на коней, и секретъ перемѣстился къ самой рѣкѣ. Тихо все. Вдругъ, разсѣкая темноту, гдѣ-то мелькнулъ огонекъ и одновременно съ нимъ глухо прокатился выстрѣлъ, отозвавшись въ сосѣднемъ ущельи... Еще выстрѣлъ. Голоса. Въ разныхъ направленіяхъ засветлились огоньки слѣдовыхъ фонарей. Глухой топотъ скачущихъ лошадей слышался съ лѣвой стороны.

„Ну, ваше благородіе, теперь они сюда не подадутся, потому ударились влѣво къ стану. Здѣсь оставить нужно двухъ человекъ на случай для острастки, а намъ такъ лучше бы всего по патрульной дорогѣ выѣхать имъ на перерѣзъ.“

Пустивъ своего застоявшагося коня съ мѣста широкимъ галопомъ, двинулся Ильинъ по направленію къ патрульной дорогѣ и минуту спустя, не будучи въ силахъ сдерживать свое волненіе, далъ поводъ лошади. Нервный скакунъ, почувавъ свободу, вытянулъ

ся и быстро разсѣкая грудью облака тумана, понесся по ровной глади патрульной дороги. Вправо, спускаясь въ лощину, виднѣлись какія-то темныя движущія пятна. Пускайте, ваше благородіе, сильнѣе, и вахмистръ, прищипоривъ коня, съ удвоенной быстротою двинулся впередъ. Со всѣхъ сторонъ слышался топотъ быстро скачущихъ лошадей. Перелетая черезъ канавки и задѣваемый по лицу вѣтвями кустарниковъ, забывъ совершенно возможность сломать голову. Ильинъ бѣшено шпорилъ своего коня, испытывая то-же чувство, какъ когда охотился съ борзыми по русакамъ. „Эхъ, лишь бы не успѣли уйти“, — порою мелькала мысль въ его головѣ. Темныя пятна ближе, вотъ уже онъ ясно различаетъ нѣсколько скачущихъ всадниковъ. По ношамъ, виднѣющимся около сѣделъ, видно, что это контрабандиры.

— Стой!... Стой!... Канальи!... — охрипшимъ голосомъ выкрикиваетъ съ боку вахмистръ.

— „Близко не подѣзжайте“, только успѣлъ добавить онъ, какъ послѣдній всадникъ обернулся и взмахнулъ рукою... Свистя пронесся ударъ; неосторожно наскაკивавшій слѣва отъ прочихъ солдатъ, какъ громомъ пораженный, упалъ съ лошади. Разгорячившійся конь, почувавъ свободу, храпя, исчезъ въ темнотѣ...

„Сава, стой! Сава, подлецъ эдакій. Стой!“ — закричалъ вахмистръ, узнавъ жоака и ловко увертываясь отъ ударовъ бучка. Но контрабандиръ вился волчкомъ. Изловчившись вахмистръ быстрымъ поворотомъ влѣво очутился рядомъ съ контрабандиромъ. Вѣрно взмахнула рука съ шашкой у стараго служаки, и сраженный контрабандиръ повалился на землю. Вахмистръ, схвативъ коней подъ уздцы, быстро соскочилъ за нимъ слѣдомъ...

Ловите остальныхъ! — крикнулъ онъ Корнету: и Ильинъ, задержавшійся на мгновение, ринулся снова впередъ, совершенно освоясь уже съ этимъ преслѣдованіемъ... Вынувъ на скаку револьверъ и изловчившись, онъ выстрѣлилъ почти наугадъ въ послѣднюю лошадь. Выстрѣлъ оказался удачнымъ. Сдѣлавъ нѣсколько порывистыхъ скачковъ лошадь грузно упала и неожиданный этого корнетъ, въ тоже мгновение наскочивъ на нее, турманомъ вмѣстѣ со своимъ конемъ покотился на землю, перевернувшись нѣсколько разъ въ воздухѣ, и растянулся на мягкомъ лугу... Погоня продолжалась.

III.

Собравъ нѣсколько охапокъ сухихъ вѣтокъ, люди быстро разложили костеръ. Дымъ густымъ столбомъ повалилъ кверху, разстилаясь и смѣшиваясь съ туманомъ. Огненные

языки пламени, извиваясь по сухому дереву, съ трескомъ выбивались наружу, освѣщая окрестности. — Оживленно перебрасываясь словами, одинъ за другимъ подходили люди на огонь слѣзая съ лошадей и съ любопытствомъ осматривали открывавшуюся передъ ихъ глазами картину. Нѣсколько человѣкъ хлопотали около оглушеннаго ударомъ бучка солдата, а далѣе виднѣлись трое связанныхъ контрабандировъ. Старый Сава съ подвязаннымъ лицомъ уныло озирался вокругъ, проклиная въ душѣ неудачу и порою хватаясь за разрубленную ударомъ шашки щеку. Собранныя ноши лежали правильнымъ рядомъ. Тутъ же валялась убитая лошадь!..

Весь запыленный, измятый, бывший въ основательной перепалкѣ, ротмистръ весело посматривалъ на имѣвшаго крайне унылый видъ корнета, протиравшаго порою зашибленную при паденіи ногу.

— Ловко все сдѣлано, Николай Ивановичъ. — Спасибо, братцы, за службу... Молодцами поработали...

Съ веселымъ говоромъ, ведя отбитую контрабанду, лошадей и контрабандировъ, вступили пограничники въ мѣстечко, гдѣ, не смотря на ранній часъ, все населеніе быстро пришло въ движеніе, и цѣлыя толпы торговцевъ, сокрушенно вздыхая, умиленно-печальными взорами смотрѣли на массу товара, не

У страха глаза велики.

Заря догорала. Последніе розовые отблески солнца ярко вспыхнули, разливая свои лучи по темному фону сѣрыхъ тучъ. Тихій лѣтній вѣтерокъ шелестѣлъ листвою, освѣжая знойный воздухъ. Закончивъ вечернюю уборку и задавъ овса конямъ, одинъ за другимъ выходили изъ конюшни люди и, вымывши руки у колодца, направлялись въ кухню, стоявшую рядомъ съ кордономъ, откуда слышался громкій говоръ и постукиваніе посуды. Передъ полисадникомъ у кордоннаго столба виднѣлась одинокая фигура дежурнаго, со скучающимъ видомъ посматривавшаго по сторонамъ и порою зѣвавшаго во весь ротъ.

На крыльцѣ кордона, примостившись на ступенькахъ, въ полулежащемъ положеніи, устроился сапожникъ Ткаченко, занимаясь выкраиваніемъ кожи, мурлыкая себѣ подъ носъ и изрѣдка перебрасываясь словами съ дежурнымъ.

— Сказываешь, Ткаченко, что вахмистру
сапожникъ плачетъ? — спросилъ онъ товарища.

— Ему самому; безпремѣнно приказываль, чтобы скорѣе готовы были. Потому какъ вчерась въ секретъ ходили, такъ назадъ безъ подметокъ пришелъ, ужъ очень быстро гнался за контрабандиромъ, все по кочкамъ бѣжать пришлось, а сапоги-то у него базарные—ну и разсыпались.

— А задержали его что ли?

— Какое; нешто ефто возможно, тотъ контрабандиръ на манеръ нечистаго будетъ! Потому, самъ ты посуди: стоялъ это Гридинъ у рогатки часовымъ на мосту, и все, значить, спокойно было до полуночи, а тутъ и началось: слышитъ онъ ровно по лѣсу кто гоготать началъ, и шумъ такой пошелъ, что не приведи Господи. Облокотился онъ на перила, да и посматриваетъ по сторонамъ. Только стало ему робостно чего-то, глянулъ онъ по мосту на прусскую сторону, анъ глядь, идетъ на него по самымъ периламъ нечистый. Дошелъ до середки моста, ухватился руками за перекладину и ну качаться. А руки-то у него бѣлыя пребѣлыя и самъ рожи эдакія строить на всякіе лады. Тутъ Гридинъ возьми да ахни въ него изъ винтовки,—а онъ въ рѣку. И чудно, братецъ ты мой, даже и круговъ по водѣ не пошло. Какъ слышали на кордонѣ выстрѣлъ, вахмистръ сорвался да бѣгомъ къ рогаткѣ. Допросилъ Гридина, что и какъ, и

ну его ругать: ефто, гритъ, ворона ты, контрабандира прозѣваль, либо пригрезилось тебѣ, потому дремалъ ты, такой сякой. Только онъ это скажи, а тудь съ подь моста кто-то сорвись, да по кустамъ какъ ахнетъ, только сучья трещать стали. Вахмистръ-то въ догонку, да чуть не болѣе двухъ верстѣ проманежилъ за нимъ. И ругаль же онъ опосля Гридина. А подметки-то и пропали.

— Чудно это, право, вышло, а все-таки не сироста тутъ дѣло было.

— Какое тамъ сироста, — рѣшилъ внимательно слушавшій собесѣдникъ. — тутъ безпремѣнно глаза отведены были. И ругатель же, братецъ ты мой, нашъ вахмистръ, теперича онъ Гридина поѣдомъ ѣсть: „ишь, гритъ, чертей ужъ видѣть сталъ“. А Гридинъ-то вѣрно сказываль, что нечистый, потому самъ посуди: вышли мы съ нимъ вчерась съ полночи въ секретъ на правый флангъ, гдѣ сухая граница, схоронились около копца въ ложбинкѣ и сидимъ. Только ночь такая была что ни зги не видать. Сидимъ это, братецъ ты мой, и смотримъ. Гридинъ-то отъ меня шагахъ въ пяти сидитъ насупротивъ и тихо, значитъ, вокругъ-то было, что слышать поболѣ какъ на версту. Вдругъ какъ ахнетъ штой-то посреди насъ огромное, какъ будто бы выросло сразу, а распознать нельзя: вы-

сокое, превысокое и опять, значитъ, пропало. Я и спрашиваю Гридина: видѣль? Видѣль, сказываетъ, а што доподлинно, значитъ, пояснить не могу. Мельканіе эдакое въ глазахъ, а ясности-то нѣтъ. Ну и затѣмъ опять тишина при мельканіи особливая. Гридинъ-то, дурная голова, такъ и затрясся: безпремѣнно ефто снова чортъ будетъ... Ну а на мой взглядъ — чортъ не чортъ, а дѣйствительно вродѣ какъ бы на манеръ нечистой магнетизмы...

II.

— О чемъ это ты, Ткаченко толкуешь? — спросилъ ротмистръ Вороновъ, гулявшій въ полицадникѣ и давно прислушивавшійся къ разговору...

— Да такъ, ваше высъ—родіе, очень сумнительно намъ стало, какъ позавчера въ секретѣ были. Потому никакъ невозможно было понять; либо ефто мельканье въ глазахъ, либо што иное, — добавилъ Ткаченко, не дѣлая точнаго опредѣленія.

— Отчего же ты не доложилъ старшему, — снова задалъ вопросъ командиръ.

— Такъ, что боязно было, солдаты и такъ, ваше высъ—родіе, всѣ сказываютъ, што по глупости только и можно чорта видѣть: ну я поэтому и промолчалъ.

Разспросивъ самымъ подробнымъ образомъ обоихъ, ротмистръ приказаль позвать старшаго и медленно направился въ свою квартиру, что-то соображая.

III.

Случай съ Ткаченко его сильно заинтересоваль. Привыкнувъ относиться крайне серьезно къ мельчайшимъ случайностямъ пограничной службы, онъ рѣшилъ основательно провѣрить мѣсто, гдѣ произошелъ таинственный случай. Приказавъ старшему поста быть готовымъ, ротмистръ быстро одѣлся и, захвативъ съ собою Ткаченко, направился къ правому флангу перваго участка.

Отойдя версты двѣ отъ границы и осмотрѣвъ по указаніямъ Ткаченко мѣсто, гдѣ былъ расположенъ ихъ секретъ, ротмистръ только что хотѣлъ устроиться въ небольшой ложбинкѣ, какъ вдали замѣтилъ быстро ѣдущаго всадника, въ которомъ сразу узналъ своего субалтернъ-офицера корнета Горева.

Корнетъ лихо растяжнымъ галопомъ подскакаль къ своему командиру отрапортовавъ и, быстро спрыгнувъ съ коня, онъ бросилъ поводья подбѣжавшему объѣздчику. Поздоровавшись съ Вороновымъ и узнавъ вкратцѣ предполагаемый планъ дѣйствій, Горевъ сейчасъ же испросилъ разрѣшеніе принять участіе.

Усѣвшись поудобнѣе и закуривъ папиро-

сы, они рѣшили терпѣливо выждать ночь, а вмѣстѣ съ нею и объясненіе страннаго случая, происшедшаго съ Ткаченко. Слышавъ, какъ попадались много разъ въ просакъ въ постоянной войнѣ съ контрабандирами сосѣдніе офицеры, ротмистръ относился крайне подозрительно ко всему, что дѣлалось на границѣ.

— Такъ вы думаете, что тутъ что нибудь неладное. Иванъ Андреевичъ?—спросилъ Горевъ, выслушавъ обстоятельный разсказъ своего командира.

— Да какъ вамъ сказать.—задумался на минуту ротмистръ, съ одной стороны можно думать, что Ткаченко что-нибудь пригрезилось, а съ другой, разные, знаете-ли, случаи бываютъ въ нашей службѣ. А что на чорта всегда вину сваливають, такъ это уже по свойству нашего народа обвинять въ промахѣ кого угодно, только не себя. У меня съ годъ тому назадъ, когда я еще Венглевицкимъ отрядомъ командоваль, тоже курьезъ вышелъ: представьте себѣ, какъ только повѣрка границы, каждый разъ звѣрины слѣды оказываются. И никакъ не разберешь какого звѣря. Меня даже сомнѣніе взяло, откуда звѣри могли появиться. Въ секретахъ недѣлями просидѣть пришлось, все звѣря ловили. А на повѣркѣ вышло, что контрабандиры себѣ ходили съ

звѣриными лапами сдѣлали, да преблагополучно и таскали товаръ черезъ границу.

— Прежде при департаментскихъ гражданскихъ порядкахъ на этотъ счетъ такъ просто было. Замѣтитъ часовой у себя на участкѣ слѣдъ по снѣгу или по песку, сломить себѣ елку да макушкой давай слѣды заметать. Ну и благополучно! Вѣдь только теперь, съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлили насъ отъ чиновниковъ да корпусъ сформировали, выработался правильный взглядъ на охрану границы, а раньше только о внѣшней, показной сторонѣ заботились. Оно и понятно: ѣдетъ какой ни на есть совѣтникъ, встрѣчаютъ его какъ богдыхана какого, въ полной парадной формѣ, салютуютъ, на караулъ командуютъ, ну онъ и растаетъ, внутрь-то и не заглядываетъ. Всѣ наши больше на фокусахъ выѣжали... Ну, а теперь не то; теперь, сами видите, отъ службы въ войскахъ ничѣмъ не отличается наша служба, развѣ только тѣмъ, что труднѣе... А старое и вспоминать не хочется—страсть нашего брата чиновники заѣдали...

— А вы, Иванъ Андреевичъ, попадались въ просакъ съ задержаніями?—спросилъ внимательно слушавшій Горевъ.

— Да какъ вамъ сказать, бывало всякое. Доносчикъ дастъ свѣдѣніе, что должны идти

на Каменной дистанціи, ждешь, сидишь, а они, каналы, возьмутъ да пройдутъ на другой. Вотъ съ Федоромъ Федоровичемъ, нашимъ сосѣдомъ, такъ съ тѣмъ курьезный случай вышелъ. Получилъ вѣрное свѣдѣніе, что контрабандиры пойдутъ черезъ Шляхтяный постъ; самъ машинистъ*) свѣдѣнія далъ и просилъ только какъ можно больше людей собрать, потому, говорить, что очень большая партія контрабандировъ будетъ идти. Ну, Федоръ Федоровичъ и собралъ чуть не весь отрядъ на Шляхтяной дистанціи, рассадилъ всѣхъ цѣпью въ секреты и самъ сѣлъ. Сидѣли этакъ они до полуночи, тишина полная, а тамъ, сами видѣли, и съ нашей, и съ прусской стороны лѣсъ, такъ что ничего не видно. Только среди ночи слышитъ онъ, что кто-то его громко зоветъ:

— Пане капитане! Пане капитане! И на прусской сторонѣ трескъ по зарослямъ идетъ. Сомнѣніе его взяло. Думалъ кто бы это звать бы могъ. Порѣшилъ, что это доносчикъ что либо сказать хочеть, взялъ да и отозвался:

— Я,—говорить. А тотъ ему снова:

— Панъ капитанъ тутъ?..

— Тутъ!..

*)Машинистомъ называется вожакъ партіи контрабандистовъ.

— А желонешей*) у пана много?

— Всѣ,—говорить,—здѣсь!

И не подозрѣвалъ нашъ сосѣдъ никакого подвоха. А та каналья какъ расхохочется да и кричить:

— Ну, пане капитане, я тутъ не пуйду, пошукаю въ инашемъ мѣстѣ.

И что вы скажете—передвигать секреты времени не было, ну и перемахнули на другой дистанціи черезъ границу, да такой слѣдъ оставили, что все равно какъ табунъ лошадей перешель... Однако мы заболтались, пора и прикончить разговоръ.

Ночь между тѣмъ уже наступила. Теплый вѣтерокъ, налетая порывами, пріятно освѣжалъ воздухъ; въ окрестностяхъ все замолкло, и тишина нарушалась лишь трескомъ кузнециковъ да порою чѣмъ то испуганная птица, со свистомъ разсѣкая крыльями воздухъ, проносилась по направленію къ лѣсу. На прусской сторонѣ вдаль мелькали огоньки въ ближайшей деревнѣ, составляя рѣзкій контрастъ съ безбрежной темнотою, разстилавшейся за русской границей. Расположившись цѣпью въ небольшомъ разстояніи одинъ человекъ отъ другого, притаился секретъ, терпѣливо ожидая появленія таинственнаго явленія. Внима-

*) Желонешъ — солдатъ.

мательно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, ротмистръ пристально всматривался въ темноту. Порою ему казалось, что на него дѣйствительно надвигается какая-то громадная тѣнь, но, всмотрѣвшись, онъ убѣждался, что это его обманывало зрѣніе. Къ полуночи темнота какъ будто сгустилась и тѣ предметы, которые видны были раньше, потонули въ облакахъ бѣлаго тумана, который, поднимаясь надъ землею, сплошной стѣной сливался съ окружающей темнотою, дѣлая ее еще непрогляднѣе. Шагахъ въ пятнадцать отъ него онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ, фигуру Ткаченко.

Всматриваясь впередъ, Вороновъ вдругъ замѣтилъ, что туманъ какъ будто заколебался и изъ темноты безшумно какъ-то сразу выросла громадная фигура и, на мгновение мелькнувъ передъ его глазами, исчезла во мракѣ. Ротмистръ былъ не совсѣмъ увѣренъ, показалось ли это ему или же дѣйствительно что-то промелькнуло. Минуту спустя его сосѣдъ зашевелился и почти сейчасъ же подошелъ къ нему корнетъ Горевъ.

— Ну что видѣли, Иванъ Андреевичъ?— обратился онъ шопотомъ къ ротмистру.

— Видѣтъ-то видѣлъ, но рѣшительно не могу понять, что это такое?

По моему дѣйствительно что-то странное, какъ будто тѣнь какая, — робко добавилъ Горевъ, видимо взволнованный необъяснимымъ явленіемъ.

Ротмистръ задумался.

IV.

Рѣшивъ непременно разгадать загадку, Вороновъ цѣлый слѣдующій день былъ занятъ приготовленіями: со всѣхъ постовъ отряда были собраны веревки, арканы, которые связывались вмѣстѣ и концами своими привязывались къ кольцамъ коновязныхъ колець, подъ наблюденіемъ самого командира отряда, а съ наступленіемъ сумерокъ паръ пятнадцать секретовъ были высланы на участки сухопутной границы, соединяясь между собою туго натянутыми веревками, прикрѣпленными къ вбитымъ въ землю коновязнымъ кольямъ.

Ночь обѣщала быть еще темнѣе предыдущей. На горизонтѣ небосклона порою виднѣлись вспышки молніи. Туманъ надъ лугами поднимался пеленой. Занявъ мѣста, люди наблюдали полнѣйшую тишину и самый опытный слухъ не открылъ бы на этомъ лугу присутствія полусотни человѣкъ, внимательно прислушивавшихся къ каждому шороху. Время тянулось безконечно. Присѣвъ около высокихъ

кустовъ лозняка, ротмистръ, всматриваясь въ темноту ночи, задумался. Его сильно заинтересовалъ результатъ изобрѣтеннаго имъ способа. Съ одной стороны казалось, что будетъ удача, а съ другой являлась боязнь остаться въ дуракахъ. Длинный рядъ уловокъ контрабандировъ не давалъ ему покоя. Но цѣлый день, проведенный на ногахъ за приготовленіями, и предыдущая ночь безъ сна до того его утомила, что, онъ самъ того не замѣчая, сталъ дремать. Глаза слипались сами собою отъ долгаго напряженія, но чуткое ухо служило службу за нихъ, давая знать о каждомъ шорохѣ и заставляя его порою энергично протирать глаза и всматриваться снова въ темноту.

Вдругъ шумъ чего-то упавшаго и одновременные возгласы нѣсколькихъ голосовъ привели Воронова въ себя и заставили его быстро, вскочивъ на ноги, кинуться на голоса. Пробѣжавъ нѣсколько десятковъ саженой, онъ наткнулся на толпу солдатъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разобрать, лишь въ серединѣ толпы слышна была какая-то возня да пыхтѣніе видимо трудившихся людей. Порою слышались поощрительные возгласы:

— Такъ его! Насѣдай здоровѣй! Ивановъ, чортъ эдакій, крути лучше...

Вынувъ изъ-подъ пальто фонарь и, от-

крывъ потайную крышку, ротмистръ направилъ лучи свѣта въ центръ толпы. Передъ нимъ виднѣлась какая-то куча темныхъ шинелей, ожесточенно возившихся. Тутъ-же лежало огромное колесо съ блестящими спицами, другое виднѣлось не вдаль... Машина потерпѣла крушеніе.

А когда черезъ нѣсколько минутъ все успокоилось и люди пришли въ порядокъ, передъ глазами ротмистра предсталъ самъ велосипедистъ со скрученными руками. Тутъ же оказались и два тюка съ цѣннымъ товаромъ.

Ротмистръ торжествовалъ; нечистый былъ пойманъ, и въ отрядѣ на долго водворилась тишина.

Н а м о р ъ.

(Очеркъ изъ прошлаго).

На узкой площадкѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ воды стоитъ небольшой домикъ-кордонъ пограничной стражи, пріютившійся подъ скатомъ горъ, тѣсно сдвинувшихся къ самому берегу моря.

Горы террасами, одна другой выше, поднимаются вдаль, а на небосклонѣ снѣговья вершины совершенно сливаются съ бѣловатыми облаками, низко нависнувшими надъ землею. Густая зелень дикаго винограда покрываетъ прибрежныя скалы, оживляя ихъ мрачный видъ и разнообразя своей зеленью общій сѣровато-желтый фонъ картины. Скалы, сброшенныя въ море, выглядываютъ сплошной грядой изъ воды, оставляя свободнымъ лишь небольшой заливчикъ-бухту, защищенный узкой песчаной косой, далеко выходящей въ море; лишь въ немъ вода стоитъ совершенно спокойно, ярко отражая на своей гладкой поверхности лучи горячаго южнаго солнца. Далѣе за косой море вѣчно волнуется. Одну за другой несетъ оно свои волны на гряды скалъ, стремясь

взбѣжать на высокій берегъ, но, разбившись о скалы съ глухимъ шумомъ волны возвращаются назадъ, встрѣчаясь съ набѣгающими встрѣчными волнами и, столкнувшись съ ними, снова омывають черныя скалы, кружась среди нихъ въ невообразимомъ хаосѣ. Бѣлая пѣна густыми клубами постоянно сбивается къ берегу утѣвая грязными комьями песчанную косу.

Даль моря между тѣмъ кажется спокойной. Легкій вѣтерокъ рябитъ поверхность воды насколько видно глазу, а дальше разстилается безбрежная гладь синяго моря, сливающаяся съ нимъ же на горизонтѣ. Съ рѣзкимъ крикомъ, быстро разбѣгая крыльями воздухъ, кружатся у берега стаи чаекъ-рыболововъ, носясь надъ водою и высматривая добычу. Съ страшной быстротою кидаются они на блеснувшую въ волнѣ рыбу и, быстро схвативъ ее своимъ крѣпкимъ клювомъ, летятъ съ побѣднымъ крикомъ на берегъ, гдѣ, вовсе не обращая вниманія на стояшаго у кордона солдата-дежурнаго, тутъ же не вдаль отъ него, весело поглядывая своими прозрачными глазами, разрываютъ свою добычу, отбиваясь отъ своихъ назойливыхъ товарищей.

На скамейкѣ около сигнальнаго столба присѣлъ дежурный, сосредоточенно вглядываясь въ безбрежную даль, гдѣ изрѣдка неясной бѣлой точкой мелькаетъ парусъ проходящей

шкуну, да порою, оставляя за собою густую полосу чѣрнаго дыма проходить торговый пароходъ.

— „Ивановъ, а Ивановъ!-откуда-то изъ внутри двора нѣсколько разъ крикнулъ чей-то зычный голосъ, и минуто спустя, щурясь на солнцѣ и зѣвая, вышелъ изъ воротъ высокаго роста солдатъ, что-то ворча себѣ подъ носъ.

Дежурный, услышавъ окликъ надъ собою, встрепенулся.

— Ишь ты, врагъ тебя возьми, не дозовешь-ся тебя. Оглохъ, что-ли, съ неудовольствіемъ продолжалъ вышедшій. — Цѣлый часъ кличу.

— Не слышать за приборомъ было, Василий Васильевичъ, — робко отвѣтилъ дежурный.

— Не слышать, — передразнилъ старшій, — потому ты все воронь, то бишь чаекъ, считаешь. Теперича вотъ што: прибѣгъ Абдулка съ аула, рассказываетъ, што ждуть сегодня контрабанду: аглицкій, либо турецкій карапъ, долженъ ее привезти. Ну, а на берегъ взялись доставить Рахметка со своими; такъ ты теперича не зѣвай, да смотри, чуть парусъ какой коло берега маячить будетъ, — сейчасъ рассказывай мнѣ... Надо и людей будить, чтобъ шлюпку снаряжали, потому коли Рахметка взялся, такъ онъ ужъ безпремѣнно проскользнетъ, либо у насъ, либо на Низовомъ кордонѣ, только я ужъ

разъездъ выслалъ, чтобъ на Низовый дать знать, — и старшій повернувшись пошелъ внутрь кордона, что-то говоря самъ съ собою.

Облокотившись на столбъ, дежурный съ еще большимъ вниманіемъ сталъ всматриваться въ даль, мурлыкая себѣ подъ носъ пѣсенку, да порою кидая взгляды на бухту, гдѣ у причала нѣсколько человѣкъ копошились около шлюпки, подвязывая къ банкамъ*) винтовки и приводя въ порядокъ ея снаряженіе.

На дворѣ кордона началась вечерняя уборка: одинъ за другимъ выводили объѣздики своихъ коней изъ конюшни и привязывали ихъ къ коновязи. Послышалось дружное шуршаніе щетокъ, постукиваніе скребницъ, да порою громкіе отклики на расшалившихся лошадей:

— Стой, лѣшій! Ишь ты, врагъ тебя возьми, зубами схватить хочешь!

— „Прими на право. У, ты, идолю!

Окончивъ чистку и навѣсивъ на лошадей торбы съ ячменемъ, люди присѣли тутъ же въ кружокъ на камни, перекидываясь замѣчаніями. Голубоватый ѣдкій дымъ махорки носился въ воздухъ. Злобой дня было сообщенное Абдулкой свѣдѣніе о предполагаемомъ водвореніи

*) Банками называются скамейки въ шлюпкѣ.

контрабанды. Старшій, сообщивъ свои соображенія и распредѣливъ людей на шлюпку, въ секреты, въ разъездъ, медленно и съ достоинствомъ пускалъ кольца дыма, изрѣдка вставляя въ разговоръ свои замѣчанія.

— „Главное, братцы мои, съ опаскою нужно супротивъ нихъ дѣйствовать, потому куды какъ они злющи, — началъ небольшого роста черноволосый солдатъ, повидимому отвѣчая на свои собственные мысли, — потому и домой скоро идти, — подстрѣльнуть, вотъ и калѣкой пойдешь“.

— „За то пенціонъ дадутъ, — перебилъ его другой. — Коли какое убожество сдѣлаютъ, значитъ такъ на роду было тебѣ написано... А главное мидалъ братцы получить... Очень лестно! Къ примѣру, кабы у меня была мидалъ, какъ у Денисова, я бы нѣшто такъ, какъ ень ходилъ. Сичасъ еройство на себя бы напустилъ; а дома не токма староста, самъ бы писарь сичасъ со мной за ручку и Аленку нашего кузнеца дочку, на што богатѣй, и то бы посватать можно“.

— „Денисовъ, а ты расскажи, за что тебѣ мидалъ дали, — обратился онъ къ худощавому солдату, задумчиво присматривавшемуся къ лошадямъ.

Тотъ будто нехотя, не сразу отвѣтилъ.

— „За что? Известно за что: сѣли мы въ секретъ внятеромъ, а на насъ и нарвалась партія съ контрабандою, человекъ эдакъ съ двадцать будетъ. Мы залегли за камни да залпъ по нимъ дали; ну, а они схватились, тоже по буеракамъ да давай себѣ палить. Пока што—глядь, а они Макарова, что старшимъ былъ ухлопали, да и Севрюгину пуля въ ногу попала, такъ скалѣчила...

..Ну мы тоже ихъ пощелкали—человекъ восемь уложили. Они видятъ, што плохо ихъ дѣло, пошли на утекъ къ Мягкому броду: ну, а мы втроемъ имъ кинулись на перерѣзъ, да надъ бродомъ и засѣли; только они показались мы ихъ къ водѣ и ну щелкать, а тутъ съ кордона помощь подошла, они и коней покидали и тюки. Больше чѣмъ на двѣ тысячи товару взяли. Ну намъ и пожаловали двоимъ, мнѣ да Севрюгину, медали за храбрость.

— „Ишь ты, посчастливилось!..

„А все хоть ты и ерой, Денисовъ, а еройства въ тебѣ съ виду куды мало... Ты долженъ себя завсегда иначе обозначать. Вотъ какъ Семеновъ,—тотъ медаль получилъ за разбойниковъ. Окружили это ихъ, да всѣхъ и похватили, а ихъ атаманъ разбойничій въ подвалъ запрятался и всѣ боялись его брать тамъ, потому съ ружьемъ онъ, а Семеновъ,

отчаянная голова, „я говоритъ полѣзу“; ну влѣзъ туда и ничего, забралъ атамана, только тотъ ему маленько бокъ кинжаломъ пропороль.

— „Да. что это, братцы,— снова началъ Денисовъ,— ужъ очень здѣсь тоска донимаетъ, потому никакъ я къ здѣшнему мѣсту привыкнуть не могу, на сухопутной границѣ куда лучше, а здѣсь очень вода одолѣваетъ. Шумить безъ перерыва: ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. Еще такъ то ничего, а въ бурю куда какъ страшно, мѣста себѣ не найдешь... Ишь ты, какъ плещетъ“...

Свѣжій вѣтерокъ, поднявшись къ вечеру, гналъ безостановочно мелкія волны къ скалистому берегу. Пѣна собиралась на отмели все больше и больше. Съ глухимъ шумомъ набѣгала волна на гряды скалъ и, перекатившись черезъ нихъ, неслась къ берегу, взбѣгая далеко на песчаную косу. Ритмическій однообразный шумъ наводилъ тоску на непривычнаго человека. Вечерняя прохлада уже чувствовалась въ воздухѣ. Легкій бѣловатый туманъ мѣстами поднимался надъ землею. А вдаль на горизонтѣ темныя очертанія горъ казались еще темнѣе. Въ ближайшемъ аулѣ слышался лай собакъ, да порою гдѣ-то съ крикомъ поднимались сѣвшія уже на ночь стаи чаекъ и долго не успокоиваясь носились въ

воздухъ. Изъ-за горъ показался огненно красный край мѣсяца, быстро увеличивавшагося и какъ будто выходившаго изъ земли.

Наступила ночь. Въ отдаленіи слышался глухой топотъ копытъ и изъ-за поворота показался темный силуэтъ всадника. Соскочивъ съ лошади и передавъ ее дежурному, онъ быстро взошелъ въ кордонъ, откуда минуту спустя слышался голосъ старшаго, звавшаго людей.

— „Такъ видать, Ткаченко“? допрашивалъ ефрейторъ прибывшаго.

— „Такъ точно! Шель это я шагомъ и вижу, что фелюга*) маячитъ около берега, а приставать не пристаешь, ну я и пошелъ рысью, чтобы знать дать; наши въ секретѣ тоже ее примѣтили. Да еще ближе къ аулу свѣтъ бѣлый видать на манеръ сигнала.

— „Значитъ нужно присмотрѣть за ними, — на минуту какъ бы остановился въ раздумьи старшій. — „Собирайся на шлюпку, кто назначенъ, да живѣе, — почти сейчасъ же громко приказалъ онъ, повидимому придя къ какому-то опредѣленному рѣшенію

Люди засуетились и, быстро одѣвшись одинъ за другимъ направились къ бухтѣ.

*) Фелюгой называется турецкое судно, родъ баржи съ парусной оснасткою.

Размѣстивъ людей по банкамъ, старшій сѣлъ на руль и команда „весла на воду“ минуту спустя выдвинула шлюпку на середину залива. Искусно лавируя между скаль съ большимъ трудомъ подвигалась она противъ прибоя; наконецъ, выйдя изъ буруновъ, руль повернуть былъ на право и шлюпка, подвергаясь небольшой боковой качкѣ, плавно заныряла, направляясь вдоль берега.

— „Налягъ, налягъ, братцы, — порсю подбодрялъ старшій свою кавалерійско-морскую команду и мѣрно поднимавшіяся весла, дружно разсѣкая воду, быстро подвигали шлюпку впередъ. —

— „Да смотри на носу не зѣвать, мы ихъ отрѣжемъ. какъ высаживаться будутъ; чтобы маху только намъ не дать.“

Сѣроватый свѣтъ ночи давалъ возможность различать на морѣ небольшое пространство. Луна, показавшаяся въ началѣ, спряталась за тучи, изрѣдка выглядывая на нѣсколько секундъ и освѣщая своими мягкими лучами безбрежную водяную равнину.

Напряженнымъ взглядомъ всматривался старшій впередъ, стараясь открыть присутствіе подозрительнаго судна. Но вокругъ ничего не было видно; темный абрисъ берега кидалъ на далекое пространство свою тѣнь, скрывая въ

ней буруны. Шумъ прибоя въ ночной тишинѣ казался еще сильнѣе.

— „Кажись, что ничего не будетъ, — только что тихо замѣтилъ одинъ изъ солдатъ, какъ гдѣ-то совсѣмъ близко подѣ берегомъ послышались скрипучіе звуки.

Люди насторожились. Перемѣнивъ курсъ, шлюпка, быстро направилась къ берегу. Черезъ нѣсколько минутъ ясно обрисовалось небольшое судно турецкаго типа, державшее курсъ параллельно земли.

„Достань винтовки, — тихо прозвучала команда.

Люди взяли оружіе.

— „Стой кто на суднѣ!“ — какъ-то особенно громко раздался окликъ старшаго.

Но баржа, не обращая вниманія и отвѣчая на окликъ безмолвіемъ, быстро взяла курсъ въ открытое море. Шлюпка направилась на перерѣзъ. Лишь скрипъ снастей на флюгѣ нарушалъ тишину.

— „Держи къ борту — можетъ всю посудину возьмемъ, — подбодряя людей, замѣтилъ старшій.

— „Только опасно подходить близко, — тихо отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— „Опасливо, а помнишь по присягѣ „не щады живота“. Держи ближе!“

Сжимая винтовки въ рукахъ, люди всматривались въ судно. Тишина на немъ непріятно дѣйствовала на нервы.

— „Приготовь багоръ, чтобы сцѣпиться, сейчасъ пристанемъ. „Стой баржа!“

Фелюга была уже совсѣмъ близко, неясные силуэты людей виднѣлись за ея бортомъ. Рѣзко прогремѣли въ отвѣтъ нѣсколько выстрѣловъ и эхо далеко гдѣ-то отозвалось въ горахъ. Судно отвѣтило на окликъ. Со стономъ схватился старшій за грудь, падая на дно шлюпки. Беспорядочно затрещали выстрѣлы берданокъ и пули съ трескомъ ударились въ борты судна.

Еще выстрѣлы... И маленькая шлюпка, лишившись почти всего своего экипажа, лежавшаго убитыми и ранеными на днѣ ея, закружилась въ волнахъ. Врагъ показалъ зубы. Поднявъ паруса, быстро скользила фелюга по вѣтру, совершивъ преступленіе и убѣгая отъ правосудія.

Разбуженныя выстрѣлами чайки стадами закружились въ воздухѣ, оглашая окрестности своими пронзительными криками, да на шлюпкѣ раненые тяжелыми стопами нарушали тишину ночи. Волны одна за другой съ тихимъ плес-

комъ набѣгали на прибрежныя скалы, подвигая шлюпку все ближе и ближе къ берегу, гдѣ уже виднѣлась группа солдатъ встревоженныхъ выстрѣлами.

.....
Полчаса спустя, разсѣкая своимъ могучимъ корпусомъ сѣрыя волны и оставляя за собою широкій серебристый слѣдъ, пыхтя отвалилъ отъ пристани казенный параходъ въ погоню за хищниками и скрылся во мракѣ ночи.

ВЪ СНѢГАХЪ.

(Изъ прошлаго).

Бѣлая. снѣговая пелена уже покрыла землю пушистымъ толстымъ слоемъ, но снѣгъ все шелъ и шелъ, не переставая. Вѣтеръ, взметая снѣжные сугробы, переносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, все ближе и ближе подвигая къ лѣсной опушкѣ, гдѣ задержанный густыми елями, набрасывалъ на нихъ цѣлыя снѣговья горы: то поднимая облака снѣговой пыли, съ рѣзкимъ свистомъ проносился по лѣсу, разсыпая блестящія снѣговья искорки, переливавшіяся разноцвѣтными огнями при свѣтѣ солнца. Сплошная масса вѣковыхъ елей и сосенъ тѣснымъ рядомъ сдвинулись около патрульной дороги, раздѣляющей два государства; извиваясь среди зарослей, она терялась гдѣ-то въ отдаленіи. Рѣзко скрипя по морозному снѣгу и увязая порою въ немъ, медленно двигались съ поста на постъ разъѣзды пограничной стражи, несмотря на непогоду, бдительно охранявшіе государственную границу. Порою на темномъ фонѣ лѣса вырисовалась закутанная фигура часоваго.

Весь заваленный снѣгомъ, пріютился на небольшой полянкѣ пограничный кордонъ. Сплошь замерзшія окна и заметенныя, несмотря на расчистку, дорожки заставляли предполагать незнакомаго съ пограничной жизнью, что кордонъ не обитаемъ, но медленно расхаживающая фигура дежурнаго да фырканье лошадей въ конюшнѣ доказывали противное. Внутри кордона царилъ та же мертвая тишина: люди отдыхали, приготовлялись идти на ночную службу. Только въ маленькой комнатѣ за кухней слышались голоса. Примостившись около окна съ карандашемъ въ рукахъ, согнувшись надъ тетрадкой, сидѣлъ небольшого роста солдатъ, дѣятельно что-то подсчитывая, развалившись на скамейкѣ, лежалъ другой.

— „И оказія, братецъ ты мой, сколько не считай, а рубля нѣтъ, какъ нѣтъ... То есть и ума не приложу,—продолжалъ первый— артельщикъ Ивановъ, начатый разговоръ, обращаясь къ своему собесѣднику, стражнику Рощупкину.—

— „А тутъ вахмистръ кричѣтъ:“ чтобы ты, собачій сынъ, нашель ефтотъ рупь!“ Нешто его найдешь! Хотѣ бы ты помогъ, какъ-нибудь посчитать.

— „Эту цифирь-то! Нѣтъ, Серега, по мнѣ что цифирь считать, што съ високаго мос-

та въ воду смотрѣть, все едино—только голова кружится“...

„Да ты рупь-то возми да выведи куды, къ примѣру—на продукты накинъ, а потомъ доложишь, что молъ забылъ записать...“

— „Нѣтъ, братъ, это дѣло не рука, потому за ефто самое по головкѣ не поглядятъ. Теперяча дюже строго стало“.

— „Позавчера меня итакъ вахмистръ щунялъ. Пріѣхаль онъ, да прямо къ столу, что молъ, варили сегодня, а я, какъ раньше промежь насъ уговоръ былъ, докладываю, што ничего, господинъ вахмистръ, не варили ужъ два дни, потому артель порѣшила замѣсто обѣда чай пить. Какъ ень взѣдется, да давай меня щуняты... Я, кричѣ, тебя, да ты уменя... и вышло, што я за всѣхъ и отдулся... Да еще сказывалъ, что отрядному командиру доложить—а ужъ тотъ потачки не дастъ—заразъ въ карцеръ запакуеть“...

— „Да, это ты вѣрно сказываешь, теперь всѣмъ влетитъ,—отозвался Рощупкинъ, поднимаясь съ лавки.

„Однако время и людей будить безпремѣнно старшій сказывалъ всѣмъ на границу выходить, потому дознался нашъ командиръ, что пойдутъ эфту ночь контрабандеры съ Пруссъ...“

— „И пропасти на нихъ нѣтъ, братецъ ты мой,—продолжалъ резонерствовать Рощупкинъ, вертя самодѣльную цыгарку. — „Погодка-то какая стоитъ, и самимъ имъ безпокойно, да и нашему брату куда какъ тяжело“.

— „А можетъ и не пойдуть, только зря ночь на границѣ пролежимъ... Эхъ, время будить,—закончилъ онъ, выходя.

Черезъ нѣсколько минутъ, ежась и кряхтя, одинъ за другимъ выходили люди въ кухню и располагались вокругъ большого стола. Огромный самоваръ, испуская клубы пара, уже бурлил на столѣ. Потягивая желтенькій напитокъ, всѣ нехотя какъ-то перебрасывались словами...

— „И бѣда, это братцы, въ такую погоду и спокойствія нѣтъ,—недовольнымъ голосомъ заговорилъ бородатый объѣздчикъ Холоповъ.

— „Это еще теперь ничего,—отозвался ефрейторъ Баланчукъ.—А вотъ прежде, скажу я вамъ, братцы, куда тяжелѣе бывало. Бывало чуть не каждую ночь по секретамъ-то сидишь. А вотъ какъ поймали контрабандира Курка, да людей по кордонамъ прибавили, много спокойнѣе стало“.

— „Въ Березинскомъ отрядѣ, какъ я былъ тамъ, дюже мучились. Значить, товаръ черезъ

границу контрабандирская лошадь. перевозила. Приучилъ это одинъ контрабандиръ лошадь. Переведетъ ее черезъ таможенную въ Прусску, тамъ навьючитъ товару на нее, а ночью и пуститъ. Она, знаетъ сама домой черезъ границу и дуетъ. Лошадь-то бѣлая—ну ее на снѣгу и не видать. Ужъ бились, бились съ нею больше двухъ зимъ, изо дня въ день караулили, да ничего сдѣлать не могли. Никакъ это не запримѣтишь, какъ она черезъ границу перемахнетъ.

„— А по слѣду не ходили?“

„— Какъ не ходить. Пойдешь по слѣду—придешь это къ жилью, лошадь стоитъ себѣ, кормъ ѣсть, а товаръ ужъ весь попрятанъ—значить все въ порядкѣ и придратъся нельзя. Ужъ почитай къ концу третьей зимы вахмистръ изловчился, да ее на самой границѣ подстрѣлилъ. И красивая да умная лошадь была, и намъ жаль ее страсть какъ было, а контрабандиръ, такъ сказываютъ, даже плакалъ надъ нею какъ надъ своимъ роднымъ. Большія она ему тысячи принесла... Однако, время и на службу.“

Вынувъ жребій, на какой участокъ кому идти, одинъ за другимъ выходили люди на дворъ, стараясь плотнѣе завернуться въ бурку, и, направляясь влѣво и вправо по патрульной дорогѣ, исчезали въ мракъ...

II.

На дворѣ прусской корчмы, подъ навѣсомъ, освѣщенные свѣтомъ небольшого фонаря стояли широкія сани, запряженные парой рослыхъ коней. Нѣсколько человѣкъ торопливо носили и укладывали въ нихъ тюки и свертки товара. Плечистый нѣмецъ, хозяинъ корчмы, наблюдалъ за укладкой, поправляя и указывая, какъ нужно класть.

— „Ну, кажется, все готово,“ рѣшилъ онъ, осматривая въ послѣдній разъ и пробуя веревки завязаннаго воза.

„— Теперь, Иоганъ, Михель и Пауль, можете еще по стаканчику коньяку выпить, да ружья осмотрите получше...“

Трое дюжихъ парней въ полушубкахъ подошли ближе къ свѣту и хозяинъ, вынувъ изъ кармана бутылку, налилъ каждому по-очереди по огромному стакану спирта.

„Ну, теперь садитесь. Ты, Пауль, къ возамъ. Теперь погода такая, что эти глупые русскіе солдаты спятъ, навѣрное, такъ же, какъ и ихъ братья медвѣди...“

Громадный Павелъ взялся за возжи, остальные двое сѣли въ самый задъ саней, положивъ себѣ на колѣни двухстволки.

„— Отвори ворота, — продолжалъ корчмарь. — Forwertz (впередь)!“

Рѣзко скрипя по замерзшему снѣгу, шагомъ двинулись сани со двора. Павелъ осмотрѣлся и взялъ направленіе на русскую границу, къ заранѣе намѣченному мѣсту, гдѣ предполагалось удобнымъ прорваться внутрь края...

III.

Мятель къ вечеру разыгралась не на шутку, тучи сплошь заволокли небо; вѣтеръ, рѣзко завывая, крутилъ снѣговою пылью, изрѣдка затихая, но съ новымъ порывомъ поднималъ еще большее количество мелкаго снѣга и съ яростью расбрасывалъ его по лѣсу, намѣтая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые сугробы, то быстро подхватывая насыпанный снѣгъ, переносилъ его на новое мѣсто. Даже привычный глазъ не различилъ бы въ этой мятели притаившихся часовыхъ и секреты, расположенные немного отступя отъ патрульной дороги въ глубь лѣса. Скорчившись въ три погибели, закутанныя и запорошенные снѣгомъ, ихъ фигуры ничѣмъ не отличались отъ окружающихъ сугробовъ.

За первымъ участкомъ, гдѣ дорога отъ границы идетъ узкой просѣлкой внутрь края, среди густо разросшихся кустовъ можжевель-

ника притаился секретъ изъ нѣсколькихъ чело-
вѣкъ. Завернувшись въ бурки, они чутко
прислушивались къ вою бури, стараясь раз-
личить среди него знакомые звуки скрипа
полозьевъ. Порою напряженное ухо, обману-
тое какимъ либо звукомъ, заставляло кого-либо
изъ нихъ подниматься и ползти ближе къ
границѣ. Всѣ занесенные снѣгомъ, понуривъ
головы и повернувшись задомъ къ вѣтру, уныло
стояли кони тѣсною кучей.

Изрѣдка едва слышимымъ шопотомъ, продрогшіе люди перебрасывались короткими фразами.

— „Ну, и погодунка... Ноги мѣть стали...
А какіе вѣтеръ словно стихать сталъ...
Должно не пойдуть сегодня“...

— „Глянь-ка, Денисовъ, никакъ командеръ
ѣдутъ“.

Бѣлая фигура отдѣлилась отъ остальныхъ
и медленно поползла по кустамъ, внимательно
всматриваясь въ приближающагося всадника.
Въ буркѣ и баплькѣ, весь занесенный снѣ-
гомъ, Штабсъ-ротмистръ Волинъ уже давно
присматривался къ окружающимъ кустамъ и,
замѣтивъ что-то движущееся среди нихъ, тихо
свиснулъ.

„— Здѣся, ваше благородіе,“ вполголоса
отвѣтилъ Даниловъ.

— „Возьми лошадь. Да гдѣ мѣсто секрета.
Веди туда“.

Слѣзши съ коня и утоная въ сугробахъ
снѣга, двинулся командиръ за вожатымъ. Люди
въ секретѣ зашевелились при его приближеніи
и старшій тихо доложилъ, что пока еще ни-
чего слышно не было.

— „Смотрите же теперь не зѣвать,“ —
обратился онъ къ людямъ.—

„— Доносчикъ сейчасъ прибѣгалъ и ска-
заль, что уже выѣхали...“

Запахнувшись плотнѣе въ бурку. Штабсъ-
ротмистръ прилегъ на снѣгъ, всматриваясь
въ людей секрета. По лицамъ было замѣтно,
что люди продрогли и истомились въ ожида-
ніи. Сообщенная вѣсть, что скоро могутъ
появиться контрабандеры, оживила всѣхъ.
Хотя они и не могли коявиться такъ скоро,
но всѣ инстинктивно стали опрять себя,
подтягивая пояса и освобождаясь понемногу
отъ наметеннаго снѣга. Но медленно тянулось
время ожиданія. Командиръ какъ-то невольно
волновался, хотя и былъ твердо увѣренъ, что
всѣ его распоряженія выполнены съ полною
точностью.

— „Ты, Баланчукъ, сходи-ка въ секретъ,
что свали насъ на дороге заложень, да пере-

дай имъ, чтобы не зѣвали. Пожалуй теперь скоро“.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, порывъ вѣтра донесъ какой-то особый звукъ. Люди приподнялись.

— „Винтовки заряди, трубки на предохранительный взводъ, лошадей за морду придержи, чтобы не заржали, — тихо послышалось приказаніе. — „Кажется вѣдутъ...“

Люди внимательно всматривались въ темноту. Невдалекѣ, на патрульной дорогѣ, показалось темное пятно. Мѣрный топотъ коней ясно слышался по вѣтру и минуту спустя съ секретомъ поровнялись сани, запряженные парюю бойкой рысью бѣжавшихъ коней. Сани быстро свернули на просѣку, ведущую внутрь края.

— „Стрѣляй“ сдвленнымъ голосомъ крикнулъ командиръ.

Глухо прогремѣлъ выстрѣлъ, прорѣзая своимъ звукомъ ревъ вѣтра.

— „Конные, садись!“

Одинъ за другимъ выскакивали люди на просѣку и устрѣмлялись слѣдомъ за санями. Подбадриваемые ударами кнута, кони контрабандировъ мчались съ быстротою вѣтра. Порою съ саней слышались отвѣтные выстрѣлы, съ

цѣлью задержать слишкомъ назойливо насѣдавшихъ пограничниковъ, но, къ счастью, мимо. Снѣгъ, разбрасываемый копытами лошадей, стоялъ снѣговой пылью надъ санями.

— „Эхъ. прозѣваетъ второй секретъ“, — только успѣлъ подумать Штабсъ-ротмистръ, какъ прямо передъ нимъ вспыхнулъ огонекъ выстрѣла и лѣвый упряжной конь, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, грузно грохнулся мордою въ снѣгъ.

Сани перевернулись.

Какъ волки среди стаи собакъ злобно всматривались контрабандиры въ группу солдатъ.

Но силы были не равны и соскочивъ съ саней, они бросились въ чащу лѣса, изъ котораго спустя минуту раздался еще два выстрѣла и впереди всѣхъ скакавшей молодой солдатъ Сѣрый, кубаремъ покотился на землю съ подстрѣленного коня.

Забравъ сани и оставивъ на границѣ однихъ лишь часовыхъ, двинулись люди по направленію кордона, тихо переговариваясь между собою и дѣлясь своими впечатлѣніями.

Развѣсивъ для просушки всѣ свои намокшіе доспѣхи, глубокимъ сномъ, безъ сновидѣній, снятъ люди на кордонѣ.

А въ офицерской квартирѣ долго за полночь свѣтится огонекъ, при свѣтѣ котораго усталый командиръ строчить по начальству рапортъ о только что сдѣланномъ задержаніи.

.....

Мятель съ еще большею силою несется по лѣсу, замечая слѣды только что случившагося пограничнаго происшествія.

„Пропалъ“

Высоко, высоко на самой вершинѣ почти отвѣсной скалы пріютился пограничный кордонъ. Горы одна другой выше окружаютъ его, закрывая горизонтъ. Сѣрыя скалы кое гдѣ покрыты чахлой растительностью своимъ угрюмымъ однообразнымъ видомъ утомляютъ глазъ. Чуть замѣтною извиристою лентою вьется патрульная дорога по горамъ представляя собою изъ дали небольшой скалистый карнизъ. Порою вѣтеръ сорвавшись откуда то проносится съ дикими завываніями по ущельямъ. И снова таже тишина въ горахъ. Лишь изрѣдка нарушая ее въ воздухѣ раздаются громкіе крики орловъ парящихъ надъ горами, да испуганный кѣмъ либо горный козель, отважно перепрыгивая черезъ расщелины, промелькнетъ по крутизнамъ. Громко журча скатываются въ долину ручьи, образуя водопады и разсыпаясь о камни мельчайшими брызгами впадаютъ въ глубокую рѣчку, прихотливо извивающуюся между горъ. Кое гдѣ глубокія котловины наполнены водою, образуютъ небольшія озера, заросшія камышемъ

и осокою. Увлекаемый водою мелкій песокъ, постепенно затянулъ озерца, превративъ ихъ въ непроходимыя топи съ зеленою какъ бархатный коверъ поверхностью. На кордонѣ шла дѣятельная уборка помѣщеній. Человѣкъ десять солдатъ засучивъ выше локтей рубахи и шлепая тряпками по водѣ, налитой въ изобилии на полъ, съ усердіемъ перегоняли эту воду изъ конца въ конецъ казармы. Старшій поста облокотившись снаружи на подоконникъ наблюдалъ за уборкою, дѣлая поощрительныя замѣчанія. На всемъ кордонѣ была суета и лишь въ маленькой комнаткѣ съ окномъ, завѣшеннымъ зеленою занавѣскою, царствовала полная тишина. На кровати закутавшись въ одѣяло спалъ еще богатырскимъ сномъ вахмистръ Андрей Ивановичъ Стремовъ.

Андрей Ивановичъ проснулся, наконецъ, но сильно не въ духѣ, съ сердцемъ взявъ сапоги и натягивая ихъ на ноги, онъ глубоко задумался.

„Какъ это я въ просакъ попалъ, — безпремѣнно, теперь смѣяться стануть“.

„Какъ не говори, а провели... Провели главное потому что солдатъ — разиня. Нѣшто солдатъ такой долженъ быть. — Енъ все долженъ сдѣлать, а то я ему сказываю: „почему ты, собачій сынъ, контрабанду упустилъ“, а

онъ мнѣ: „нѣшто возможно г-нъ вахмистръ мы значить въ валенкахъ да въ полушубкѣ, а енъ птицей летаетъ...“.

„Вотъ дай срокъ, вы у меня сами залетаете“...

„Позови старшаго, — крикнулъ онъ проходившему мимо солдату.

Нѣсколько минутъ старшій поста отпортовавъ о благополучіи вытянулся въ струнку у двери ожидая приказаній...

„Сейчасъ съ утра въ секретъ наряди людей, да хлѣба, чтобы взяли, потому на сутки уйдемъ“, отчеканивая приказалъ Стремовъ...

Спустя часъ вахмистръ уже двигался по дорогѣ изъ кордона въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ.

— „Рази это можно, говорилъ вахмистръ Стремовъ старшему поста, я, значить, еще тутъ вновѣ. мѣста плохо знаю, а ты тутъ пятый годъ“.

„Вотъ вчера то партію и проворонили. Потому секреты у тебя плохо поставлены были. Вотъ они скрозъ и ушли“.

„Нѣшто теперъ за слѣды тебя по головкѣ поглядятъ; безпремѣнно доложу командиру, чтобы тебя запаковать въ карцеръ“.

Вахмистръ долго не могъ успокоиться; выбравъ себѣ мѣсто въ тылу дистанціи, онъ

цѣлый день страшно волновался. Ему казалось, что люди непременно заснутъ, а контрабандиры успѣютъ какъ-нибудь прорваться между секретами.

— „А безпрѣменно, сказывалъ Хорько, что пойдутъ и кони, кричутъ самые, что ни на есть, лучшіе подъ ними, потому товаръ больно дорогой, какъ бы отвѣчая на мысль вахмистра, тихо заговорилъ одинъ изъ секретовъ, подходитъ ближе.

— „Ну тебя, ложись лучше“, съ сердцемъ оборвалъ его вахмистръ.

— „Потому все вы горазды говорить. Пойдутъ, да пойдутъ, а какъ задержать, такъ и выходить плохо“!

— „Да нешто мы, Андрей Ивановичъ, не стараемся, въ лучшемъ видѣ; только боязно маленько съ первоначалу, потому сами знаете наши кручи-то, какъ разъ голову свернешь“.

— „Свернешь, передразнилъ вахмистръ,-- потому нешто такъ службу-то сполнять надо“.

„Ты о головѣ-то не думай, вошь и боязно не будетъ...“

На заграничной сторонѣ отъ лоцины, одинъ за другимъ показался рядъ всадниковъ. Дойдя до конца лоцины, они остановились и слѣзли съ коней. Тюки товара по обѣимъ сторонамъ каждаго сѣдла, чернѣлись во мракѣ

ночи, сливаясь съ лошадьми и придавая имъ фантастическія очертанія. Привычные кони, какъ бы проникнувшись важностью дѣла, стояли тихо, жуя удила. Контрабандиры совѣщались. Послѣ недолгихъ переговоровъ отъ группы отдѣлился высокій, плечистый контрабандиръ и, нагибаясь къ землѣ, почти ползкомъ двинулся по направленію къ русской границѣ и скрылся въ темнотѣ. Присѣвъ на землю и держа въ поводу коней, остальные тихо разговаривали.

— „А что, Апанасъ, здорово прошлый разъ досталось“, заговорилъ молодой парень съ короткими усами, по виду бывший солдатъ.

— „Кажись насилу ноги унесъ. Теперича не даромъ я слыхалъ отъ пограничныхъ, — земляки у меня на кордонѣ есть. Теперича перво-наперво начальство требуетъ-хошь не хошь, а удержи кто несетъ, а потомъ ужъ товаръ забирай. Это не то, что прежде. Бросилъ товаръ, а они какъ голодные волки на него и кинутся, ну а ты себѣ и утекай куда хочешь. Сказываютъ очень строго у нихъ стало... Мой батька вспоминалъ, что завсегда первые друзья у нашего брата были на кордонѣ, а теперь не то...“

„Чего зажурился“, хлопнулъ онъ по плечу своего собесѣдника.

— „Ну вы, черти вашей матери, тише“, сердито недовольнымъ голосомъ проворчалъ одинъ изъ кучки.

„Вонъ Морозенко идетъ“, показалъ онъ рукою.

Всѣ головы повернулись въ эту сторону.

Безшумно скользя по землѣ, къ нимъ подошелъ жокакъ и, сказавъ нѣсколько словъ, взялся за поводья своего коня. Партія зашевелилась и снова въ полномъ порядкѣ двинулись въ путь. Жокакъ ѣхалъ впереди, внимательно всматриваясь въ темноту. Черезъ нѣсколько минутъ, вырисовываясь изъ темноты, показался бѣлый пограничный столбъ. Жокакъ остановился на минуту, но все казалось въ окрестностяхъ заснуло и онъ смѣло направилъ своего коня внутрь края...

На вершинѣ одной изъ горъ, гдѣ-то далеко, мелькалъ огонекъ, разливая лучи мигающаго свѣта и служа маякомъ для смѣлыхъ промышленниковъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двигались они вперёдъ; осторожно переставляя ноги лошади шли, то поднимаясь на крутые перекааты, то опускаясь въ глубокія лоцины.

— „Кажись уже скоро можно будетъ тронуться рысью“, только что успѣлъ шепнуть Морозенко. какъ сзади ярко на мгновение

вспыхнулъ огонекъ и, гулко отдаваясь по горамъ, прогремѣлъ выстрѣлъ.

Вахмистръ только что успѣлъ закончить какое-то нравоученіе, какъ гдѣ-то совсѣмъ близко послышался глухой отрывистый выстрѣлъ казенной винтовки. Секретъ быстро вскочилъ на коней. Сбоку въ лоцинѣ мелькали какія-то тѣни и въ темнотѣ раздался топотъ скачущихъ коней. Взмахнувъ нагайкою, Стремовъ лихо съ мѣста тронулся растяжнымъ галопомъ, пригнувшись немного къ сѣдлу и пристально всматриваясь впередъ. Камни сыпались по склону обрыва, производя глухой стукъ. Порою при сильномъ ударѣ подковы о камень летѣли искры. Горячій манистый иноходецъ, прижавъ уши, какъ вихрь подавался впередъ, разсѣкая своею крѣпкою грудью встречный воздухъ.

— „Эхъ! лишь бы не упустить“, думалъ вахмистръ, осматривая мѣстность.

Наконецъ впереди онъ замѣтилъ быстро скачущаго всадника. Выхвативъ шашку, онъ вонзилъ шпоры въ бока своего коня и весь превратился въ ожиданіе. Рѣзкій встречный вѣтеръ съ силою стремился ему навстрѣчу, затрудняя дыханіе. Позади себя онъ слышалъ возгласы своихъ. Весь увлеченный мыслью о преслѣдованіи, онъ даже не замѣтилъ, что скакалъ безъ всякой дороги по склону горы.

Всадники впереди обрисовываются яснѣе...
Вотъ уже они почти совсѣмъ близко.

— „Сейчасъ, сію минуту возьму“ промелькнула у него радостная мысль.

И, взмахнувъ нагайкою, онъ безъ всякой жалости ударилъ нѣсколько разъ своего иноходца. —

„Что это?“ Только что успѣлъ подумать онъ, какъ почувствовалъ, что летитъ куда-то внизъ.

Сверху на мгновение мелькнули огоньки фонарей... Чье-то лицо выглянуло изъ мрака, какъ будто наклонилось надъ нимъ. Шумъ какой то въ ушахъ. Что-то всплеснулось, холодное, липкое... И все стало тихо.....

Преслѣдованіе продолжалось еще долго. Удалось таки задержать двухъ лошадей съ товаромъ... Радостно возвращались люди на кордонъ, дѣлясь своими впечатлѣніями.

— „А гдѣ же вахмистръ?“ Спихватился кто то изъ участниковъ, оглядываясь по сторонамъ.

Всѣ сразу притихли...

„Нужно, братцы, искать можетъ, не приключилось ли съ ними какого-нибудь несчастья. Не упалъ ли часомъ? Да и коня ихняго не видать“.

„Бери фонари, да и рассыпайся цѣпью“...

Люди быстро разошлись по окрестностямъ...
Но розыски были тщетны...

Ни вахмистра, ни коня нигдѣ не оказалось...

. . . . .

Чудное осеннее солнце поднялось надъ землею, заглядывая во всѣ уголки, оживляя природу и ярко освѣтивъ угрюмыя скалы. Лишь внизу, между горъ, все было покрыто темною тѣнью. Тамъ бархатную зелень болота тихо колебалъ легкій вѣтерокъ, пролетая по ущельямъ; да порою сорвавшійся камень, перепрыгивая по гребнямъ скалъ, съ глухимъ шумомъ скатывался внизъ и, падая, исчезалъ безслѣдно среди этой обманчивой зелени, разступавшейся подъ его тяжестью.

Д е в а й т и с ь .

(Изъ прочтара).

Въ глухую осеннюю пору собрался у ротмистра Крутнева небольшой кружокъ сосѣдей офицеровъ, чтобы отпраздновать должнымъ образомъ именины хозяина. Не смотря на слякоть, всѣ, ругая дорогу, добрались до пустынного кордона. Теплая комната, радушіе хозяина заставили скоро забыть дурную погоду, а отличный ужинъ, съ обильными возліаніями окончательно привелъ всѣхъ въ прекрасное настроеніе; то стихая, то снова разгораясь шла бесѣда на всевозможныя пограничныя темы. Одинъ за другимъ рѣшены были всякіе проекты по устройству пограничнаго дѣла на новыхъ началахъ; обсудили обрывки слуховъ, носившихся по границѣ. Сдѣлали нѣсколько смѣлыхъ комбинацій, причемъ всѣ страшно спорили и волновались. Крутневъ внимательно прислушивался къ разговору, покуривая неизмѣнную сигару и добродушно улыбаясь, когда кто либо изъ спорившихъ договаривался до какого либо абсурда. Весь бѣлый, какъ лунь, съ длинными усами, онъ пользовался любовью всѣхъ своихъ сослужив-

цевъ. Теперь онъ только что переѣхалъ въ новый отрядъ и его именины были вмѣстѣ съ тѣмъ и новосельемъ. Ротмистръ видимо самъ еще не вполне освоился съ своей квартирою, внимательно порою осматривая ее пристальнымъ взглядомъ. Теперь онъ глубоко задумался, какъ будто что то вспоминая. Медленно, вставъ съ своего мѣста, онъ подошелъ къ двери въ столовую и нѣсколько разъ провелъ рукою по ея гладкой поверхности.

— „Что это вы, Александръ Ивановичъ, разсматриваете“, — обратился къ нему кто-то изъ молодежи.

„Васъ удивляетъ мой внимательный осмотръ этой двери“ — послѣ недолгаго молчанія сказалъ онъ.

„Она возбудила въ моей памяти много воспоминаній и пожалуй съ вами ими подѣлюсь, если интересно“. Крутневъ на минуту задумался.

— „Лѣтъ двадцать тому назадъ, — началъ старый ротмистръ, на этой квартирѣ жилъ мой пріятель, сослуживецъ поручикъ Пономаревъ. Молодецъ-офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Ёздокъ лихой и неутомимый, а ужъ поимщикъ былъ — на рѣдкость. Чуть только пронюхетъ, что гдѣ-нибудь затѣваютъ про-

нести контрабанду—онъ тутъ какъ тутъ и нагрянеть“.

—„И бояльсь его контрабандиры, какъ огня. Проваляться недѣлю въ секретяхъ, проскакать-ли сотню верстъ, ему было ни почемъ. Хорошій человекъ и товарищъ былъ отличный. Жена у него молоденькая. Я у нихъ бывало часто душу отводилъ: заберешься на минутку, да и не замѣтишь какъ день прошелъ...“

„И рисковалъ же Пономаревъ всегда. Даже удивительно, какъ ему все съ рукъ даромъ сходило. Я ему часто говаривалъ:

—„Эхъ, Дмитрій Петровичъ, не сносить вамъ своей головы, хоть семью свою пожалѣйте“.

„Гдѣ тамъ, махнетъ только рукою, да скажетъ: пустяки. На томъ наши разговоры и кончатся. Жена его ночей не спала, по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ молебны о его здоровьи служила. Да не помогли ея молитвы“.

„Не шуточная тогда война велась съ контрабандирами. Чуть только зазеваешься гдѣ солдатъ, тутъ и поминай его какъ звали! Живо или въ болото какое его сплавятъ, а то прямо камень на шею, да и концы въ воду. Ну и звѣрѣлъ народъ. Вотъ хоть бы здѣсь,—показалъ Ротмистръ рукою на окно:“—

„Видѣли вы на патрульной дорогѣ крестъ? Много ихъ стоитъ по линіи, все наши похоронены...“

„Забрался я разъ къ Пономаревымъ, и спрашиваю:

—„Дома?“

—„Барыня дома,—докладываетъ,—а баринъ уѣхавши“.

—„Вотъ,—говорю я,—Марія Ивановна, хорошо супругъ вашъ служить, а все же вы его сокращайте, да не давайте такъ въ службу зарываться“.

„А она какъ заплачетъ, такъ насилу я потомъ ее успокоилъ. Онъ какъ оказывается, домой послѣднее время сталъ показываться на нѣсколько минутъ. А то все вокругъ по лѣсамъ рыщетъ“.

—„Хоть бы вы урезонили его,“—просить меня.

„Только что собрался я ей отвѣчать—слышу топотъ по патрульной дорогѣ. Она такъ и встрепенулась“.

—„Мужъ,—говоритъ,—ѣдетъ“.

„И дѣйствительно, черезъ минуту самъ Дмитрій Петровичъ вошелъ въ комнату. Посмотрѣлъ я на него. Да чуть не вскрикнулъ.

—„Что это съ вами, дорогой мой,—спрашиваю,—не больны ли вы?“

„А онъ, вѣрите ли, какъ земля черный, исхудаль весь до неознаваемости, а глаза блестятъ, какъ у лихорадочнаго“.

— „Ничего, это вамъ такъ кажется, Александръ Николаевичъ: я себя прекрасно чувствую“.

„Сѣли мы тутъ съ нимъ закусывать, выпили и разговорились“.

— „Мочи, — говоритъ, — моей нѣтъ, Александръ Николаевичъ, просто не имѣю ни минуты покоя; одолѣлъ меня Девайтисъ: что ни ночь, все слѣды да прорывы черезъ границу. Ну да это бы еще полбѣды, да за послѣдній мѣсяць эта каналья такой страхъ на солдатъ навелъ, что не знаю, что и дѣлать съ ними“.

„Слышали какъ Ивченко пропалъ — это его рукъ дѣло! Ужъ я клятву далъ, что его за это отблагодарю такъ, что помнитъ будетъ. Самый лучший и надежный солдатъ былъ. Послалъ я его въ мѣстечко за покупками съ ранняго утра, вечеромъ ждемъ обратно, нѣтъ и нѣтъ. Всякія справки навелъ, пропалъ человекъ, какъ въ воду канулъ; а вотъ на дняхъ по лѣсу секретъ шелъ, смотрять, муравейникъ эдакій огромный и какъ будто немного разоренный. Подошли ближе, а въ немъ что-то бѣлѣется. По любопытству пошевелилъ старшій Марковъ палкой, анъ смотрятънога, че-

ловѣка; ну, ребята труса задали, да на утекъ. Прибѣжали на постъ всѣ блѣдные и докладываютъ мнѣ объ этомъ. Взялъ я людей, да въ лѣсъ“.

„И что же вы думаете, разрыли, муравейникъ, а тамъ Ивченко руки и ноги связаны, да привязаны къ кольямъ, чтобы шевелиться не могъ, а во рту затычка“.

„И мучился, должно быть, сердечный. Все лицо уже объѣдено было у него...“

„По всему сразу видно, что это работа Девайтиса“.

„Ну только онъ меня тоже помнитъ будетъ, — погрозилъ куда-то въ пространство Пономаревъ“.

„Я ему за это удружилъ, какъ только могъ. Вчера ночью послалъ на Прусскую сторону секретъ, да съ маленькой инструкціей: „узнайте, говорю, ребята, въ своей ли берлогѣ сидитъ Девайтисъ, да пугните его хорошенько. Ну, а нашимъ молодцамъ, сами знаете, только скажи. Проѣжаю я сегодня по патрульной дорогѣ, около Девайтовскаго поселка, смотрю, дымъ идетъ, подѣхалъ ближе, а тамъ отъ всѣхъ его скирдовъ хлѣба только однѣ кучи золы остались.“

„Теперь онъ, навѣрное, на время успокоится...“

„Да видно не въ пору сказалъ, бѣдняга“!

„Такъ же, какъ теперь, около стола мы сидѣли, я съ этой же стороны, а онъ—на концѣ. Лампа свѣтло горитъ, и такъ хорошо да тихо въ комнатѣ. Только показалось мнѣ, какъ будто тѣнь какая-то противъ окна стала. Хотѣлъ я ему попенять за то, что ставни не заперты; по нашей службѣ тогда это не лишняя предосторожность была. Ставни крѣпкіе дѣлались, да изнутри на желѣзныхъ болтахъ запирались. Посмотрѣлъ я невольно снова въ окно, а онъ поймалъ мой взглядъ, да также повернулся къ окну. Въ это самое время все равно какъ кто по стекламъ хлеснулъ. Правду сказать, я и сообразить тогда сразу не могъ, что такое случилось. Домъ какъ будто вздрогнулъ, лампа погасла, стукнуло что-то; я вскочилъ на ноги, да шарю раньше всего шашку, ну, а затѣмъ спички. Зажегъ огонь—смотри, а мой Дмитрій Петровичъ лежитъ на полу. У меня какъ будто все внутри оборвалось, слезы сами къ горлу подступили. Поднял я его, а онъ уже хрипитъ. Почти что въ сердце угодилъ ему, мошенникъ“.

—„Марія Ивановна,— кричу не своимъ голосомъ, забылъ я тогда совсѣмъ, что сразу ей сказать о томъ, что случилось, не годится“.

„Она въ послѣдней комнатѣ была и оттуда говорить“:

—„Что это вамъ въ голову пришло въ комнатѣ стрѣлять, дѣтей только напугали“.

—„Идите—кричу,—сюда...“

—„Эхъ, какъ вышла, да увидѣла, такъ сразу, бѣдная, какъ подкошенная, грянулась...“

„Всѣ тогда мышинныя норки обыскали, а не нашли Девайтиса“.

„Это его рукъ дѣло было. Вотъ здѣсь и слѣдъ есть. И Ротмистръ, вставъ, направился къ двери въ гостинную.“

„Вынувъ перочинный ножъ и осторожно отковыривъ краску въ углѣ двернаго плинтуса, онъ показалъ всѣмъ конецъ крупной конической пули, засѣвшей въ деревѣ.“

—„Здѣсь же и похоронили его“, тихо добавилъ онъ, махнувъ рукою по направленію патрульной дороги...

—„Да, трудное, тяжелое это время было“, снова заговорилъ ротмистръ.

—„Мало насъ было, по три—четыре человѣка на кордонѣ; да и правду сказать, плохо мы вооружены были*). Двустволки, хотя и нарѣзные, а все у контрабандировъ оружіе куда дальше, да лучше било...“

Отчаяннѣйшій народъ тогда контрабандиры были... Вотъ хоть бы самый этотъ Девайтисъ. Такихъ людей теперь днемъ съ

*) Въ 60 годахъ пограничная стража имѣла еще старое вооруженіе.

огнемъ не сыщешь. Помилуйте, вѣдь всю нашу старую бригаду держаль въ вѣчномъ страхѣ“.

А бригада была длиною шестьсотъ верстъ и во всемъ этомъ районѣ работала его шайка. Вы не повѣрите, какъ удивительна жизнь этого человѣка“.

„Литвинъ по происхожденію, сынъ богатаго помѣщика, онъ воспитывался въ гимназій, а затѣмъ окончилъ курсъ университета. Въ силу какихъ-то высшихъ соображеній, онъ рѣшилъ поступить на службу въ прусскія войска. Продавъ все свое имущество, а такъ какъ на легальный проѣздъ черезъ границу онъ не имѣлъ разрѣшенія, то и обратился къ кому-то изъ приграничныхъ жителей переправить его черезъ границу тайно. На бѣду эта партія при переходѣ наткнулась на секретъ, завязалась перестрѣлка, во время которой подстрѣлили слегка самаго Девайтиса“.

„И что бы вы думали, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, этотъ ночной переходъ границы произвелъ на него такое впечатленіе, что онъ лежа въ постели, тутъ же окончательно рѣшилъ бросить службу и сдѣлаться контрабандиромъ. По выздоровленіи онъ принялся за дѣло. Купилъ на прусской сторонѣ въ полуверстѣ отъ границы имѣніе и сразу набралъ

партію головорѣзовъ. Черезъ два года это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей этого района. Бывало прежде наше офицерство къ нему въ гости ѣздило, пока не случилось два—три случая, что на него подозрѣніе пало, а то долгое время онъ всторонѣ былъ и никому въ голову не приходило, что такой богачъ-помѣщикъ самъ, съ мѣшкомъ за плечами, черезъ границу ночью пробирается. Только разъ видная ночь была—нарвался онъ на секретъ, тревогу подняли, да одну изъ его лошадей подстрѣлили, въ саняхъ онъ ѣхалъ. Ну, самъ-то Девайтисъ удралъ, а лошадей съ санями и контрабандой задержали. По лошадямъ и узнали его. Тутъ ужъ началась на него травля по настоящему. Хоть и молодцы офицеры и солдаты были, а все-таки многихъ изъ нихъ онъ на тотъ свѣтъ отправилъ. Первый разъ, какъ сейчасъ помню, вахмистра онъ подстрѣлилъ. Старый служака былъ покойникъ, и люди его любили. Ну, и обозлились. Что день, то пошло хуже, да хуже: то ихняго, то нашего подстрѣлятъ. Наконецъ, однажды наши изловили одного изъ контрабандировъ да немного постегали. Съ этого самаго раза и пошли страшныя дѣла. Попался нашъ солдатикъ, шелъ одинъ ночью да и нарвался на партію, а малый смѣлый былъ, ну и полѣзъ на нихъ со своею шашкою. А тѣ, конечно

верхъ взяли, да и надругались надъ нимъ такъ, что даже вспомнить страшно. Самъ говорятъ, Девайтисъ заправлялъ. Мертваго потомъ подъ кордонъ подбросили солдатика“.

„Тогда и наши не стали оставаться въ долгу. Коль уже попался контрабандиръ, сейчасъ ему по особому способу наказаніе учинялось. Возьмутъ нѣсколько человѣкъ его за руки и за ноги, да разовъ пятокъ съ размаха посадятъ на землю“.

„А то привяжутъ къ столбу спиной, да другимъ столбомъ по этому столбу и ударятъ; въ результатѣ отобьютъ легкія, потомъ пустятъ. Только недолго послѣ этого человѣкъ прожить могъ, протянетъ мѣсяць, да и отдастъ душу Богу. А слѣдовъ никакихъ нѣтъ, чтобы били его, поэтому и придраться никакая полиція не могла. И разошелся же Девайтисъ тогда, изловить его никакъ не изловятъ, а онъ чуть не каждую ночь о себѣ знать давалъ: то часового придушить, то кордонъ спалить“.

„На Забытомъ посту ночью въ конюшню забрался и всѣмъ конямъ сухожилія на заднихъ ногахъ подрѣзалъ“.

„Страшенъ онъ былъ своею неувимостью да тѣмъ, что всегда все зналъ — хорошіе агенты у него были“.

„Но все-таки и ему пришелъ конецъ. Стоялъ на границѣ рекрутъ, изъ только что поступившихъ, видитъ, на него идетъ кто-то; малый, съ перепугу, наслушавшись всякихъ страховъ, подпустилъ его близко, да, не окликавая прямо штыкомъ хватилъ, даже штыкъ согнулся, а самъ сейчасъ на кордонъ дать знать прибѣжалъ. Пошли посмотрѣть, кого угораздило подвернуться такъ неудачно, смотря, самъ Девайтисъ мертвый лежитъ. Тогда этому рекрутику Георгіевскій крестъ дали“.

„Первый это случай пожалованія Георгіемъ въ стражъ былъ. Затѣмъ начальство въ Петербургѣ на всѣ эти случаи вниманіе обратило, особенно послѣ того, какъ докладъ Государю о смерти Пономарева сдѣланъ былъ. Прислали пѣхоту и казаковъ на подкрѣпленіе. Но отъ этого тише на границѣ не стало. Ужъ очень все приграничное населеніе привыкло рисковать жизнью, получая богатый заработокъ отъ провоза контрабанды. Собретется партія человѣкъ въ тридцать, нагрузятъ сани товаромъ, да распустятъ заранѣе слухи, что на правый флангъ ѣдутъ, а сами выберутъ время, да махнутъ черезъ границу въ другомъ мѣстѣ. Сядутъ въ сани по нѣсколько человѣкъ съ ружьями, лошади хорошія, да и валяютъ среди бѣлаго дня черезъ границу.“

Если наткнутся на пограничныхъ, сейчасъ за-
сынять пулями“.

„А нашихъ много ли можно было собрать?“

„При удачѣ отобьешь одинъ возъ, а осталь-
ные уже уйти успѣли“.

„На пѣхоту надежда была плохая, потому
что они далеко отъ границы стояли по де-
ревнямъ. Пока дашь знать, пока они дойдутъ
а контрабандировъ и слѣдъ простыль, толь-
ко кто убитый, тотъ остался“.

А казаки хоть и близко стояли, да на
тѣхъ прямо рукой махнуть приходилось, са-
мые изъ нихъ архаровцы были и охулки на
руку не клали: въ одномъ мѣстѣ задержать
контрабанду, а въ другомъ сами ее провезуть.
Однажды, помню, такую штуку удрали, что я
диву дался. Недалеко отъ меня жилъ помѣ-
щикъ, молодой, холостой, я съ нимъ хлѣбъ-
соль водилъ долго; только взбрело ему въ
голову жениться. Я его всячески урезонивалъ
—не тутъ-то было. Не послушалъ, — женился,
да вдобавокъ еще на Прусачкѣ. Ну съ, какъ
обвѣнчались, такъ и начали постепенно ея
приданное изъ Пруссіи контрабанднымъ обра-
зомъ получать. Что ночь, то у меня слѣды на
границѣ, а онъ себѣ ходитъ да посмѣивается.
Разъ зашелъ я къ нимъ; по старой привычкѣ
мы часто встрѣчались. А онъ мнѣ и говорить:

— „Скучаетъ жена безъ рояля, будь дру-
гомъ, устрой какъ нибудь, чтобы можно было
его провезти изъ Пруссіи“.

„Жена тоже самое давай меня упрашивать,
да умасливать. Ну, меня на этотъ счетъ не
упросишь“.

— „Нельзя, — говорю“.

Онъ немного разобидѣлся, а потомъ по-
думалъ, да со мной согласился, что про-
сить невозможного. За ужиномъ сидимъ,
а онъ все про казаковъ спрашивать сталъ,
да тутъ же смѣется:

— „Будетъ, — говоритъ, — у меня рояль
на дняхъ“.

„И чтобы вы думали, вѣдь подговорилъ
этихъ бестій: у меня даже свѣдѣніе было, что
они взялись ему доставить рояль. Я-то карау-
лилъ, — все ждалъ воза съ инструментомъ, а
они рояль на лямкахъ и верхами черезъ гра-
ницу перемахнули, какъ я уже потомъ узналъ“.

„Вѣдь правду сказать совсѣмъ другое преж-
де время было. Сидишь на границѣ и чувствуешь,
что ты все равно какъ въ непріятельской стра-
нѣ. Ну мы всегда поэтому на чеку. И не разъ
бывало изъ за стола среди обѣда приходилось
выѣзжать на тревогу или по свѣдѣніямъ“.

„Чуть только сядешь да думаешь отдохнуть немного, а тутъ какъ тутъ вахмистръ: „имѣю доносъ на пѣшихъ“.

„А то „конная будетъ ваше благородіе“. Ну и ѣдешь снова. Лошади сами по себѣ выѣзжались, да правду выѣздки никто и не требовалъ...“

„А ужъ насчетъ скачки такъ лучше теперешнихъ скаковыхъ... Заборы, канавы не почему для нихъ были. Сидишь только и думаешь: останешься цѣль или нѣтъ. Глядишь ничего—перенесъ Господь“.

„За то и контрабандиры бывали молодцы...

„И кони у нихъ попадались... Иной бы тысячу за такую не пожалѣлъ... Есть что вспомнить изъ былого... Да и на старости лѣтъ болтливымъ становишься“.

„Ротмистръ на минуту остановился и закуривъ новую сигару исчезъ въ облакахъ табачнаго дыма“.

„А все таки молодежь счастливѣе насъ стариковъ—наконецъ сказалъ онъ поднявшись..

„Теперь о насъ заботятся, а въ то время на стражу рукой махнули“.

„Эхъ, да что говорить обратную сторону нашейтогдашней службы и вспоминать тошно...“

„Время то сколько потеряли“, послѣ минутнаго молчанія совершенно неожиданно для всѣхъ сказалъ нашъ милый рассказчикъ, подходя къ карточному столу и разрывая новую колоду картъ...

„А что было, то будемъ поросло“ добавилъ онъ тасуя колоду.

Остались лишь отрывки воспоминаній, какъ говорится, старымъ людямъ въ воспоминанье, а молодымъ въ назиданіе... Закончилъ нашъ Ротмистръ, окидывая взглядомъ охотниковъ сразиться на зеленомъ полѣ...

Капитанъ Ладыженскій*)

I.

Въ апрѣль 1863 года мятежь въ окрестностяхъ Калиша былъ въ полномъ разгарѣ. Подбираясь почти къ самымъ городскимъ заставамъ, хозяйничали по окрестностямъ банды повстанцевъ, заставляя войска быть постоянно насторожѣ. Почти не проходило ночи, чтобы партіи изъ нѣсколькихъ человекъ не тревожили патрульныя цѣпи, высланныя для охраны города. Расположеніе главныхъ силъ было неизвѣстно. Въ Лютутовскихъ лѣсахъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ крестьянъ, находились большія силы графа Точановскаго; около Кутно бродили шайки Брешели, а подъ Слупцами свирѣпствовала банда Мирославскаго.

Летучіе развѣзды, посылаемые начальникомъ Калишскаго военнаго отдѣла, генераль-лейтенантомъ Брунеромъ, отъ казачьихъ сотенъ, и пограничной стражи привозили самыя неутѣшительныя извѣстія. Кромѣ вышеназванныхъ бандъ вокругъ сосредоточились также шайки Пудкамера, Юнга, Зайфирда, Ширевича и Сокола.

Тяжелое время переживали русскія войска,

*) По выпискамъ изъ подлиннаго дѣла о смерти капитана Калишской бригады пограничной стражи Ладыженскаго.

ежеминутно ожидая нападеній. Въ числѣ войскъ Калишскаго военнаго отдѣла находились также и части Калишской бригады Пограничной стражи, снятыя по приказанію высшаго начальства со своихъ кордоновъ.

Въ началѣ Апрѣля Генераль-Лейтенантъ Брунеръ, выяснивъ расположеніе шаяекъ въ Серадзскомъ и Велюнскомъ уѣздахъ, рѣшилъ узнать во что бы то ни стало, гдѣ находятся главныя силы мятежниковъ. Развѣдка эта была крайне рискована и могла быть исполнена лишь небольшимъ отрядомъ, подъ командою лихого офицера, основательно знакомаго съ мѣстностью и жителями. Выборъ палъ на Калишской бригады пограничной стражи капитана Ладыженскаго. 23-го апрѣля Генераль Брунеръ потребовалъ капитана къ себѣ въ штабъ и далъ ему инструкцію, взявъ 20 человекъ нижнихъ чиновъ стражи, произвести развѣдку по направленію къ мѣстечку Гродзиску и узнать, гдѣ находятся главныя силы мятежниковъ.

Вся ночь прошла въ приготовленіяхъ. Выбравъ изъ числа людей 20 объѣздчиковъ на лучшихъ лошадяхъ и лично провѣривъ сѣдловку, оружіе и снаряженіе, Ладыженскій, отдавъ всѣ нужныя приказанія вахмистру, медленно направился къ своей временной

квартирѣ, чтобы отдохнувъ хорошенько, рано утромъ двинуться въ путь.

Глубоко задумавшись, онъ совершенно не замѣтилъ, какъ подошелъ къ небольшому садику, въ которомъ у стола расположился кружокъ офицеровъ. Освѣщенный фонаремъ столъ былъ заставленъ пустыми и полными стаканами, а расбросанныя на травѣ бутылки заставляли предполагать, что компанія уже давно пробуетъ старое венгерское, запахъ котораго слышался въ воздухѣ. Молодой Прапорщикъ Микуличъ, въ полной формѣ, съ лядункой черезъ плечо, опираясь на саблю и смѣло постукивая ею порой, оживленно что-то рассказывалъ.

— „Да, господа, кабы мнѣ такое порученіе, какъ Ладыженскому, такъ я бы себя считалъ счастливейшимъ человѣкомъ. Вотъ случай Владиміра заполучить“.

„Это я понимаю!“

„Владиміра, — медленно протянулъ сѣдоусый капитанъ Шандыбинъ, — да, это хорошо“.

„Главное, чтобы онъ понадежнѣе коней выбралъ, тогда и все дѣло въ шляпѣ“.

„Ба! Да вотъ и онъ самъ! Только что про васъ говорили“.

„Присаживайтесь, капитанъ!“ — и собесѣд-

ники, немного потѣснившись, живо очистили мѣсто Ладыженскому.

— „Ну, какъ, капитанъ, все устроили?“ — первый нарушилъ молчаніе Прапорщикъ.

— „Выбралъ людей и лошадей; кажется, все въ порядкѣ, на разсвѣтѣ тронусь“, — произнесъ тотъ въ отвѣтъ, глядя въ темноту.

— „Рискъ большой, но мѣста знакомыя, это и обнадеживаетъ, что какъ-нибудь проскользну“.

— „Лишь бы кони не выдали“.

— „Что кони, кони пойдутъ. а вотъ за людей у меня всетаки такой увѣренности нѣтъ, не то, что полковые“.

„Ничего. Ладыженскій, и наши за себя постоятъ“.

— „Кстати, господа, слышали вы, что сдѣлалъ нашъ объѣздчикъ Волосянко!“ — спросилъ Прапорщикъ, прихлебывая вино. — Я сегодня былъ ординарцемъ у нашего Генерала, такъ онъ самъ во время обѣда рассказывалъ“.

— „Какой это Волосянко, не изъ Какавскаго ли отряда, такъ это мой“, — заволновался Шандыбинъ.

— „Такъ, что же онъ сдѣлалъ?“ — переспросилъ капитанъ, приготовляясь слушать.

— „А вотъ что: 19-го Апрѣля подѣ деревней Игнацовымъ была стычка. Банда Точановскаго укрѣпилась въ деревнѣ, наши тѣснили ее со всѣхъ сторонъ, но выбить повстанцевъ изъ деревни было почти невозможно, поэтому необходимо было ихъ выкурить, какъ пчелъ изъ улья, для чего начальникъ отряда рѣшилъ сжечь деревню. Артиллеріи въ отрядѣ не было, значитъ, нужно было поджечь какъ-нибудь иначе. Пока всѣ ломали головы надъ этимъ вопросомъ, вдругъ вызвался нашъ Яковъ Волосянко; и что бы вы думали, въ виду цѣлаго отряда, несмотря на страшную опасность, онъ въ карьеръ поскакалъ къ деревнѣ, держа пукъ зажженныхъ тряпокъ на палкѣ. Хотя мятежники и направили въ него всѣ свои выстрѣлы, однако, Волосянко подѣхалъ къ околицѣ и успѣлъ подложить огонь подѣ соломенную крышу. Погода была вѣтреная и огонь почти моментально охватилъ всю постройку; затѣмъ уже пошла потѣха—вся деревня выгорѣла не больше, какъ въ полчаса, и мятежники, отступая изъ деревни, были разбиты наголову. Вотъ это молодецъ!—сказалъ Прапорщикъ оканчивая свой рассказъ.

— „Ну, навѣрное, Георгіевскій крестъ за это получилъ?“

— „Крестъ-то получилъ, да деревянный; еще представленіе до начальника отдѣла не дошло, какъ ухлопали бѣднягу наповаль подѣ Конинымъ въ стычкѣ“.

— „Лихой солдатъ былъ, царство ему небесное,—замѣтилъ Шандыбинъ, истово осѣнивъ себя широкимъ крестомъ“.

— „Да. наши дѣйствительно себя молодцами показываютъ. Хотѣ бы взять вахмистра Пушкарева—тоже герой. Куда ни пошлите—все выполнить въ точности, не взирая ни на какую опасность. Смѣлъ, а главное—находчивъ“.

„Вы слышали, господа, за что его представили къ производству въ офицеры?“—обратился Капитанъ къ слушателямъ.

— „Такъ, кое-что, а подробностей не знали, вѣдь онъ все время въ другомъ отрядѣ былъ“...

„Расскажите, Иванъ Андреевичъ, а мы послушаемъ—все ночь скорѣе пройдетъ, все равно спать не хочется“.

Шандыбинъ на минуту задумался, собираясь съ мыслями.

— „Пушкаревъ, какъ вамъ извѣстно, находится въ отрядѣ Генераль-Маіора Костанды. Такъ вотъ, понадобилось Генералу узнать о

мѣстѣ нахожденія кавалерійской шайки Точановскаго, порученіе похоже на ваше, Капитанъ, обратился онъ къ Ладыженскому, — примите къ свѣдѣнію. Выѣхалъ онъ съ небольшимъ разѣздомъ, человекъ восемь, и очень быстро пронюхалъ, что шайка направилась къ мѣстечку Хочу; онъ и двинулся по ея слѣдамъ. Не доѣзжая Хоча, Пушкаревъ узналъ, что конная шайка Точановскаго, состоявшая изъ семисотъ повстанцевъ, дѣйствительно была въ Хочѣ утромъ, но послѣ обѣда вышла по направленію къ деревнѣ Загурову. Собравъ эти свѣдѣнія и провѣривъ ихъ, онъ двинулся обратно въ Турекъ, гдѣ стояли наши главные силы. Но возвращеніе для него было не такъ благопріятно; при походѣ черезъ лѣсъ, почти около Турека, онъ замѣтилъ нѣсколько конныхъ повстанцевъ, слѣдовавшихъ за нимъ, при чемъ ихъ все постепенно прибывало, а лѣсъ давалъ имъ возможность скрывать свои силы. Оставалось всего три—четыре версты до Турека, какъ повстанцы массами показались изъ лѣса съ боковъ, а немного погода и спереди. Пушкаревъ сразу увидѣлъ, что дѣло плохо, такъ какъ силы слишкомъ неравны, но онъ не потерялся и, зная, что нашъ отрядъ близко, перешелъ въ рысь и, подѣхавъ къ непріятелю, съ коней далъ по немъ залпъ, а затѣмъ кинулся въ шашки. Повстанцы

видимо этого не ожидали и смѣшались; чѣмъ и воспользовался нашъ молодецъ, пройдя напроломъ черезъ ряды непріятеля и доскакавъ благополучно до нашего отряда. Доложивъ о всемъ случившемся, онъ присоединился къ отряду и, несмотря на сабельную рану, въ тотъ же день, подъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ, первый вскочилъ въ околицу мѣстечка Загурова, гдѣ укрѣпились повстанцы и откуда ихъ выбивала пѣхота штыками“...

— „Однако, господа, пора и спать“...

„Вамъ. Капитанъ, въ особенности не мѣшаетъ отдохнуть передъ дѣломъ. — обратился онъ къ Ладыженскому и тутъ же, завернувшись въ бурку, прилегъ самъ на траву, подмостивши подъ голову какой-то вьюкъ.

Вся компанія одинъ за другимъ послѣдовала его примѣру, и скоро богатырскій храпъ спящихъ гулко раздавался среди тишины весенней ночи. Но Ладыженскій долго еще ворочался съ боку на бокъ.

II.

Погода подъ утро рѣзко измѣнилась и моросилъ мелкій дождь, когда капитанъ Ладыженскій во главѣ небольшого отряда выступилъ изъ Калиша.

За холмами показался громадный лѣсъ. Полная тишина царствовала въ чащѣ. Дорога, превратившаяся въ тропу, извилинами проходила по лѣсу, порою какъ будто совсѣмъ пропадая.

Отдохнувъ немного, со всѣми предосторожностями двинулся Ладыженскій далѣе, порою высылая нѣсколько человекъ для осмотра виднѣвшихся по сторонамъ на горизонтѣ путныхъ деревень. Но вездѣ было тихо и нигдѣ не замѣтно слѣдовъ непріятеля. Встрѣчавшіеся крестьяне въ одинъ голосъ подтверждали, что банды отступили къ Слуцкамъ. Былъ уже восьмой часъ вечера, когда впереди на горѣ показался высокій костель въ деревнѣ Олесець; здѣсь Ладыженскій рассчитывалъ ночевать, чтобы рано утромъ двинуться далѣе на Гродзискъ. Вступивъ въ деревню и расположившись на площади у костела, онъ сейчасъ же выслалъ часовыхъ на концы деревни. Напоивъ лошадей и навѣсивъ имъ овсяныя торбы, люди легли тутъ же на землю, и скоро громкое всхрапываніе, раздававшееся со всѣхъ сторонъ, показало, что усталые люди заснули моментально. Разстеливъ свою бурку, Капитанъ прилегъ около костельной ограды и, подперевъ голову рукою, началъ внимательно всматриваться вдаль. Съ горы ясно было видно на

— „Что это значить?“ — думалъ Ладыженскій, вспоминая слова генерала.

— „Говорили, что здѣсь опасно, въ этой сторонѣ банды, а на самомъ дѣлѣ оказывается, что здѣсь также тихо, какъ и въ Калишѣ, на центральномъ рынкѣ. Только непріятность одна, а толку, пожалуй, никакого не будетъ изъ моей развѣдки“.

— „А жаль! Однако, нужно обойти околицы на всякій случай, все-таки буду спокойнѣе, — и, крикнувъ унтеръ-офицера, Капитанъ направился повѣрять часовыхъ...“

III.

Утомившіеся люди спали и лишь небольшой кружокъ вяло переговаривался. По околицамъ деревни бодро расхаживали часовые. Осмотрѣвъ еще разъ окрестности, Ладыженскій возвратился на свой бивакъ. Солнце, обливая все багровымъ свѣтомъ, уже заходило. Струйки голубовато-бѣлаго тумана поднимались надъ болотами. Въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада. Испытывая сильную усталость Ладыженскій завернулся въ бурку, бросился на ворохъ сѣна, положенный для него тутъ же подъ заборомъ и заснулъ моментально. Но коротокъ былъ его сонъ...

— „Ваше благородіе, непріятель! — различаетъ уже ясно Ладыженскій докладъ унтеръ-офицера Трейланда. Моментально проснувшись Капитанъ вскакиваетъ на ноги.

Люди, сбившись кучкой, торопливо опраляютъ сѣдла и осматриваютъ винтовки...

— „Со всѣхъ сторонъ зашелъ Ваше благородіе, должно пропадать придется, — тихо, полусшепотомъ, говоритъ Трейландъ. „За лѣсомъ не видать было, какъ подошли, часовые услышали только тогда, когда ень на деревню надвинулся, да хаты запалилъ по околицѣ“.

„Глущенко да Орлика разомъ на тотъ свѣтъ отправили — пристукнули цѣпами и не пошевелились“...

Ладыженскій давно уже очнулся. Кинувъ взглядъ на окружавшую картину, онъ сразу увидѣлъ, что попалъ въ ловушку изъ которой выбраться трудно. Цѣлые столбы дыма поднимались на околицахъ. Сквозь темноту видѣлись, то пропадая, то снова показываясь, длинные огненные языки пламени. Спустя минуту яркій огонь пожара освѣтилъ всѣ окрестности. Дымъ, поднимаясь кверху, стоялъ стѣною, закрывая собою лѣсъ; въ концѣ улицы, ведущей къ околицѣ, темнѣли толпы непріятели. Вокругъ лошадей слышался топотъ и громкіе голоса. Перекатываясь по лѣсу гулко прогремѣлъ гдѣ-то выстрѣлъ и стоявшій впереди

Ефрейторъ съ глухимъ стономъ упалъ на землю.

Какъ будто по сигналу со всѣхъ сторонъ затрещали выстрѣлы и пули съ воемъ начали проноситься надъ головами. Отступивъ внутрь костельной ограды Ладыженскій приказалъ людямъ открыть огонь. Рѣзко загремѣли выстрѣлы винтовокъ. Люди молча и спокойно, какъ на ученьи, открыли рѣдкій огонь по непріятели. внимательно прицѣливаясь и стараясь не потерять даромъ заряда.

— „Эхъ, попался какъ мышь въ ловушку, — думалъ Капитанъ. — А воть наши выстрѣлы слышать и выручать; да, впрочемъ, гдѣ, тамъ, услышать. Далеко!“

„Видно умирать приходится!“ — рѣшилъ онъ и съ этой мыслью, какъ будто примирившись со своимъ положеніемъ, сразу успокоился.

— „Сколько есть патроновъ у насъ? — обратился онъ къ Трейланду слѣдовавшему за нимъ, какъ тѣнь.

— „Штукъ по пятьдесятъ, кажись, есть, Ваше благородіе! Идутъ они!“ — добавилъ онъ, внимательно всматриваясь.

Дѣйствительно, толпа на околицѣ шелухнулась, зашумѣла, и минуту спустя человекъ сто, вооруженныхъ косами, нестройной массой двинулись къ костелу. Подпустивъ ихъ шаговъ на триста, Ладыженскій далъ залпъ и улица огласилась криками раненыхъ... Залпъ

за залпомъ гремѣлъ его взводъ въ лицо врагу, отражая атаку за атакою. Банда надвигалась со всѣхъ сторонъ, видя слабость русскаго отряда.

— „Патроны всѣ, Ваше благородіе!“ — слышался отчаянный голосъ одного изъ людей и какъ бы въ подтвержденіе этого вмѣсто залпа раздалось два--три одиночныхъ выстрѣла.

— „Садись, братцы, — крикнулъ Капитанъ, вскакивая на своего коня и вынимая саблю.

— „Пробьемся, не робѣй!“ — и, давъ шпоры коню, Ладыженскій выскочилъ за ограду; люди съ гикомъ понеслись за нимъ.

Перекрестный огонь выстрѣловъ разомъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ и банда съ дикими криками двинулась на встрѣчу.

Ожесточенно рубя саблей, на проломъ двигался Ладыженскій съ горстью своихъ храбрецовъ, рѣшившись пробиться во что бы то ни стало. Снявъ передніе ряды повстанцевъ, люди очутились среди толпы.

— „Смѣлѣй, братцы!“ — только что успѣлъ крикнуть капитанъ, отбивая ударъ косиньера, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что его конь, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, грузно повалился на землю и придавилъ ему ногу.

Передъ его глазами на мгновеніе мелькнуло суровое лицо Трейланда. Толпа косинье-

ровъ съ яростью напирала. Новый залпъ почти въ упоръ надъ его головою и затѣмъ все смѣшалось въ какую-то кучу...

Когда дымъ разсѣялся, Ладыженскій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ цѣлый рядъ мертвыхъ и раненыхъ. Невдалекѣ отъ него, уткнувшись лицомъ въ землю, лежалъ убитый на повалъ унтеръ-офицеръ Трейландъ. Потерявшіе сѣдоковъ кони носились по улицѣ.

— „Значитъ, теперь конецъ“, — подумалъ Капитанъ, стараясь высвободить придавленную ногу.

— „Сдавайтесь, офицеръ“, — рѣзко прозвучалъ почти надъ нимъ чей-то голосъ.

— „Сдавайся, нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ позоръ!“ — и, держась лѣвой рукой за поводья, онъ снова взмахнулъ саблею.

Съ глухимъ стономъ повалился почти на него кричавшій.

— „Что это, поводъ лопнулъ?“ — рѣшилъ Ладыженскій, опускаясь немного назадъ.

— „Нѣтъ, не то“ ...

Рѣзкая боль въ рукѣ какъ будто пронизала все его тѣло. Свирѣпаго вида повстанецъ однимъ взмахомъ косы отрѣзалъ руку упорному москалю. Огромнымъ ручьемъ брызнула кровь изъ отрѣзанной руки.

— „Сдавайся, снова слышались настоячивые голоса.

— „Нѣтъ, никогда, лучше смерть, чѣмъ позоръ“.

„Русскій офицеръ умираетъ, а не сдается мятежникамъ!“ — крикнулъ Ладыженскій и, собравши послѣднія силы, взмахнулъ снова саблей...

Но не опустилась сабля на намѣченнаго врага...

Медленно, безъ стона, съ пробитой ружейною пулею головой склонился Капитанъ на землю...

Трескотня выстрѣловъ мало-по-малу затихла, но долго горѣла деревня, освѣщая заревомъ пожара окрестности...

.....
Тихо проносится лѣтній вѣтерокъ надъ одинокою могилою Капитана Ладыженскаго, нѣжно шелестя травю и убаюкивая этимъ шелестомъ храбреца, спящаго непробуднымъ сномъ въ сырой землѣ...

Дико завывая, несется черезъ могилу осенняя буря; крутитъ снѣжными хлопьями зимняя мятель...

И слышатся въ говорѣ вѣтра одни и тѣ же слова:

— „Русскій офицеръ умираетъ, а не сдается мятежникамъ“.

„Фантазеры“.

(Очеркъ).

Штабсъ-ротмистръ Горевъ всегда былъ занятъ важными соображеніями. Въ строю-ли, въ веселой компаніи онъ часто улеталъ мысленно далеко. Часто его можно было застать сидящимъ надъ листками бумаги и пишущимъ на нихъ длинные ряды цифръ. Вся его подвижность заключалась въ маленькомъ чемоданчикѣ, въ которомъ умѣщалось все его имущество. Не было минуты, чтобы онъ не носился съ какимъ-нибудь проэктомъ — проэктомъ нажить капиталъ. Но ни одинъ изъ его проэктовъ не получилъ осуществленія, какъ онъ объяснялъ потому, что его мысль была кѣмъ-нибудь раньше украдена и разработана. Порою грустный, при неимѣннй денегъ, и вѣчно ухитрявшійся ихъ гдѣ-то призанять, онъ ментально оживалъ, заполучивъ небольшой кушъ.

„Ну, что, Николай Васильевичъ, какъ дѣлишки? Что затѣваете“, — спрашивалъ его каждый разъ подполковникъ Вѣховъ, подсчитывая сумму причитающагося ему содержанія.

— А вы все думаете, Николай Николаевичъ, что ничего у меня не выйдетъ.

У меня теперь вотъ какая идея...

„Все разбогатѣть хотите — бросьте, все равно не удастся...”

А вотъ вамъ расчетъ жаловья: портному 12 руб., въ капиталъ на уплату долга 15 руб., за приказы и прочіе вычеты всего, 45 руб. 25 коп., а къ выдачѣ вамъ 18 руб. 30 коп.

Роспишитесь въ вѣдомости и получайте на будущіе обороты...”

Какъ ухитрялся Штабсъ-Ротмистръ существовать на эти ресурсы — Богъ вѣсть; но только не было минуты, когда бы онъ не былъ погруженъ въ какія нибудь финансовыя комбинаціи...

Вечеромъ у Вѣхова по обыкновенію составилъ винтъ; играли до полуночи, а въ выигрышѣ у одного изъ портнеровъ оказался рубль...

„А ну, господа, въ любишь-не любишь. Рубль въ банкѣ”.

Рубль моментально улетѣлъ и былъ замѣненъ красенькой; красенькая двумя и пошли писать... Николай Васильевичъ долго крѣпился, сидя въ углу и посматривая на горячившихся игроковъ. Но не выдержалъ и потянулся за картою.

„Вы что же это? Тоже карточку? Идетъ”.
Дана...

— Вотъ везетъ нашему финансисту, засмѣлся Вѣховъ.

„А вотъ посмотримъ, какъ я сегодня разработаю свой капиталъ”.

— Какъ, Какъ! Разработаете капиталъ... Ловко! Бита... Бита!..

И не успѣлъ Штабсъ-Ротмистръ оглянуться, какъ отъ капиталовъ осталось одно лишь воспоминаніе. да еще пришлось признать въ счетъ будущаго двадцатаго. Вотъ такъ разработать! Но Горевъ не смутился: вынулъ какую то бумажку и дописавъ на ней цифру 40, онъ сдѣлалъ какія-то вычисленія и повидимому успокоился. Бѣльскій, заинтересованный его счетами, потянулся къ нему.

„Да видишь ли, я былъ долженъ 2300 рублей, проигралъ еще 40, стало быть 2340, но вотъ эти сто можно не отдавать — это Шлейферу, онъ и такъ уже съ меня рублей триста однихъ процентовъ получилъ; такъ выйдетъ все таки, что я сто рублей выигралъ.

Ужъ чего вѣрнѣе.

А потомъ у него же еще и при займешь. Ха, ха, ха“...

Уныло и однообразно тянется жизнь на глухомъ пограничномъ кордонѣ. Что сегодня, то завтра, что завтра, то было вчера. Манежъ смѣняетъ словесность, словесность раз-

нообразится разтѣздами. Нѣсколько свободныхъ часовъ дома съ хожденіемъ изъ угла въ уголь по комнатѣ да чтеніе запоздалыхъ газетъ и приказовъ, вотъ и все, чѣмъ разнообразится жизнь пограничнаго офицера.

Горевъ рѣдко показывался къ сосѣдямъ, предпочитая, какъ онъ говаривалъ, на-единѣ, самъ собою вдуматься въ будущее и сдѣлать провѣрку прошедшему, поджидая при этомъ газетъ съ почты. Нѣтъ ничего томительнѣе ожиданія. Штабсъ-Ротмистръ въ самомъ скверномъ настроеніи расхаживалъ по комнатѣ, поглядывая въ окна, не ѣдетъ ли посланный изъ мѣстечка.

„Газеты и письма, ваше благородіе“, доложилъ часъ спустя вѣстовой, входя въ комнату.

— Давай.

И Горевъ мигомъ погрузился всецѣло въ газетный листъ. Славянскія дѣла, вопросы внутренней жизни замелькали передъ его глазами. А это что... и Штабсъ-Ротмистръ остановился... **ВЫСОЧАЙШЕ** повѣлено... Въ Юго-Западномъ краѣ... при покупкѣ имѣній дворянами русскаго происхожденія, читалъ онъ вслухъ... выдавать въ ссуду 75 % стоимости имѣній...

Вотъ такъ штука... И Горевъ взволнованный забѣгалъ по комнатѣ...

Это можно устроить. Вотъ гдѣ легко по настоящему разработать капиталъ...

Эй, Ивановъ, Лошадь!

И держа газету въ одной рукѣ, онъ другою захватилъ пальто и устремился на дворъ...

„Шапку изволили забыть, Ваше благородіе,“ на ходу догонялъ его изумленный деньщикъ, вручая головной уборъ.

— Шапку! Давай. И, нахлобучивъ ея на голову, Штабсъ-Ротмистръ быстро зашагалъ по грязи, не слушая доклада, что лошадь сейчасъ будетъ готова. Смѣло ступая въ лужи и увязая мѣстами чуть не по колѣна въ липкой грязи, Николай Васильевичъ двигался на огонекъ, мелькавшій въ огнѣ одиноко стоящаго домика около церкви.

„Вотъ, попь будетъ доволенъ“, разсуждалъ онъ самъ съ собою. „Мы это съ нимъ обстроимъ... Не даромъ у меня голова...“

Только какъ слѣдуетъ нужно взяться, тогда все будетъ хорошо“.

Попъ Василій, съ которымъ въ самой тѣсной дружбѣ жилъ Горевъ уже нѣсколько лѣтъ, былъ рѣдкій человекъ по своимъ душевнымъ качествамъ. Окончивъ семинарію, онъ

сѣумѣль и въ глуши продолжать свое образованіе и былъ человѣкомъ серьезно начитаннымъ, а главное крайне отзывчивымъ. Идеалистъ и фантазеръ съ незагрубѣвшей душою, онъ слишкомъ поевангельски относился къ своей паствѣ, и въ результатъ не могъ, благодаря этому, похвастаться блестящимъ состояніемъ своихъ финансовъ. Воспитывая при этомъ семью онъ часто нуждался въ презрѣнномъ металлѣ. Сойдясь съ Николаемъ Васильевичемъ, поспоривъ и перерѣшивъ тѣмъ вопросовъ, онъ невольно заражался фантазіями Горева и съ нимъ вмѣстѣ обдумывалъ различные планы.

„Ну, Василій Ивановичъ, теперь то мы навѣрное разработаемъ нашъ капиталъ,“ десять минутъ спустя, взволнованно сообщилъ Штабсъ-Ротмистръ, входя съ шумомъ въ комнату и втаскивая съ собою цѣлые пуды грязи.

„Вотъ это я понимаю. Давайте сообразимъ. Да водка у васъ есть? Прикажите подать...“

Читайте-ка“.

И собесѣдники окунулись по уши въ газету.

„Ну, что вы скажете? Это идея, такъ идея! Мы можемъ такъ сдѣлать: купимъ имѣніе Динскаго вдвоемъ, продолжалъ развивать свой планъ Горовъ. Стоитъ оно 15 тысячъ. Одинадцать съ половиною тысячъ намъ выдадутъ

въ ссуду, только нужно достать 3½ тысячи. Это нужно какъ-нибудь сообразить.

— Трудно достать, Николай Васильевичъ, попробовалъ не согласиться обуреваемый сомнѣніями попъ Василій,

„Трудно? Это пустое... только кажется! Вотъ какъ мы сдѣлаемъ... Мы можемъ поѣхать въ губерскій городъ и взять въ банкъ по 1600 рублей... Вы за меня поручитесь, а я за васъ... Идетъ что-ли.“

— По рукамъ...

Долго за полночь обсуждался вопросъ о покупке имѣнія и веденія будущаго хозяйства. Утомленные пріатели въ концѣ концовъ рѣшили, чтобы не откладывая дѣла въ дальній ящикъ ѣхать, завтра же въ городъ. Всю ночь обоимъ фантазерамъ снилась покупка, и ихъ будущіе хозяйственные проекты, во снѣ осуществились, какъ нельзя лучше, и лишь только заря позолотила горизонтъ, какъ они уже были на ногахъ, торопливо закусывая и съ нетерпѣніемъ поджидая лошадей.

„А вѣдь мы черезъ Липки поѣдемъ, отецъ Василій. Такъ вотъ кстати и посмотримъ имѣніе по дорогѣ; хоть и знаемъ его вдоль и поперекъ, а все таки еще глазкомъ глянемъ“...

Попъ Василій, закутавшись въ легонькую ряску, сосредоточенно всматривался въ откры-

вавшуюся передъ нимъ картину, между тѣмъ какъ Горевъ, размахивая руками горячо доказывалъ выгоды будущей покупки и строилъ различные проекты необходимыхъ улучшеній. Громадное пространство песчаныхъ бугровъ, вырисовывалось сѣрымъ пятномъ изъ окружающей рамки зелени и своимъ унылымъ видомъ нарушало общую гармонию чудной картины...

— „Вотъ Василій Ивановичъ здѣсь, я думаю, лѣсъ развести, что ты скажешь?“

Подумай, сосновыя доски теперь купцы издалека выписываютъ, да еще по какой цѣнѣ. А здѣсь десятинь сорокъ будетъ: черезъ тридцать лѣтъ этого мѣста и не узнаешь. А доходу то съ такого лѣсу можно минимумъ получать рублей пятьсотъ въ годъ; конечно, вначалѣ придется на него немного затратить, но это пустое. Здѣсь самое мѣсто для школы, какъ ты думаешь?“

Полчаса спустя говорилъ отецъ Василій:

„Знаешь ли, у меня уже давно планъ составленъ: этакій домикъ, въ русскомъ вкусѣ. Все ты со школой, а ты посмотри-ка сюда, здѣсь у рѣки, я думаю, винокуренный заводъ построить“.

„Это очень выгодное дѣло“, перебилъ его Штабъ-Ротмистръ.

Всю дорогу Горевъ изъ силъ выбивался высчитывая доходныя статьи и подсчитывая будущіе барыши. Приѣхавъ въ городъ и приведя себя въ должно приличный видъ, не медля двинулись будущіе помѣщики по направлению къ зданію банка. „Попъ Василій, что задумался“,—обратился Горевъ къ товарищу.

— Да что, Николай Васильевичъ, а вдругъ въ банкѣ то не дадутъ.

„Что не дадутъ. Кому, намъ? Глупости“, отрѣзалъ Штабъ-Ротмистръ.

„Кажется, мы съ тобою извѣстныя лица: ты настоятель въ Ивановѣ, а я офицеръ пограничной стражи, получаемъ содержаніе. Вѣдь если окажемся не состоятельными, могутъ изъ нашего жалованья удерживать“.

Оно такъ то такъ, ну, да что Богъ дастъ, и отецъ Василій широко перекрестился, отворяя двери, ведущія въ контору банка...

.....
Часа черезъ два въ маленькомъ номерѣ убогой гостинницы возсѣдали компаніоны. Попъ Василій сосредоточенно молчалъ. Горевъ волновался.

„А все ты; ты все дѣло испортилъ“,—обращался онъ къ отцу Василію.

„Развѣ такъ можно—нужно было на себя важности напустить; вѣдь мы извѣстныя лица,

да притомъ будущіе помѣщики... А ты, какъ будто въ свою консисторію явился просителемъ.

Ну, и отказали.

Попъ Василій только тяжело вздохнулъ...

Черезъ мѣсяць неунывающей никогда Горева, получая причитающіеся ему двадцать рублей мѣсячнаго содержанія и окончивъ расчеты съ подполковникомъ Вѣховымъ, обратился къ нему съ просьбою дать взаймы рублей триста.

„Крайне нужно“ для большей убѣдительности добавилъ онъ.

Да зачѣмъ вамъ столько понадобилось? Опять новый проэктъ...

А видите ли, я здѣсь подходящій хуторъ нашель, хочу въ аренду взять. Повѣрите ли однихъ луговъ десятинь пятьдесятъ, сѣна съ нихъ можно рублей на 800 взять, а аренда пустая, всего 500 рублей въ годъ. Да и кромѣ того есть другія доходныя статьи...

Вѣховъ отвернулся, чтобы не разсмѣяться.

В ъ с т а р и н у .

(Изъ прошлаго).

Ротмистръ Иванъ Ивановичъ Волгинъ проснулся почти съ восходомъ солнца. Поднявшись съ кровати и надѣвъ на себя какой-то неопредѣленный костюмъ вродѣ казакина, страшно засаленный отъ долгаго употребленія, онъ въ самомъ благодушномъ настроеніи вышелъ на дворъ и сѣлъ на ступеньки крыльца, выходившаго въ небольшой палисадникъ. Передъ нимъ разстилалось широкое озеро, густо поросшее камышомъ. Вдали, на противоположномъ берегу, виднѣлась заграничная деревня съ церковью по срединѣ. Маленькія бѣлыя хаты, обсаженные деревьями, прихотливо разбросанныя по склону горы, были видны какъ на ладонѣ. По улицамъ сновали люди. Поднимая облака пыли, на берегъ вышло стадо, выгнанное на водопой. Громкіе возгласы пастуховъ ясно доносились до крыльца, заставляя Волгина прислушиваться къ отрывочнымъ звукамъ. Солнце начинало пригрѣвать, поднимаясь все выше и выше. Ротмистръ потянулся, зѣвнулъ и затѣмъ громко откашлялся. Черезъ минуту дверь на крыль-

цо тихо отворилась и, безшумно ступая босыми ногами, на крыльцѣ появилась служанка съ подносомъ, установленнымъ чаемъ, булками и масломъ. Поставивъ подносъ на землю, она сонливо посмотрѣла вокругъ и повернувшись снова ушла въ комнату. Ротмистръ принялся за чаепитіе, продолжавшееся безконечно долго. За угломъ дома у коновязи слышалось фырканье лошадей, постукиваніе скребницъ и шуршаніе щетокъ. Противъ самага кордона дежурный, какъ то особенно усердствуя, подметалъ дворъ, чувствуя на себѣ глазъ командира. Постъ проснулся и приводился въ порядокъ. Одинъ за другимъ, держа подъ уздцы коней, показывались длинною вереницею люди, ведя ихъ на водопой. Сытые кони рѣзвились стараясь вырваться изъ крѣпкихъ рукъ... Съ отчаяннымъ крикомъ порою вылѣтала съ сѣновала курица и громко кудахтая исчезала въ кустыхъ заросляхъ крапивы, окружавшей дворъ кордона. Въ кухнѣ стучали ножами и посудю. Громкій топотъ идущей лошади вывелъ Ротмистра изъ задумчивости и заставилъ оглянуться. Лихо и увѣренно управляя горячимъ воронымъ жеребцомъ, короткимъ галопомъ вѣхалъ въ дворъ субалтернъ-офицеръ Корнетъ Березинъ и, остановившись у крыльца, соскочилъ на землю, бросивъ поводья подбѣжавшему дежурному. Быстрымъ шагомъ зве-

ня шпорами, онъ подошелъ къ Ротмистру и отрапортовалъ о благополучіи охраны границы въ отрядѣ. Волгинъ, искренно обрадовавшись пріѣзду своего сослуживца, приказалъ вынести столъ и подать закусить. Черезъ нѣсколько минутъ за обильно установленнымъ всякими явствами столомъ расположились собесѣдники, одинъ утоляя свой волчій аппетитъ, другой съ удовольствіемъ присматриваясь и завидуя этому аппетиту. Утоливъ первый голодь и лѣниво работая челюстями, Корнетъ сообщилъ всѣ новости по отряду.

..Обратите вниманіе на рогатку, Алексѣй Николаевичъ и на пропускъ людей черезъ нее. Сами знаете, какая теперь строгость, не то, что прежде". — заговорилъ Волгинъ, вспомнивъ рогатку—это больное мѣсто его отряда...

..Что это вы, Иванъ Ивановичъ, все прежнее поминаете.

Развѣ прежде лучше жилось, чѣмъ теперь?"

— Прежде, сказала Ротмистръ, — жилось, правду сказать, скверно, ну, а только, знаете ли, большинство всегда на прошлое лучше смотреть и вспоминаетъ съ большими симпатіями, хотя служба правду сказать была куда легче, чѣмъ теперь.

Я нѣсколько лѣтъ пробылъ при штабѣ, такъ во время командировокъ по границѣ на-

смотрѣлся на все достаточно. Теперь такого офицерства, какое было, съ огнемъ не найдешь*). Конечно, были и исключенія—лихіе офицеры попадались. А то больше народъ одичавшій. Бывало офицера отъ солдата отличишь—идеть что-то сѣрое, обросшее, форма такъ заношена, что ничего не видно. Сбмундированіе шили свои же доморощенные портные въ отрядахъ; вотъ вы и представьте себѣ, какъ все это сидѣло. Вдобавокъ папахи были страшныхъ размѣровъ, съ длиною шерстью. Такъ-таки офицера прямо за пугало можно было принять. Да и нашъ братъ въ ту пору куда какъ не любилъ показываться въ города.

Бѣхало разъ какъ то начальство по границѣ, меня взяли, да и прикомандировали къ нему. Вотъ тутъ-то я на много чудесъ на-смотрѣлся... Приѣзжаемъ на одинъ офицерскій постъ, встрѣчаетъ насъ старый капитанъ, не то сербъ, не то грекъ по національности. Звѣремъ на насъ смотритъ; ну, ужъ о формѣ говорить нечего, все съ головы до ногъ собственнаго издѣлія и не форменное. Да при этомъ еще по русски говорить плохо. Только приѣхали, а ужъ мѣстные крестьяне на него съ жалобою. у него рогатка въ отрядѣ была, а надо вамъ сказать,

*) Воспоминанія относятся къ 60 годамъ.

что раньше онъ служилъ въ какомъ то греческомъ баталіонѣ и послѣ присоединенія земель къ Россіи, румынское Правительство чего то ему не выдало, ну онъ и считалъ за нимъ тысячь десять въ долгу. Не получая этихъ денегъ, онъ много писалъ ко всѣмъ румынскимъ властямъ, и все ждалъ. Наконецъ, видитъ, что изъ писанія ничего не выходитъ, вотъ тутъ то онъ и сообразилъ по своему: взялъ да и обложилъ каждого румынскаго подданнаго особымъ налогомъ на пополненіе своихъ десяти тысячь. Вначалѣ ему платили и никакихъ дѣлъ не выходило, а потомъ забунтовали мужики, да прошеніе по начальству. Дѣло это до Питера доходило, суду Капитана хотѣли предать, а потомъ смилостивились, видятъ, что человекъ совсѣмъ невмѣняемый, взяли, да удалили только со службы. Потому онъ, знаете, даже былъ глубоко убѣжденъ въ правильности этой дани и никакихъ законовъ въ толкъ не хотѣлъ принимать...

Въ другомъ мѣстѣ было еще курьезнѣе. Старый Капитанъ, съ бѣлою бородою по поясъ, отпрапоровалъ начальству, и подалъ смотровый рапортъ; все какъ слѣдуетъ, а какъ дошло дѣло до коннаго строя, такъ сейчасъ и спасовалъ:

— Я, — говоритъ, — ни разу въ жизни на

звѣрей не садилсья и лучше подь разстрѣль поиду, а не сяду, Богъ его знаетъ, что у него на умѣ—еще искалѣчитьъ.

Ну, а люди ни ѣздить, ни сидѣть на лошади не умѣли. Самъ генераль вздумаль ими командовать, такъ сколько тутъ смѣху было.

—Шашки вонъ,—кричитьъ.

А тѣ вынули шашки, да каждый и держать ее этакъ на аршинъ въ сторону. Ну, Генераль тогда вскипятился и давай пушить Капитана, что тотъ съ людьми совсѣмъ не занимается. А тотъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, выслушалъ все до конца да и докладываетъ;

—Я, ваше превосходительство, обучаю людей во всемъ согласно правилъ, а что шашки такъ держать, такъ объ этомъ приказъ такой былъ.

Да въ ту же минуту приказаль вахмистру этотъ приказъ принести.

И что вы думаете, правъ оказался. Въ приказѣ по бригадѣ такъ было сказано:

„Обучать людей на кордонахъ владѣть холоднымъ оружіемъ... шашку, коли обнажена, держать твердо въ рукѣ, съ должною осторожностью, особенно наблюдая за тѣмъ, чтобы ею себя не поранить или не нанести какого иного вреда“...

Тутъ ужъ генераль чуть не умеръ отъ смѣху.

Послѣ этого пригласиль насъ этотъ чудакъ къ себѣ закусить. Ну-съ, входимъ мы въ квартиру, столъ накрытъ, вино и все прочее въ изобиліи. Самъ хозяинъ какъ вошелъ, такъ сейчасъ же давай съ себя всю амуницію снимать. Наконецъ, мундиръ и сапоги снялъ, а деньщикъ халатъ да туфли принесъ. Переодѣлся онъ совсѣмъ, да и говоритъ:

—„Теперь, господа. милости прошу закусить“.

Ну, тутъ генераль мой не сдержался:

—Что же это вы, капитанъ,—говорить,—халатъ надѣли?

А тотъ, по наивности, совсѣмъ за другое это замѣчаніе принялъ. и давай извиняться:

—„Виноватъ, ваше превосходительство! Ей-Богу виноватъ!“

Да въ это время какъ крикнетъ на деньщика:

—„Иванъ, скорѣе, ракалія, подавай другой халатъ съ туфлями его превосходительству“.

Ну, понятно, генераль, какъ услышалъ это приказаніе, такъ онѣмѣлъ совсѣмъ.

— Неужели это возможно? — съ большимъ сомнѣніемъ спросилъ Корнетъ. — Мнѣ кажется, что вы, какъ будто, подчеркиваете отрицательныя стороны прежней жизни.

— Нѣтъ, какое, я только рассказываю вамъ объ общемъ духѣ времени, — загорячился Волгинъ, — а исключенія всегда были.

Бывали молодцы-офицеры. Но, видите ли, я въ такомъ сегодня настроеніи, что невольно вспоминаются всякіе курьезы. Кстати, вы помните Ивана Ивановича, который командовалъ Крайнимъ отрядомъ; кажется, вы его застали у насъ въ бригадѣ. Ну, вотъ вамъ и типъ. Бывало, собирается въ разъѣздъ, такъ весь домъ у него приходитъ въ волненіе. Одѣваютъ его, обуваютъ, крестятъ, а онъ надѣнетъ громадную шубу въ рукава, а рукава потомъ ему ниже рукъ завяжутъ веревочками. Закутается еще поверхъ воротника дамскимъ платкомъ, да непременно какогонибудь яркаго цвѣта. Ну, и сажаютъ его въ такомъ одѣяніи въ сани. Какъ подъѣдетъ къ слѣдующему кордону, сейчасъ его со всѣми церемоніями высаживаютъ, развязываютъ, а онъ себѣ только роспишется въ постовой росписной книгѣ, что былъ, да и дальше. А дома цѣлые дни только ѣлъ да спалъ. И считался, не смотря на все это, благодаря своему спокойно-безобидному характеру, на от-

личномъ счету. За то, какъ насгали новые порядки, да неожиданно пріѣхалъ къ нему офицеръ изъ Питера ночью, такъ онъ чуть не умеръ отъ этой неожиданности. Потомъ самъ намъ всю эту исторію рассказывалъ, да и говорить:

— Могъ я служить при прежнихъ условіяхъ, а теперь не могу. Помилуйте, пріѣхалъ этакій повѣряющій, да ночью тревожить — мнѣ здоровье мое дорого. „Ночью“, говоритъ, „лучше повѣрить“. а, по моему, ночью то всякаго напугать можно. Я, знаете, съ перенугу сапогъ найти не могъ: чортъ ихъ знаетъ, куда дѣтишки затащили. А тотъ на кордонѣ бурю поднять:

— „Гдѣ командиръ отряда? — кричитъ.

Да что у васъ тутъ за беспорядки!“

Тогда-то я и поблагодарилъ покорно за ласку, да въ отставку скорѣе...“

Съ нимъ еще курьезъ былъ, онъ, знаете ли, толстый да грузный по комплекціи. На одномъ смотру у него начальникъ округа, осмотрѣвши все на кордонѣ, вышелъ на дворъ. Про этого генерала вы слышали, какой онъ былъ: ему бывало особенное удовольствіе во всякую узкость влѣзть. Такъ и тутъ, замѣтилъ онъ, что на чердакъ сквозь слуховое окно что-то видно, ну, и полѣзъ на чердакъ

по лѣстницѣ. Понятно, все начальство за нимъ, а сзади всѣхъ Иванъ Ивановичъ. Всѣ преблагополучно, хотя и съ усилениемъ, пробрались черезъ слуховое окно на чердакъ, а онъ полѣзъ, да и застрялъ, да такъ заклинился, что ни назадъ, ни впередъ.

И смѣхъ и горе! Стали тутъ его всѣ общими силами наружу вытаскивать, а онъ крикъ такой поднялъ, какъ будто его на части рѣжутъ. Вахмистръ снаружи его поддерживаетъ, а я тогда внизу оставался, смотрю, солдатня, за бока схватившись, покатывается...

— А изъ лучшихъ какіе были?— послѣ недолгаго молчанія спросилъ Корнетъ.

— Лучшие?

Да, могу сказать, бывали молодцы на рѣдкость. Кажется чорта бы не испугались,— не то что контрабандира. Вѣдь у насъ на границѣ дѣла бывали, все равно, что во время войны и лихо работали. Духъ въ старыхъ боевыхъ бригадахъ и до сихъ поръ остался. Большинство вѣдь давно уже на томъ свѣтѣ: кто шею свернулъ, кого подстрѣлили, теперь врядъ ли кто изъ молодыхъ офицеровъ въ бригадахъ и ихъ фамиліи слышалъ, а вотъ подите же, выдающіеся ихъ подвиги у насъ каждый изъ солдатъ знаетъ, хотя они невольно путаются при этомъ и время и мѣсто. Да и кресты

надъ ихъ могилами по границѣ многое напминаютъ.

Видѣли вы кресты?

Мало ихъ осталось, постгнили и покривились, а все съ какимъ то невольнымъ почтеніемъ мимо нихъ проѣзжаешь.

Вы слышали когда-нибудь про капитана Володковскаго?

Вѣдь это одинъ изъ нашихъ легендарныхъ пограничныхъ героевъ стараго времени...

А Пономаревъ!...

А цѣлый рядъ погибшихъ при исполненіи своего служебнаго долга!

Настанетъ время и ихъ подвиги снова сдѣлаются извѣстными всѣмъ. Поройтесь только въ нашихъ архивахъ, и передъ вами развернутся чудныя картины прошлой боевой службы. Но все это пока подъ спудомъ.

— Да, Алексѣй Николаевичъ,— произнесъ онъ, останавливаясь на минуту.

— Было и хорошее въ прежней службѣ, а все-таки куда какъ пріятно сознавать, что порядки эти кончились. Теперь труднѣе служить, да за то произволу меньше, а порядку куда стало больше. Вѣдь нашъ братъ, руссакъ, по натурѣ

любить сибаритничать, поэтому и есть недовольные. Коли цѣлыя недѣли ходилъ въ халатѣ, такъ куда какъ трудно потомъ въ мундиръ влѣзть...

И солдатъ нашъ въ струнѣ себя содержать сталъ, а про доносы въ настоящее время почти не слышно.

— Однако, мы таки заболтались...

Вы куда, въ разъѣздъ, Алексѣй Николаевичъ?

На правый флангъ, да!

Ну, я на лѣвый. Нужно кое-что провѣрить на Забытомъ посту, а вы погоняйте смѣну здѣсь, и затѣмъ провѣрьте рубку; а пока до свиданья, я пойду переодѣваться...

По горячимъ слѣдамъ.

(Очеркъ).

Ясные морозные дни оканчивались, уступивъ мѣсто непогодамъ. Дождь лилъ не переставая; темнота ночей все дѣлалась гуще и непрогляднѣе. Ручейки, наполнившись дождевою водою, разливаясь соединялись вмѣстѣ и затопляли торфяныя болота, превращая ихъ въ сплошной рядъ озеръ. Однимъ словомъ, весна западнаго края начиналась. Просѣлка, по которой проходила патрульная дорога, представляла изъ себя трудно проходимую полосу грязи. Лѣсъ, какъ будто сдвинувшись ближе, уныло и однообразно шумѣлъ. Одиноко стоящія сѣрыя фигуры часовыхъ казались еще сѣрѣе, вырисовываясь среди весенней мглы. Изрѣдка легкой трескъ вѣтвей подъ неосторожно ступившей ногой указывалъ, что сзади часовыхъ по лѣсу пробирались осторожно разъѣзды и расходы *).

Ярко освѣщенные окна кордона давали знать, что люди не спятъ, занимаясь чѣмъ-то спѣшнымъ. Шла суета и приготовленіе къ встрѣчѣ Пасхи. Въ кухнѣ, казармѣ и роспис-

*)Пѣшій патруль въ пограничной стражѣ называется расходомъ—конный разъѣздомъ.

ной комнатѣ хлопотали люди, скобля, чистя и приводя все въ праздничный видъ. Старшій поста, ефрейторъ Бондаренко, съ сосредоточеннымъ видомъ принималъ отъ артельщика и торжественно устанавливалъ на накрытомъ столѣ разныя вкусно выматрающія блюда. Горки булокъ на концѣ стола съ традиціонною четвертью видимо занимали его особенно, — какъ-то невольно маня къ себѣ и заставляя передвигать себя съ мѣста на мѣсто. Обычной перебранки не было слышно, и даже всегда ругавшійся Бондаренко ловилъ себя на словѣ, произнося только начало своего ругательства: „щобъ тѣбѣ...“ но ни разу не окончивъ его, меланхолически сконфужено посматривалъ на провинившагося.

Всѣ приготовления почти уже окончены. Скоро и смѣна. Время молитвы и разговѣнья.

Въ офицерской квартирѣ, рядомъ съ кордономъ, красиво убраный столъ давно уже привлекалъ вниманіе хозяина — Штабсъ-Ротмистра Данилова, вводя его въ невольное искушеніе. Пристегивая эполеты къ мундиру и переговариваясь съ одѣвавшейся въ сосѣдней комнатѣ женою, онъ въ то же время посматривалъ на соблазнительно стоящія яства и, видимо будучи не въ состояніи пересилить желанія, потянулся къ столу.

— А вѣдь не дурно пахнетъ... Паштетъ?..

Какъ Генераловскій въ Москвѣ...

Что тамъ теперь?..

Искушеніе исчезло, заставивъ сразу сосредоточиться и вспомнить картины недавняго прошлаго. Шелестъ платья вывелъ его изъ задумчивости. Одѣтая въ свѣтломъ, довольная и веселая, несмотря на усталость, вышла его жена и изумленно остановилась передъ сидѣвшимъ среди своихъ парадныхъ доспѣховъ Штабсъ-Ротмистромъ.

— Да что же это. Коля, ты до сихъ поръ не одѣвался, вѣдь время. Безъ десяти двѣнадцатъ. Ни на что не похоже.

— Ну, вотъ и я почти готовъ.

Но только что успѣлъ промолвить Штабсъ-Ротмистръ, какъ гулко прогремѣвшій выстрѣлъ и чуть не слѣдомъ за нимъ зазвенѣвшій звонокъ на кордонѣ прервалъ его на полусловѣ.

— Тревога!.. Гдѣ револьверъ?..

Ивановъ, револьверъ!

И Штабсъ-Ротмистръ вихремъ устремился на дворъ, надѣвая въ поспѣхахъ кое какъ пальто въ рукава и уже не слыша предостереженій жены.

Дежурный, заправивъ и зажегши фонари и факелы, вручалъ ихъ выводившимъ изъ конюшни лошадей объѣзчикамъ. Какъ пчелы

изъ улья выскакивали люди изъ кордона и быстро скрывались во мракъ ночи, направляясь въ сторону выстрѣловъ.

Минуту спустя Штабсъ-Ротмистръ, уже сидя въ сѣдлѣ и ориентировавшись, приказалъ вахмистру скакать съ частью конныхъ въ тылъ дистанціи, самъ же полнымъ карьеромъ направился по патрульной дорогѣ, сопровождаемый нѣсколькими конными. Брызги грязи изъ-подъ копытъ лошадей разсыпались во всѣ стороны, закидывая порою и всадниковъ; вдали, въ тылу границы, по лѣсу мелькали огоньки случайно повернувшихся фонарей, на мгновение освѣщая окрестность.

—Гдѣ тревога, кто стрѣлялъ?—на лету бросилъ вопросъ Даниловъ стоявшему часовому и, скорѣе догадавшись, чѣмъ услышавъ, давъ шпоры коню, направился на слѣдующій участокъ.

Новый выстрѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ заставилъ Штабсъ-Ротмистра осадить коня почти передъ носомъ сѣрой фигуры часового.

—У тебя?

—Такъ точно, ваше благородіе, пробѣжали.

—Слѣдъ гдѣ?

—Здѣсь.

И моментально освѣщенные слѣдовыми фонарями на мокрой землѣ ясно обрисовались слѣды нѣсколькихъ прошедшихъ человѣкъ.

—А ну смотри не зѣвать,—и крупною рысью устремились снова преслѣдующіе по просѣкѣ вглубь края, порою нагибаясь къ землѣ и внимательно всматриваясь въ слѣды. Освѣщенные огнемъ фонарей и факеловъ, среди двухъ сплошныхъ стѣнъ лѣса, всадники казались чѣмъ-то фантастическимъ, бросая причудливыя тѣни и вырисовываясь изъ окружающаго мрака.

—Стоять! а вѣдь кажись ноши,*—и Бондаренко круто осадивъ коня, почти одновременно съ этимъ спрыгнулъ на землю. Такъ и есть. Да и контрабандиры тутъ притулились, ваше благородіе, въ ефтихъ кустахъ.

—Заѣмай вокругъ, да спѣшиться нѣсколькимъ!—пронеслось горомко приказаніе командира.

Шорохъ по кустамъ, крики и возня показали, что контрабандиры окружены и пойманы.

—Только одного застучали, а остальные черезъ болото подались, ваше благородіе,—докладывалъ черезъ минуту запыхавшійся Бондаренко,—а ноши всѣ какъ есть сбили.

*)Ношею называется тюки товара которые контрабандиры носятъ на спицѣ.

Маленькая полянка, освѣщенная свѣтомъ факела, быстро наполнялась солдатами, сносившими ноши и любопытно разматривавшими пойманого контрабандира. Пугливо озираясь, какъ волкъ среди стаи собакъ, стоялъ онъ, кидая злобные взгляды изъ подлобья. Еще не успокоившійся отъ быстрой скачки Штабсъ-Ротмистръ присѣлъ на одну изъ ношъ и закурилъ папиросу.

Дозвольте поспрошать его, ваше благородіе,—вывелъ Данилова изъ задумчивости голосъ старшаго.

—Спросить?—а ну, спроси, можетъ что скажетъ.

—Не извольте беспокоится, ваше благородіе, енъ заразъ говорить начнетъ,—добавилъ Бондаренко, подходя къ контрабандиру и беря его за плечи, между тѣмъ, какъ стражникъ Глуховъ, вооруженный уже шомполомъ, очутился рядомъ съ нимъ.

Контрабандиръ что-то быстро заговорилъ.

—Ишь ты, бывалый, небось, сказывай вѣрно, кому товаръ несли,—съ угрозой въ голосъ произнесъ Бондаренко, налегая ему на плечи.

Обернувшійся на шумъ Штабсъ-Ротмистръ быстро вскочилъ на ноги и подошелъ къ нимъ.

—Что ты, Бондаренко, дѣлаешь?

—Да такъ, ваше благородіе, ежели ему теперича сотню горячихъ всыпать по пяткамъ, енъ заразъ скажетъ, гдѣ складъ то ихній.

—Ну, этого ты не смѣй дѣлать, что за безобразіе, гдѣ ты выучился живодерничать?—взволновался Штабсъ-Ротмистръ.

—Такъ точно, ваше благородіе, какъ я былъ съ новобранства въ Кашевицкомъ отрядѣ, старшій вахмистръ всегда такъ спрашивали...

Ефто только теперича начальство не дозволяетъ бить контрабандировъ, а прежде, ваше благородіе, всегда перво на перво ему по пяткамъ.

—Ну, братцы, чтобы я этого не видалъ и не слыхалъ больше. Узнаю—суду предамъ,—строгимъ голосомъ отдалъ приказаніе Штабсъ-Ротмистръ.

—Забирай ноши да садись,—добавилъ онъ, подходя къ лошадямъ.

Вахмистру Есауленко, проскавшему въ тылъ отряда не болѣе двухъ верстъ, также посчастливилось, на слѣдъ наткнулись и черезъ нѣсколько времени задержанный контрабандиръ со связанными за спиною руками стоялъ передъ ругавшимся вахмистромъ. Вахмистръ ругалъ всѣхъ: контрабандира за то, что долго

не давался въ руки, людей за то, что упустили остальныхъ, себя за то, что остался еще служить въ этой каторгѣ, какъ называлъ онъ службу. Въ особенности доставалось дюжему рядовому Желѣзняку, хладнокровно слушавшему какъ сердится начальство.

—Ишь ты, проклятый: чего-же ты другого-то упустилъ?

—Да енѣ, г. вахмистръ, больно швидко побѣгъ.

—Я те дамъ швидко, чортовъ хохоль. Да ну, изловимъ еще. Куда бы только эфтого дѣвать, только мѣшать будетъ. Желѣзнякъ, привѣсь его на дерево.—послѣ минуты размышленія рѣшило начальство.

Дюжій Желѣзнякъ, вооружившійся откуда-то взявшейся веревкою, немедленно пропустилъ ее пойманому подѣ мышки и затуянулъ крѣпкимъ узломъ ему на спинѣ.

—На какое дерево-то вѣшать, г. вахмистръ?

—А вотъ сюды на сукъ, на этой березѣ.

—Чего стали, какъ вороны, пособляй!

Контрабандиръ видимо недоумѣвалъ, пугливо озираясь по сторонамъ, но, увидавъ конецъ веревки, закинутый на сукъ, успокоился, вѣроятно размысливъ, что ежели вѣшаютъ, да не за шею, то еще полбѣды.

—„Собирайся на смѣну“,—спустя нѣкоторое время раздалось приказаніе старшаго.
.....

Праздникъ окончился. На востокѣ показалась полоска свѣта. Начался новый день.

Колесо службы вертѣлось безъ остановки.

С о р в а л о с ь.

(Изъ прошлаго).

Поручикъ Николаевъ подойдя къ письменному столу, перебиралъ разбросанныя на немъ бумаги, перечитывалъ ихъ и съ раздраженіемъ бросалъ ихъ обратно на столъ. Особенно одна бумага возбуждала въ немъ какую-то злость — это былъ листъ, испещренный цифрами, — представлявшій собою вѣдомость задержаніямъ всей бригады за прошлый мѣсяць.

— Досада какая, хоть бы одно задержаніе за этотъ мѣсяць — вслухъ разсуждалъ Поручикъ.

— Какъ на смѣхъ, ни одного, а у сосѣдей есть. Надо что нисуть предпринять.

И онъ снова заходилъ по комнатѣ, но черезъ нѣсколько времени, что-то сообразивъ, крикнулъ вѣстовому позвать старшаго поста.

Спустя нѣсколько минутъ молодцоватая фигура браваго ефрейтора выросла передъ нимъ и остановилась въ ожиданіи приказанія.

— Ты, Гончаровъ, видѣлъ Томека сегодня?

— Такъ точно, ваше благородіе, только онъ сказывалъ, что товаръ сегодня съ поѣз-

домъ придетъ, а гдѣ его понесутъ потомъ черезъ границу, онъ не знаетъ.

— А куда со станціи перевезутъ товаръ, ты не слыхалъ?

— Должно въ ту корчму, что за прусскимъ лѣсомъ, назвиско я запомятовалъ, ваше благородіе.

— Можетъ у Пшерембеля, не помнишь?

— Такъ точно. у этого самаго.

— Ну такъ вотъ что: теперъ ужъ пять часовъ, иди достань у кого-нибудь изъ мужиковъ платье для меня. да и самъ переодѣнься мужикомъ и приходи ко мнѣ часовъ въ шесть съ половиной, какъ смѣну вышлешь на границу, но только никому ни гу-гу, ни полслова.

Понимаешь?

— Такъ точно. ваше благородіе.

— Да чтобы никто даже на посту не видалъ тебя съ платьемъ.

Принесешь и у меня въ кухнѣ переодѣнешься.

Ефрейторъ, видимо недоумѣвая, посмотрѣлъ на своего командира и, повернувшись налѣво кругомъ, вышелъ изъ комнаты, а Поручикъ снова началъ свою прогулку изъ угла въ уголъ, обдумывая детали составленнаго плана. Ровно въ половинѣ седьмого Гончаровъ

явился съ багажемъ: свиткой, штанами, рубашкой и прочими принадлежностями крестьянскаго убранства.

—Я, ваше благородіе, взялъ у Томека; сказалъ ему, что Иванову хлопы заказали одежду шить, такъ онъ безъ образца на польскій манеръ не сможетъ пографить.

—Отлично. Давай одѣваться!

И поручикъ мигомъ сталъ облачаться въ принесенный костюмъ.

—А ты поди-ка въ ту комнату и одѣвайся тамъ,—добавилъ онъ Гончарову.

Черезъ нѣсколько минутъ, подойдя къ зеркалу, Николаевъ увидѣлъ передъ собою молодого польскаго парня, одѣтаго съ нѣкоторыми претензіями на щеголеватость.

—Только вотъ лицо не передѣлаешь,—размышлялъ онъ, не совсѣмъ довольный осмотромъ...

—А загримироваться нельзя—живо всю краску дождемъ смоешь. Вотъ главное усы, а сбрить ихъ жалко. Ну, да авось никто не узнаетъ; главное, вѣдь никому въ голову не придетъ.

Гончаровъ!—крикнулъ онъ въ другую комнату.

Готовъ?

—Такъ точно, ваше благородіе!

—Ну, слушай: мы пойдёмъ съ тобою на прусскую сторону за границу въ ту корчму, гдѣ товаръ складываютъ; тамъ скажемся, что съ работъ въ Россію возвращаемся и попросимъ когонибудь изъ контрабандировъ перевести насъ черезъ границу.

Понимаешь?

А какъ перейдемъ съ ними границу, такъ откроемъ тревогу и тогда ихъ задержимъ.

Револьверы нужно взять,—и Поручикъ, взявъ оружіе, положилъ одинъ въ карманъ, давъ другой старшему.

—Только помни, чтобы ты ни слова не говорилъ; я буду говорить по нѣмецки, скажусь, что мы изъ колонистовъ съ подь Лодзи.

Ну идемъ!

Погода къ вечеру ухудшилась. Вѣтеръ дулъ порывами, затихая на время. Темнота ночи казалась непроглядною. Дождь мелкій, чисто осенній, моросилъ не переставая.

—Погода намъ на руку,—подумалъ Николаевъ и смѣло зашагалъ по направленію къ прусской корчмѣ, находившейся въ четырехъ или пяти верстахъ отъ границы.

Путники двигались молча, каждый занятый своими соображеніями. Поручикъ, хотя и шелъ смѣло, но въ душѣ чувствовалъ какое-то невольное стѣсненіе, явившееся сейчасъ же,

какъ только они очутились на прусской сторонѣ; это не былъ страхъ, а какое-то особенное состояніе неловкости, которое человѣкъ испытываетъ въ чуждомъ ему мѣстѣ.

Наконецъ, послѣ часа ходьбы, вдали замелькамы огоньки прусской деревни и минуто спустя они уже расположились около столика въ корчмѣ, присматриваясь къ новой для них обстановкѣ. Корчма, какъ и все прусскія корчмы, представляла собою громадную комнату, установленную столиками, съ прилавкомъ, отдѣлявшимъ заполненный разными вещами для продажи уголь.

Традиціонныя коробки съ дешевыми сигарами возвышались цѣлою пирамидой, занимая уголь, тутъ же на гвоздяхъ висѣли связки башмаковъ съ деревянными подошвами и фарфоровыхъ трубокъ; груды пикорія въ синихъ оберткахъ, какія-то колбасы, — вотъ все, что было къ услугамъ скромныхъ обывателей. Бочки съ пивомъ разныхъ сортовъ, съ насосами въ каждой, дополняли общее убранство комнаты. Дымъ плохихъ сигаръ наполнялъ воздухъ, носясь клубами по комнатѣ. Нѣсколько посетителей занимались распиваніемъ пива и игрой въ карты, не обращая никакого вниманія на вновь прибывшихъ, едва кивнувъ головою на привѣтствіе, съ которымъ вошелъ Николаевъ въ комнату. Толстый, флегматичный нѣмецъ,

хозяинъ корчмы, посасывая огромную сигару, меланхолично выслушалъ просьбу Николаева пристроить его къ какой нибудь партіи контрабандировъ, чтобы перейти границу.

— *Zer gut man kan das masken!* (хорошо, это можно сдѣлать).

Warten-si (подождите).

Окончивъ переговоры съ хозяиномъ и сторговавшись съ нимъ по два таллера съ человѣка за переходъ границы, поручикъ сѣлъ снова къ столику и приказалъ подать два куфля пива. Потягивая холодный напитокъ, онъ занялся наблюденіями. Гончаровъ сидѣлъ напротивъ, видимо недоумѣвая и борясь между желаніемъ выпить и чувствомъ неловкости пить передъ своимъ командиромъ. Между тѣмъ, корчма начала постепенно наполняться разнымъ людомъ. Появилось нѣсколько дюжихъ парней, одѣтыхъ въ короткіе куртки и босикомъ. Они шумно заняли мѣста за бльшимъ столомъ, стоявшимъ среди комнаты, и потребовали водки. Приглядѣвшись къ нимъ пристально, поручикъ по одеждѣ и ухваткамъ увидѣлъ, что все это профессиональные контрабандеры, подготовляющіеся водкой къ предстоящей работѣ. Стукъ подѣхавшей телѣги вывелъ хозяина изъ апатіи и заставилъ его выйти на дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился въ сопровожденіи двухъ

евреевъ, что-то оживленно ему говорившихъ. Промычавъ въ отвѣтъ нечто вродѣ согласія, онъ указалъ на компанію, засѣвшую около большого стола. Евреи направились прямо къ одному изъ парней и, сказавъ ему нѣсколько словъ на неопредѣленномъ еврейско-нѣмецко-польскомъ жаргонѣ, тутъ же вручили ему нѣсколько ассигнацій, послѣ чего всѣ поднявшись вышли на дворъ, откуда начали вносить въ комнату громадныя кипы разныхъ товаровъ, завернутыхъ въ бумагу. Бумага тутъ же разрывалась, а товаръ сортировался и укладывался въ кипы, величиною съ носу для одного человѣка. Чего, чего тутъ не было: мѣшки чая, штуки полотна и матерій, свертки шолковыхъ лентъ такъ и мелькали передъ глазами засмотрѣвшагося на этотъ складъ Поручика. Наконецъ все вынесено и тутъ же началась обшивка всего принесеннаго въ грубый холстъ, придѣлка къ носамъ помочей и примѣрно черезъ часъ штукъ тридцать ношъ были въ полной готовности для переноса черезъ границу.

Окончившіе работу контрабандиры основательно принялись снова угощаться водкою и пивомъ, поджидая жожака партіи (на пограничномъ языкѣ машиниста) какого-то Михала. Но Михаль, что-то замѣшкался и Поручикъ имѣлъ возможность за это время хорошо при-

смотреться къ лицамъ, но ни одного знакомаго среди нихъ не встрѣтилъ, очевидно это были все люди изъ болѣе далекихъ деревень.

— „Слава Богу“, — только успѣлъ подумать Николаевъ, окончивъ свои наблюденія, какъ дверь корчмы отворилась и показался дюжій мужикъ, котораго компанія встрѣтила немедленно радостными кртками:

— А! панъ Михаль?

— Цо такъ длуго?

— Килишекъ вудки!

Михаль, поздоровавшись со всѣми, присѣлъ къ столу и бросивъ бѣглый взглядъ на всѣхъ посѣтителей, усердно принялся за живительную влагу.

Къ ужасу своему Поручикъ узналъ въ немъ мужика изъ деревни, въ которой находился его пограничный постъ. Ему даже приходилось часто встрѣчаться съ Михаломъ, такъ какъ послѣдній былъ долгое время солтусомъ въ деревнѣ.

— Авось не узнаетъ, — думалъ бѣдный воинъ, чувствуя возможность дурного исхода.

Но авось на этотъ разъ не хотѣлъ помогать. Выпивъ нѣсколько рюмокъ, Михаль направился къ стойкѣ и разговаривая о чемъ-то влолголоса съ хозяиномъ, порою бросалъ пытливые взгляды въ сторону сидѣвшихъ за

отдѣльнымъ столикомъ. Поручикъ, внутренно волнуясь, отворачивался и начиналъ прихлебывать пиво, между тѣмъ какъ Гончаровъ, также узнавъ Михала, удивленно, съ полукрытымъ ртомъ, пристально въ него всматривался, ловя каждое его движеніе. Видно, что на душѣ у молодцоватаго ефрейтора было сильно не покойно.

— Не смотри, только что хотѣлъ шопотомъ сказать ему Николаевъ, какъ Михаль, медленно повернувшись, направился къ ихъ столу.

Сердце у обоихъ замерло. Гончаровъ былъ бѣлѣе мѣлу.

— Мое шинованіе пану Ротмистру, — раздался надъ ними голосъ, насмѣшливо прозвучавшій въ ушахъ.

— То панъ Ротмистръ черезъ границу хочетъ съ нами перейти?

И панъ старшій тутъ...

Дѣбже. Панове?! обратился онъ къ большому столу, гдѣ всѣ давно уже прислушивались къ его словамъ.

Николаевъ моментально вскочилъ и приговорился къ чему-то ужасному, сжимая рукою револьверъ. Блѣдный какъ полотно Гончаровъ тихо озирался вокругъ

— Панове! зачините двери! крикнулъ снова Михаль.

Раздумывать было уже некогда. Однимъ прыжкомъ очутился Николаевъ около окна, отбросивъ сильнымъ ударомъ въ сторону Михала, пытавшагося его схватить. Выбивъ оконную раму, Поручикъ только успѣлъ крикнуть Гончарову и выскочилъ на дворъ. Слѣдомъ за нимъ, рѣзко разсѣвая воздухъ, пролетѣла тяжелая табуретка и грузно стукнулась о притолку окна. Но Гончаровъ также быстро успѣлъ миновать опасность, выскочивъ за своимъ командиромъ почти слѣдомъ...

Быстрѣе зайцевъ улепетывали они по направленію къ границѣ, слыша за собою крики и ругань преслѣдующихъ контрабандировъ. Не разбирая дороги, прямо по лѣсу, добрались они до спасительной рогатки и едва переводя духъ остановились передъ изумленно — смотрѣвшимъ на нихъ часовымъ.

— Ну, Богъ спасъ, ваше благородіе! — крестясь произнесъ Гончаровъ, очутившись на русской сторонѣ.

— Кабы словили, насъ живыми бы не отпустили...

И вѣдь поди-жъ ты — револьверы были, а стрѣлять изъ нихъ за границу нельзя.

Измученный пережитыми волненіями, весь изцарапанный и изодравшійся о деревья, Поручикъ молча направился въ свою квартиру.

На другой день, наблюдая у коновязи за чисткой лошадей, Николаевъ съ удивленіемъ увидѣлъ подходившаго къ нему Михала.

— Можесть панъ Ротмистръ у меня сѣно купить, — произнесъ онъ, снимая шапку и по польскому обычаю цѣлуя руку у офицера.

— Я пану продамъ — по одному рублю центнаръ.

— Хорошо, я пришлю артельщика посмотреть на сѣно, а ты вотъ, скажи мнѣ — куда товаръ вчера отнесли?

— А съ конь-то я вѣмъ, пане Ротмистръ, я ницъ tego не видѣлъ и за границей больше якъ рокъ не былъ, — отвѣтилъ Михалъ самымъ невиннымъ тономъ, почтительно цѣлуя полу шинели, но глаза его смѣялись.

С М О Т Р Ъ.

(Изъ далекаго прошлаго).

Лишь только Корнетъ День проснулся, вѣстовой, татаринъ Ахметъ, подалъ ему пакетъ, принесенный вахмистромъ; распечатавъ конвертъ и прочитавъ полученную бумагу, День узналъ, что его превосходительство, начальникъ округа, будетъ на посту Коморники къ двумъ часамъ дня.

— Чѣмъ же я кормить то ихъ буду? По предписанію у меня вѣдь обѣдъ назначенъ, да и лошадей приказано заготовить! Откуда же я ихъ возьму? — проносились въ головѣ Корнета тревожные вопросы.

— Ну, да авось какънибудь сдѣлаемъ...

Отдавъ нужныя по отряду приказанія, написавъ рапортъ и распорядившись попросить лошадей у сосѣда-помѣщика (если не дастъ то нанять), День, одѣтый въ новый съ иголочки мундиръ и ярко сіявшую на солнцѣ амуницію, черезъ часъ уже стремился на постъ Коморники. День былъ жаркій. Изнемогая отъ жары, добрался, наконецъ, несчастный Корнетъ до вождѣннаго поста, гдѣ шло уже усиленное приготовленіе къ пред-

*) До сформированія отдѣльнаго корпуса стража подчинялась начальникамъ таможенныхъ округовъ.

стоящему смотру. Заглянувъ въ кухню, конюшни, цейхгаузъ и отдавъ нѣкоторыя распоряженія, День сѣлъ въ росписной комнатѣ, приготовившись терпѣливо ожидать грозное начальство, которое онъ зналъ только по слухамъ.

— Все, кажется, въ порядкѣ, — думалъ День, поглядывая на суету передъ кордономъ, гдѣ люди уже начинали выстраиваться, съ выраженіемъ какого-то напряженнаго ожиданія на лицахъ.

Молодцоватый ефрейторъ — старшій поста, держа кучу можжевельника въ рукахъ, старательно разбрасывалъ его передъ кардономъ. День невольно удивился.

— Что за притча? Вѣдь можжевельникъ разбрасываютъ только когда выносятъ покойника! Странно!

Матвѣевъ, для чего это? — крикнулъ онъ вахмистра

— А такъ что, ваше благородіе, начальникъ округа завсегда очень этимъ довольны. Дозвольте доложить, ваше благородіе: они очень свиней любятъ, а нашъ кабанъ еще маленькій, такъ дозвольте тутъ у мужика, у Игнаса занять на смотръ двухъ, очень уже толстые кабаны.

— Да вѣдь у насъ только одинъ по артельной книгѣ значится.

— Не извольтѣ беспокоиться, ваше благородіе, я ихъ по черновой книжкѣ запишу, что куплены, а послѣ смотра изъ книжки вычеркну — мы завсегда такъ съ другими продуктами дѣлаемъ. Очень довольны ихъ превосходительство бываютъ, когда продуктовъ много. Въ Дзялошинскомъ отрядѣ командиръ передъ смотромъ приказывали овесъ и муку у мельника занимать — и очень хорошо на смотрахъ бывало.

Совершенно неопытный въ дѣлахъ хозяйственныхъ комбинацій, День только руками развелъ.

— Дѣлай тамъ какъ всегда было, да только чтобы все оказалось въ порядкѣ.

Ступай!

Время тянулось страшно долго. Два, четыре, шесть, восемь часовъ, — все не ѣдутъ. Обойдя десять разъ постъ и осмотрѣвъ каждаго солдата, День чувствовалъ уже страшный голодь и усталость.

— Кажись, ѣдутъ, ваше благородіе: развѣдной скачетъ.

Подтянувшись, Корнетъ сѣлъ на подведенную лошадь, выровнялъ еще разъ людей

и приготовился къ встрѣчѣ его превосходительства.

Бричка съ командиромъ отдѣла подѣхала раньше, и непосредственное начальство въ лицѣ Подполковника Вѣхова стало рядомъ съ Корнетомъ, а минуту спустя показался на взмыленномъ конѣ конвойный и въ то же время коляска съ сидѣвшими въ ней начальникомъ округа и бригаднымъ командиромъ торжественно остановилась у кордона. Принявъ рапортъ и поздоровавшись съ людьми, начальство начало тщательно провѣрять, т. е. главнымъ образомъ доискиваться—нѣтъ ли вмѣшательства офицера въ дѣла артели. Едва бросивъ мелькомъ взглядъ на выведенныхъ лошадей, штатскій генераль, сопровождаемый всѣми присутствующими, направился за конюшню и остановился въ ожиданіи около свиного хлѣва, изъ котораго опытный вахмистръ уже выгонялъ по одному двухъ огромныхъ откормленныхъ кабановъ (занятыхъ) и третьяго небольшого (своего). Съ чувствомъ глубокаго удовольствія осмотрѣвъ ихъ со всѣхъ сторонъ, его превосходительство наконецъ изъявилъ свое благоволеніе, а заглянувъ мимоходомъ въ кладовую, всю загроможденную кулями съ овсомъ, начальство окончательно умилилось. Но уѣхать, не пробравъ офицера, было не въ порядкѣ вещей, и генераль, за-

ложивъ руки за спину и что-то насвистывая себѣ подъ носъ, остановился среди двора, окидывая начальническимъ окомъ крыши построекъ. Минуту спустя на головы Корнета и Подполковника уже сыпались всякіе громы за беспорядки на посту (тряпки, брошенные около слухового окна привели къ дурному концу такъ удачно начавшійся смотръ). Сразу все оказалось отвратительнымъ... Полная распущенность людей... Плохой надзоръ за границей... И Генераль, минуя всѣ остальные посты, сопровождаемый бригаднымъ командиромъ, двинулся въ другой отдѣлъ, а Корнетъ, вмѣстѣ съ командиромъ отдѣла, отправились въ самомъ грустномъ настроеніи къ Дену ужинать смотровымъ обѣдомъ.

Глядя въ тарелки, собесѣдники нехотя перебрасывались словами, разговоръ не клеился. Наконецъ, нѣсколько рюмокъ вина благотворно подѣйствовали на Дена и заставили его вылить наружу все накипѣвшее на сердцѣ.

— Воля ваша, Алексѣй Ивановичъ, а я ничего не понимаю: да развѣ у меня на самомъ дѣлѣ такой беспорядокъ?—обратился онъ, наконецъ, съ прямымъ вопросомъ къ Подполковнику, давно смѣющимися глазами посматривавшаго на волновавшагося Дена.

—Эхъ, Владиміръ Сергѣевичъ, молодо—зелено, оттого и горячитесь!

Плюньте на все это дѣло и успокойтесь!

— Да какъ же успокоиться?

Вѣдь сами видѣли—ни за что разнесли!

— Э, полноте, мало вы у насъ служите—оттого и волнуетесь.

Служилъ я въ Тмутараканскомъ округѣ, такъ, вѣрите ли, какъ смотрѣть, тутъ и смѣхъ, и грѣхъ. Стоишь, ждешь начальства, думаешь, какъ бы этакъ къ начальству подѣхать по-лучше съ рапортомъ. Вижу—подѣзжаетъ начальникъ округа, я, знаете, коня собралъ, думаю чортомъ подѣду, не тутъ то было; смотрю—выходить изъ брачки лакей не лакей, а похоже на это: въ кожаной курткѣ, сапоги высокіе, и зеленымъ шарфомъ закутанъ, а на головѣ жокейская фуражка *). Меня какъ будто кто холодной водой облилъ. Какъ, думаю, рапортовать такому чучелу, да дѣлать нечего: скрѣпя сердце отрапортовалъ кое-какъ. А онъ себѣ стоитъ, руки въ карманы заложивши. И эдакая фигура вѣду смотреть, да поправляетъ еще. Въ учебной командѣ еще чище казусъ былъ. Завѣдывалъ сю Ротмистръ Норовъ, хорошій строевой офицеръ, да на несчастьѣ какая то у него отъ

*) До 1893 года пограничная стража находилась въ веденіи Департамента таможенныхъ сборовъ и лишь въ этомъ году былъ сформированъ отдѣльный корпусъ въ силу чего до этого года Начальники Округовъ были гражданскія лица.

природы развинченная походка была. Начальство команду въ пѣшемъ строю смотрѣло. Идетъ онъ, подвысь держитъ, а начальникъ округа послѣ плотнаго обѣда былъ, увидѣлъ, что Норовъ въ развалку идетъ, взялъ руки подъ мышки, да канканчикомъ ему навстрѣчу. Сколько смѣху было.

— Неужели возможно это, Алексѣй Ивановичъ?

— Ой-ли, да какъ еще возможно, послужили бы при старыхъ порядкахъ съ мое—еще не то бы увидѣли.

— Ну-ка, налейте еще рюмочку вина, а я вамъ расскажу картиночку, кстати вспомнилось. Авось вы хмуриться перестанете.

Былъ, видите у насъ ротмистръ, толстѣющій. Ждалъ не хуже васъ начальства, а по кулинарной части большой знатокъ былъ. Пока время было, люди выстроились, ждуть, а онъ, осмотрѣвши все, чтобы не терять время даромъ, надѣлъ сверхъ парадной формы фартухъ, да въ кухнѣ занялся приготовленіемъ разныхъ пирожковъ, чтобы начальство ублаготворить. Увлекся онъ этимъ дѣломъ, а тутъ вахмистръ:

„Бдутьъ ваме высокоблагородіе“.

Тотъ изъ кухни, фартухъ долой—къ коню, да не тутъ-то было: толстѣ слишкомъ, никакъ

не влѣзеть; къ бочкѣ съ водой коня подвелъ, сталь на край, да и оступись, на грѣхъ. Начальство-то подѣхало, а онъ потерялся, да и стоитъ въ бочкѣ, руку къ козырьку приложилъ. Начальникъ округа, какъ увидѣлъ такую фигуру, до коликъ смѣялся. И вѣрите ли, смотрѣ отлично сошолъ—начальство въ хорошее настроеніе привелъ. Да еще въ томъ же году, какъ къ орденамъ представленіе было, Анну на шею получилъ. Вспомнили про него, снова смѣялись и къ ордену представили.

А у васъ хуже—тряпки въ дурное настроеніе привели. Подождемъ слѣдующаго и навѣрное хорошо будетъ. Сами увидите, а теперь посошокъ на дорожку, да и по домамъ.

А кстати, на чьихъ лошадахъ вы начальство отправили?

День только рукой махнулъ.

—Гдѣ тамъ—нанять пришлось, и хотъ бы поблагодарили.

—Ну, до свиданія Владимиръ Сергѣевичъ, все-таки отзвонили—и съ колокольни долой.

Б ѣ г л ы й.

Широкой серебряной лентой выдѣляется среди высокихъ горъ быстрый Бручъ.

У кордона пограничной стражи на грудѣ душистаго сѣна, сложеннаго въ темномъ углу конюшни, расположились двое солдатъ; черно-волосый съ густою курчавою бородою, объѣздчикъ Зинченко, лежа на боку и подперевъ рукою голову, внимательно вслушивался въ слова своего собесѣдника. Все его лицо, а въ особенности глаза, глядѣвшіе прямо, выражали смѣлость и прямоту.

Легкая улыбка порою мелькала на его губахъ, открывая рядъ бѣлыхъ какъ кипень зубовъ. Считаюсь образцовымъ строевикомъ и человѣкомъ испытанной честности, онъ пользовался любовью и довѣренностью своихъ товарищей. Лежавшій рядомъ съ нимъ стражникъ Павелъ Быковъ, его землякъ и односельчанинъ представлялъ рѣзкую съ нимъ противоположность: свѣтлый блондинъ, съ сѣрыми глазами, онъ смотрѣлъ всегда немного изподлобья, производя собою впечатлѣніе чловѣка, только что оправившагося послѣ долгой и тяжелой болѣзни. Блѣдное лицо его было

истомлено. Поступивъ на военную службу, онъ какъ-то быстро попалъ въ категорию людей ненадежныхъ. Уже на первыхъ порахъ самъ Андрей Ивановичъ Зубковъ, отрядный вахмистръ, взялъ его, какъ онъ выражался, на примѣту. Нѣсколько разъ его всюду заглядывавшіе глаза, замѣтили за новобранцемъ различныя мелкія неисправности. Только всегдашняя защита Зинченко, старавшагося упростить строгаго вахмистра, спасала Быкова отъ взысканій.

—И чудно это, братецъ ты мой,—говорилъ Быковъ, потягиваясь на душистомъ сѣнѣ, чего ефтотъ аспидъ меня поѣдомъ ѣсть?

„Я, грить, тебя такого, сякого, подь судь отдамъ—ежели въ чемъ запримѣчу?“

Встрѣтилъ я позавчера Апанаса, какъ шелъ съ часовъ черезъ деревню, ну, потолковали малость. Я-то и зашелъ къ нему въ хату сигарку запалить, ну, а онъ мнѣ уваженіе сдѣлалъ:

—Выпей,—говорить,—служба, горилки.

Выпилъ я чарку всего, махонькую. Иду, а навстрѣчу вахмистръ, врагъ его возьми, подошелъ ко мнѣ.

—Ты,—грить,—собачій сынъ, за что,

про что съ Апанасомъ знакомство свелъ. Нешто не знаешь, что енъ пачкаръ? *).

Дыхни, сказываетъ на меня.

Дыхнулъ. А онъ, худово слова не говоря, сказываетъ:

—Вотъ я командиру про ефто все выложу, какъ и что!..

А тутъ подь вечеръ, на грѣхъ, вышелъ я къ околицѣ: Параска попалась навстрѣчу, я съ ней маленько позадержался; ну и накрылъ меня снова ефтотъ чортъ съ нею...

—А ты себя въ струнѣ больше держи,—замѣтилъ внимательно слушавшій Зинченко.

Потому ты сказываешь, одну выпилъ, а на прошлой недѣлѣ тоже тебя на томъ же накрыли... Эдакъ до бѣды недолго...

—Ты-то чего накаркиваешь, словно начальство какое, тоже себѣ гордыбачишь,—накинулся со злостью на него Быковъ.

Тоже указчикъ нашелся... Погляжу на васъ, да и плону... Теперича на томъ боку,—мотнулъ онъ головой на австрійскую сторону,—ладно, сказываютъ, люди живутъ... Апанасъ оченно то житье хвалилъ... Возьму, да и махну, чѣмъ тутъ такую каторгу нести... Кажинный день—полсутокъ на границѣ стой... Да

*) Пачкаремъ на пограничномъ языкѣ называется контрабандиръ.

еще секреты... Впрямь каторга... Тамъ все равно, что Рассея—по нашему говорятъ... Апанасъ сказывалъ, какъ придешь—сичасъ тебѣ пачпортъ на проживаніе и еще денегъ дадутъ...

—Ну, ну, бреши больше,—соннымъ голосомъ отвѣтилъ Зинченко, не придавая никакого значенія разсужденіямъ товарища и укладываясь получше, чтобы заснуть.

Немного спустя его богатырскій храпъ раздавался по конюшнѣ.

Быковъ же медленно всталъ и направился въ казарму...

II.

Рѣшивъ бѣжать за границу, Быковъ нѣсколько разъ заглянулъ къ Апанасу, отъ котораго каждый разъ возвращался съ увѣренностью, что на той сторонѣ куда лучше живется, чѣмъ у насъ. Все время онъ только о томъ и думалъ, какъ осуществить свое предпріятіе. Стоя часовымъ на границѣ, онъ внимательно разсматривалъ перекаты по Бручу и сломивъ длинную палку, во многихъ мѣстахъ промѣрилъ глубину воды, выбирая удобный бродъ. Прошла недѣля. Рано на зарѣ, захвативъ съ собою нѣсколько своихъ вещей и прихвативъ пару хорошихъ сапогъ своего

земляка, Быковъ выскользнулъ изъ кордона и и безшумно прокрался кустами до берега.

Внимательно осмотрѣвшись вокругъ и не видя нигдѣ часового, онъ снялъ сапоги и, перекрестившись, тихо сошелъ въ воду. Сердце у него учащенно билось, въ вискахъ какъ будто стучали молотки...

Холодная вода едва доходила до пояса. Оступаясь на камняхъ, лежавшихъ по дну рѣки, онъ оглянулся и съ ужасомъ замѣтилъ бѣгущаго къ этому мѣсту часового. Въ одну секунду достигъ онъ австрійской стороны и пѣляясь за вѣтви лозника, поднялся на берегъ... На русской сторонѣ прогремѣлъ выстрѣлъ часоваго и перекатившихъ нѣсколько разъ въ ущельяхъ разомъ пробудилъ окрестности.

Въ кордонѣ зашевелились; люди вскакивали съ кроватей и полусонные бѣжали на тревогу.

На чемъ свѣтъ стоитъ ругая бѣжавшаго, возвращались съ тревоги усталые люди на кордонъ. Нахмурившись и, порою, посылая крѣпкое словцо по адресу своего земляка, шелъ Зинченко вмѣстѣ съ другими, разсуждая о Быковѣ.

— Чортъ съ нимъ,—наконецъ съ сердцемъ сказалъ высокій, плечистый ефрейторъ

Степанцовъ, старшій поста,—худая трава изъ поля вонъ.

А только зачѣмъ онъ, подлець, худую славу на нашъ отрядъ положилъ; никогда еще у насъ такого конфуза не случалось...

— Потому самому безпремѣнно теперь надо Апанасу ребра пощупать, безъ него Быковъ ни за что бы не сбѣгъ, добавилъ Зинченко, Апанасъ извѣстно, пачкаръ, отъ него хорошаго не жди, ну и Параска тоже не безъ того...

— А только, братцы, очень конфузно передъ начальствомъ теперича...

— Эхъ, надо ѣхать, командиру доложить. — рѣшилъ Степанцовъ, направляясь въ конюшню.

— И чудно, это, братцы,— началъ Зинченко, возвращаясь къ прежнему разговору.

— Сказывалъ Апанасъ Быкову, что въ Астріи куда лучше нашего жить—малаго только въ смущеніе ввелъ. Коли посмотрѣть, такъ у насъ куда какъ рѣдко бѣгаютъ. Ужъ ежели какой бѣжитъ, ну, значить, совсѣмъ плохой человѣкъ и присягу забылъ, и все прочее... Потому, тамъ хотя и сказываютъ, што всѣ по-нашему говорятъ, и вѣра нашенская, а все та Австрія подъ невѣрнымъ царемъ состоитъ.

Значить, царь-то ихъ лютеранской вѣры будетъ, ну, нашему брату, русскому, подъ нимъ состоять не приходится... Потому, посудите самъ, въ церкви того царя поминать нельзя... Ну, и присяга дается ему тоже невѣрная... А что отъ нихъ то къ намъ бѣгаютъ, сами знаете, какъ часто... Значить, не сладко жить тамъ приходится...

Коли кто изъ насъ помнитъ, года три тому назадъ, стоялъ я на Зеленомъ кордонѣ, маневры были у австрійскихъ. Только это стоялъ я дежурнымъ около кордона, смотрю, валить что-то черезъ рѣку, дѣло на разсвѣтъ было; шумъ поднялся, кони фыркаютъ и вода плещется. Взяло меня раздумье, въ родѣ какъ оторопь нашла, я за винтовку, да и выстрѣлилъ. А тутъ, значить, съ темноты голосъ:

— Не стрѣлай, потому, грить, мы къ вамъ идемъ...

Я собрался было въ другой разъ выстрѣлить, ну, тутъ старшій нашъ выбѣгъ и другіе, кто на посту были. А тѣ на коняхъ подошли:

— Мы, грить, восьмого, чи девятого уланскаго цесарскаго полка эскадронъ, хотимъ подъ настоящимъ царемъ служить и свою невѣрную присягу упразднить, къ вамъ хотимъ передаться.

Дали это знать командиру отряда. Ротмистръ нашъ же командовалъ отрядомъ въ ту пору. Приѣхаль, сталъ ихъ считать, а ихъ близко восемьдесятъ человекъ, да два вахмистра. Сичасъ, честь честью, лошадей взяли отъ нихъ, оружіе, ну, и все прочее, казенное. Тутъ, на зарѣ, жандармъ австріяцкій проходилъ по надъ границею—ему ефту амуницію и коней сдали.

А людей-то сказываютъ, на Кавказъ погна-ли, а тамъ и землей царь наградить приказалъ, ну, а которые и здѣсь, по нашей губерніи, жить остались.

—Ловко! Значить жисть хороша, коли цѣльнымъ шквadroномъ утекають...

—Хороша!

Я съ однимъ изъ нихъ толковалъ, такъ енѣ мнѣ сказывалъ, что наука у нихъ больно чижала, скулы да зубы отъ нея завсегда у нихъ болятъ, отъ науки-то...

—Ну, и на счетъ кормовъ, и того хуже...

—Однако время и на службу собираться, — сказалъ Зинченко вставая.

Только попадись енѣ не посмотрю, что землякъ, — добавилъ онъ, погрозивъ кулакомъ въ пространство.

III.

Боязливо озираясь по сторонамъ шелъ Быковъ, выбравъ направленіе прямо отъ границы вглубь Австріи. Вдали на горѣ виднѣлось освѣщенное яркими лучами солнца мѣстечко. Маленькіе бѣлые домики, казалось, какъ гнѣзда ласточекъ, прилѣпились по скалистымъ уступамъ. По склону горы крутыми зигзагами вилась дорога, выдѣляясь бѣлой полосой среди темнаго фона скалъ. Высокій, старинной архитектуры, костель казался еще выше среди окружающихъ построекъ. Въ воздухѣ далеко разносились дребезжащіе, прерывистые звуки колокола, будя окрестности.

Одинъ за другимъ появлялись жители на улицѣ. Слышалась визгливая перебранка, хлопаніе дверями и стукъ колесъ о каменистую землю.

Мѣстечко просыпалось. Взойдя на гору и остановившись у околицы, Быковъ на минуту задумался. Гдѣ-то далеко на горизонтѣ виднѣлся серебрянный изгибъ Бруча, выдѣляясь изъ рамы зелени, казался осколкомъ зеркала, ярко блестящимъ на солнцѣ. Внимательно всмотрѣвшись, онъ увидѣлъ вершину горы, подъ скатомъ которой приютился кордонъ.

—Небось, ищутъ, бранятся всѣ, — мелькнула на мгновеніе у него мысль.

—Прощай Рассея,—и махнувши рукою онъ смѣло направился вдоль улицы.

Узнавъ у встрѣчнаго крестьянина, гдѣ находится управленіе комиссара, онъ, помня совѣты Апанаса, рѣшилъ явиться мѣстной власти немедленно.

—Сейчасъ пачпортъ и работу дадутъ,—думаль, поднимаясь по ступенькамъ лѣстницы староства*).

Но скоро ему пришлось разочароваться. Толстый комиссаръ, роясь въ бумагахъ, взглянулъ не особенно дружелюбно на Быкова. Задавъ ему нѣсколько вопросовъ о части войскъ, изъ которой Быковъ бѣжалъ, онъ быстро записалъ его показанія и приказавъ написать своему помощнику для Быкова билетъ, снова занялся бумагами, не обращая уже больше никакого вниманія на стоявшаго у порога бѣгуна.

Переминаясь съ ноги на ногу, Быковъ присматривался къ своему новому начальству и замѣтивъ, что тотъ на минуту оторвался отъ бумагъ, робко попросилъ дать ему какую-нибудь работу. Комиссаръ внимательно посмотрѣвъ на основательную фигуру Быкова, на минуту задумался, но видимо что то сообразивъ, приказалъ ему идти къ нему на квартиру.

* Въ Австріи уѣздное управленіе называется староство, а исправникъ—староста. Комиссаромъ называется полицейскій приставъ.

И началась для Быкова другая служба. Изъ дня въ день потянулось для него время. Занятый постоянно, почти безъ отдыха, самыми разнообразными работами, онъ положительно не имѣлъ минуты свободной. Строгий, требовательный хозяинъ не давалъ ему почти отдыха, но Быковъ утѣшался мыслью, что за свою работу онъ будетъ получать хорошее жалованіе. Однако, и въ этомъ ему пришлось разочароваться. Вечеромъ, въ первый же день, едва стоя на ногахъ отъ усталости и голода, онъ узналъ, что заработалъ всего лишь двѣнадцать крейцеровъ (около десяти копѣекъ) и изъ этихъ же денегъ обязанъ прокормиться. Забившись въ уголъ сѣновала, онъ пролежалъ цѣлую ночь безъ сна, и мысли, одна другой мрачнѣе, не давали ему покоя. Невольно вспоминалась жизнь на кордонѣ и сравнивъ ее со своимъ настоящимъ положеніемъ, онъ сразу увидѣлъ, что здѣсь, въ этой хваленной заграницѣ жизнь куда хуже и тяжелѣе.

Разузнавъ подъ рукою, онъ съ грустью услышалъ, что вездѣ для такихъ, какъ онъ та же наемная плата и тотъ же тяжелый трудъ. Дни шли за днями также однообразно за работою. Но въ праздники для него было еще хуже. Невольно его манила къ себѣ окрлица, гдѣ сѣвъ на камень, онъ внимательно всматривался въ русскую сторону.

И казалось ему, что солнце свѣтитъ ярче за рубежомъ на русскую сторону. Зеленъ тамъ свѣжѣе...

А люди, люди куда лучше и добрѣе...

— Эхъ, — разсуждалъ онъ подъ частъ самъ съ собою, — сказывали хорошо здѣсь. Какое хорошо, у насъ куда на кордонахъ собаки сытнѣй живутъ.

Вралъ Апанасъ. Кабы можно, такъ сейчасъ бы назадъ махнулъ. Да нельзя, сказываютъ, сейчасъ подъ судъ... а тамъ и сошлютъ въ дисциплинарный баталіонъ...

IV.

— Слыхали, братцы, новость, — сообщили, слѣзая съ лошади, вернувшійся изъ развѣзда объѣздчикъ Лаухинъ кружку собравшихся около кордона солдатъ.

— Бду я по границѣ, анъ, глядь, на австрійской сторонѣ за рогаткой Быковъ стоитъ, да эдакій весь оборванный, что срамъ смотреть. Увидѣлъ меня, да издали шапку скинулъ, а я ему на эфто кулакъ показалъ, да и сказываю:

Попадись только, собачій сынъ, я тебѣ ребра посчитаю.

— Это ты напрасно, — рѣшилъ ефрейторъ

Степанцовъ, — теперь не слѣдъ съ нимъ связываться, онъ и такъ напуганъ. Давно ли видѣлъ его?

— Да никакъ не больше минутъ десяти, господинъ старшій, онъ еще кричалъ, чтобы Зинченку вызвать, сказывалъ, безпремѣнно, чтобы пришелъ, потому словечко ему сказать надо.

Зинченко, стоявшій облокотясь о постовой столбъ и внимательно вслушивавшійся въ разговоръ, встрепенулся.

— Меня надобно? — переспросилъ онъ, видимо что-то соображая.

— Семень Ивановичъ, дозволейте сходить на рогатку, — обратился онъ черезъ минуту къ старшему.

— Да еще до васъ у меня секретный разговоръ есть...

Ефрейторъ Степанцовъ отошелъ съ нимъ въ сторону, гдѣ Зинченко вполголоса, сильно жестикулируя руками сообщилъ ему что-то, послѣ чего они оба направились по патрульной дорогѣ къ рогаткѣ.

Быковъ давно поборовши, страхъ сталъ показываться около самой границы. Облокотившись на перила моста, онъ сосредоточенно вглядывался въ разстилавшуюся передъ нимъ картину. Кордонъ чуть замѣтною точкою бѣ-

лѣлъ подѣ лѣсомъ. Порою по патрульной дорогѣ, медленно мурлыкая что-то подѣ носѣ, проходилѣ часовой, завидя котораго Быковѣ скрывался въ густыя заросли около моста. Ему было какъ-то совѣстно встрѣчаться съ бывшими товарищами. И всматриваясь въ лица проходившихъ, онѣ невольно начиналъ имѣ завидовать. Постоянный голодѣ давалѣ себя чувствовать. Часто разглядывая знакомыя очертанія кордона, онѣ мысленно видѣлъ себя въ кухнѣ, гдѣ всегда щекоча обояніе, стоялъ такой вкусный запахѣ.

Сегодня утромѣ, увидѣвъ разѣздного, онѣ не выдержалѣ и рѣшивѣ непременно попросить у Зинченко хоть немного денегѣ, крикнулъ ему, чтобы тотѣ вызвалѣ его односельца. Хотя онѣ не былѣ увѣренѣ, что Зинченко исполнитѣ его просьбу, но внимательно всматриваясь въ разстилавшуюся передѣ нимѣ патрульную дорогу, онѣ съ страшнымѣ нетерпѣніемѣ ожидалѣ увидѣть своего товарища.

Прошелѣ почти часѣ ожиданія. Быстро спускаясь съ горы вдали на дорогѣ показались двѣ фигуры. Быковѣ встрепенулся и нѣсколько минутѣ спустя онѣ увидѣлъ приближавшихся къ нему Зинченко вмѣстѣ съ старшимѣ Степанцовымѣ. Подойдя къ плагбауму рогатки и облокотившись на него, Зин-

ченко, обстоятельно сталѣ разспрашивать Быкова о его житѣ бытѣ.

Быкову было очень стыдно, но пересиливъ себя, онѣ даже сталѣ подшучивать надѣ Зинченко, выставляя ему преимущества свободной жизни за границей. Свою просьбу онѣ оставилѣ подѣ конецѣ. Зинченко обѣцалѣ.

—Ну, теперича прощай пока,—сказалѣ онѣ, протягивая руку черезѣ бревно рогатки.

Быковѣ протянулѣ свою и отвѣчая крѣпкимѣ пожатіемѣ только что хотѣлъ еще что-то сказать на прощеніе, какѣ увидѣлъ, что Зинченко началѣ тянуть его руку къ себѣ. Предполагая въ этомѣ шутку, онѣ засмѣялся, но взглянувѣ въ лицо Зинченко, онѣ сразу разгадалѣ истину.

Нахмурившись и сверкая глазами, Зинченко сильнымѣ движеніемѣ сразу почти вытащилѣ Быкова на бревно. Степанцовѣ, подскочивѣ ближе, схватилѣ за другую руку и мгновеніе спустя Быковѣ уже лежалѣ на русской сторонѣ, кусаясь и стараясь освободиться. Но руки держали сильно, и сдѣлавѣ еще нѣсколько попытокѣ освободиться, онѣ невольно долженѣ былѣ примириться со своимѣ плѣномѣ.

Передъ самымъ мѣстечкомъ, у вѣзда въ околицу, толпились лошади, коровы попережку съ тяжелыми возами, дожидаясь очереди пробраться черезъ узкія ворота. Пыль, поднимаемая этою движущеюся массою, стояла въ воздухѣ густымъ облакомъ. Яркое лѣтнее солнце начинало слегка пригрѣвать. Въ воздухѣ пахло кожами, пылью, дегтемъ и тѣмъ особымъ запахомъ, который составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ мѣстечекъ юго-западнаго края. Уныло дребезжащія звуки колокола, раздавшіеся съ колокольни стариннаго костела, перемѣшивались съ густымъ звономъ колоколовъ православной церкви. На площади стояла настоящая ярмарочная суетола. Веза, размѣщенные какъ попало, чередовались съ группами лошадей, коровъ и мелкаго рогатаго скота. Мелкіе торговцы евреи въ длинныхъ лацсердакахъ снова-ли, то по одиночкѣ, то группами между возовъ, торгуясь, узнавая цѣну, покупая и снова, еще не купивши, перепродавая все, что попадетъ на глаза, желающему. Обыватели, почесывая въ затылкахъ, только посматривали на эти манипуляціи, относясь къ этимъ ухищреніямъ какъ къ неизбѣжному злу, зная по опыту, что безъ посредниковъ ни продать, ни купить ничего нельзя.

Цѣлый рядъ торговыхъ размѣстился въ

порядкѣ почти напротивъ монопольной казенной лавки, разложивъ на лоткахъ горы сала и колбасъ, соблазнительно приманивающихъ своимъ видомъ проходящихъ хуторянь. Изъ монополіи уже одинъ за другимъ появлялись обыватели, успѣвшіе кое-что продать и стремившіеся скорѣе спрыснуть свою продажу. Около коннаго ряда шумъ былъ особенно сильный. Тутъ кромѣ продавцовъ и покупателей толпились барашники и любители конскаго дѣла. Поочередно пробуя лошадей, заставляя ихъ дѣлать пробѣжки то рысью, то шагомъ, всѣ они старались перекричать другъ друга, поднимая невообразимый гвалтъ. То съ остервеніемъ хлопая другъ друга по рукамъ, они торговались до полного изнеможенія, то бросались чуть не разомъ всѣ осматривать и ошупывать какую-нибудь лошадь, смотрѣли ей въ зубы по нѣскольку разъ и, отойдя на минуту въ сторону, переругивались между собою изъ-за разницы въ опредѣленіи лѣтъ и снова бросались осматривать лошадь.

Въ самомъ центрѣ около церковной ограды расположился длинный рядъ торговыхъ лентами, коральками и разнымъ мелкимъ мануфактурнымъ товаромъ. Тутъ было шумно и весело. Толпы дивчатъ и молодежи, разукрашенныхъ лентами, пестрымъ цвѣтникомъ сновали группами, останавливаясь и осматри-

вая соблазнительно разложенные товары. Торговки, похваливая достоинства своего товара, перебирали его и раскладывали еще соблазнительнѣе.

Порою гремя бубенцами шагомъ проѣзжала черезъ площадь тройка какого-нибудь поѣщика да иногда, расталкивая толпу, безцеремонно протискивались солдаты пограничной стражи, посланные за покупками съ ближайшаго кордона, расположеннаго тутъ же въ мѣстечкѣ около берега рѣки. Облокотившись на рѣшетку палисадника и глядя на открывавшуюся передъ нимъ картину, около самыхъ воротъ стоялъ дежурный, перебрасываясь отдѣльными фразами съ проходившимъ людомъ. Въ открытое окно кордона виднѣлся столъ, за которымъ, что-то усердно записывая и не обращая никакого вниманія на ярмарочное движеніе, сидѣлъ старшій вахмистръ отряда Иванъ Игнатенко. Весельчакъ, пѣвунъ, плясунъ и въ то же время прекрасный строевикъ и чудный ѣздокъ, вахмистръ считался лучшимъ поимщикомъ N-ской бригады. Не одинъ контрабандиръ, услыша его фамилію, сердито сплевывалъ въ сторону, суля ему всякія напасти. Но за то и не одна молодлица, посматривая на красавца-вахмистра, украдкою вздыхала, не будучи въ состояніи оторвать отъ него своихъ глазъ. Окрестные

хуторяне, зная, что у него водятся деньги, каждый съ охотою бы просваталъ за него свою дочку. А начальство въ лицѣ командировъ отряда и отдѣла души не чаяло въ своемъ вахмистрѣ. Всегда аккуратный и исполнительный, онъ и на этотъ разъ, несмотря на праздничный день, производилъ какой-то подсчетъ. Лишь окончивши всѣ служебныя дѣла, вышелъ наконецъ Игнатенко изъ кордона и направился въ мѣстечко. Встрѣчные обыватели почтительно приподнимали свои шапки, а молодицы привѣтливо отвѣчали кивкомъ головы на его поклонъ.

— День добрый, панъ вахмистръ...

— Зѣ недѣлю... обратился на площади къ нему высокій представительный мельникъ.

— Оксано, щожъ ты бисова душа не кажешь добрый день. Вахмистръ, узнавъ знакомаго, остановился и подошелъ къ нему ближе.

Добре, что встрѣтились!..

Чи не вышьемъ ли по чарци горѣлки, панъ вахмистръ?

Игнатенко, засмотрѣвшійся на красивую дочку, молчаливымъ кивкомъ головы выразилъ согласіе.

Ходить зѣ Оксаною до моей хаты, а я заразъ прибѣгу—продолжалъ мельникъ.

Вахмистръ давно уже посматривалъ на красавицу Оксану и даже не прочь былъ за-
слать къ ея батьку сватовъ, да смущала его
худая слава, что ходила про мельника.

Все бы нечего, да люди кажуть, что онъ
шварцовникъ *), рассуждалъ онъ иногда самъ
съ собою; сама же Оксана давно уже не да-
дала спать покойно молодцу-вахмистру, мерещать
ему въ жаркія лѣтнія ночи. Поглядывая
на красавицу, Игнатенко скоро забывалъ всѣ
тревожившія его мысли и теперь, воспользо-
вавшись отсутствіемъ батька, сталъ напенты-
вать дочкѣ тѣ сладкія рѣчи, которыя такъ
скоро доходятъ до сердца дѣвушекъ...

II.

Черезъ часъ изъ оконъ дома мельника
послышался веселый звонъ посуды и громкіе
голоса собравшихся гостей, какъ бы чутьемъ
пронюхавшихъ, что по воздуху потянулся силь-
ный запахъ горѣлки. Веселый мотивъ зали-
хватскаго гопака разносился по окрестностямъ.
Старый скрипачъ особенно старался, выводя
самые неожиданные звуки въ тѣхъ мѣстахъ,
когда ихъ меньше всего можно было ожидать,
лукаво поглядывая на вахмистра и чернбро-
вую Оксану, онъ порою ухмылялся, видя, какъ

*) Шварцовникомъ называютъ занимающагося контра-
банднымъ промысломъ.

они все время не сводятъ другъ съ друга
глазъ. У стараго музыканта была хорошая
смѣтка—ему уже видѣлось не далекое веселье*).
Почти до глубокихъ сумерокъ глинянная бак-
лажка съ горилкою покатывалась по столу и
гости, увлеченные оживленною бесѣдою, даже
не замѣтили, какъ потихоньку исчезъ неза-
мѣтно самъ хозяинъ, а если кто и замѣтилъ,
то не обратилъ вѣроятно вниманія, рѣшивъ,
что вышелъ по дѣлу... Одинъ Игнатенко,
давно уже внимательно присматривавшійся къ
дѣйствіямъ мельника, видѣвъ его исчезнове-
ніе, покрутилъ свои молодецкіе усы и неодоб-
рительно покачалъ головою—видимо какая-то
мысль промелькнула въ его не отуманенной
головѣ...

—Ото-жъ бисовъ батько, пійшовъ кудысь,
проворчалъ онъ себѣ подъ носъ въ раздумьи,
какъ бы не довѣряя своему предположенію,
а затемъ, принявъ какое-то рѣшеніе, онъ тихо
вышелъ изъ-за стола и также не замѣченный
ни кѣмъ вышелъ изъ хаты...

Ночь ужъ давно покрыла землю и звѣзды
блистали въ вышинѣ. Полный мѣсяць своими
яркими лучами мягко освѣщаль окрестности.
Вездѣ стояла полная тишина, ярмарка уже
давно разѣхалась и лишь кое-гдѣ по улицамъ

*) Свадьба.

видѣлись одиноко стоящіе возы, хозяева которыхъ еще бражничали кто у пріятелей, а кто въ шинкѣ, гостепрѣмно запахнувшимъ свои двери. Въ домахъ по улицамъ видѣлся свѣтъ, но ближе къ околицѣ улица дѣлалась все глуше и темнѣе. Тополи, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, вырисовывались правильными рядами, обозначая большую дорогу. Рѣка съ глухимъ шумомъ стремилась на мельничную запруду, какъ бы стараясь своимъ натискомъ сорвать высокую плотину. Мельничныя колеса быстро вертѣлись, отбрасывая тысячи брызгъ, свѣтившихся при лунномъ свѣтѣ какъ драгоценныя камни... Твердо ритмически постукивалъ при работѣ мельничный жерновъ, перемалывая зерно... Лишь очень опытный слухъ могъ въ этомъ шумѣ различить слова разговора, доносившагося съ мельницы.

Игнатенко, прижимаясь къ заборамъ и прячась въ тѣни, тихо пробрался къ самой мельницѣ и остановился около двери, обратившись весь въ слухъ.

—Такъ кажется, Опонасе, ще не зробимъ*)?

„Зробимъ добре, ни москали, ни самъ шайтанъ не побачуть, якъ мы пронесемъ до самага млына изъ Австріяцкой стороны... Добре якъ такъ, я туточки, Максиме, буду чекать васъ... И гроши и горилка ты-жъ будуть...

*) Сдѣлаемъ.

—Вотъ бісовы діты, що вони робить хотять,—проворчалъ себѣ подъ носъ вахмистръ, прислушивавшійся внимательно къ каждому слову.

И Апанасъ чорты-бъ его матері, хоть винъ и будетъ моимъ батькомъ, а я-жъ его поймаю...

Я буду не я, если не поймаю—и Игнатенко молодочки расправиль свои усы.

Узнавъ мѣсто и время предполагаемаго проноса контрабанды, вахмистръ такъ же безшумно окольнымъ путемъ направился на кордонъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія по усиленію охраны границы большимъ количествомъ секретовъ.

Передавъ старшему поста приказанія, Игнатенко, взявъ съ собою нѣсколько чело-вѣкъ, съ которыми и расположился въ заросляхъ ивняка около самой мельницы. Ночь прошла совершенно спокойно и лишь съ восходомъ солнца уставшіе люди возвратились на кордонъ. Цѣлую почти недѣлю высылались особые секреты на дистанцію Лугового поста, гдѣ легче всего былъ переходъ черезъ рѣку, но результатовъ надзора еще видно не было. Даже всегда спокойный вахмистръ начиналъ вътихомолку поругивать себя, думая, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ относительно мель-

ника... Подъ воскресенье устроившись въ густыхъ поросляхъ камыша, онъ уже окончательно впалъ въ дурное расположеніе духа, ругая себя на чемъ свѣтъ стоитъ. Ночь на этотъ разъ была темная, небольшой вѣтерокъ, лишь шелестѣвшій тихо съ вечера, среди ночи усилился, и погода рѣзко перемѣнилась; крупныя капли дождя забарабанили по крышамъ мельничныхъ построекъ. Тучи низко нависли надъ землею... Гдѣ то далеко на темномъ фонѣ горизонта сверкала зарница, пурпуровыми вспышками освѣщая темноту. Съ рѣзкимъ шумомъ разсѣкая крыльями воздухъ, потянулись съ австрійской стороны дикія утки и, покругившись надъ рѣкою, садились въ камышахъ у русскаго берега. Этотъ перелетъ птицы среди ночи заставилъ, внимательныхъ къ каждому проявленію жизни въ ночной тиши пограничниковъ, насторожиться. Спустя нѣкоторое время на заграничной сторонѣ слышался всплескъ воды, и на водѣ около берега показалось какое то пятно... Люди въ секретѣ схватились за винтовки, и съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ напряженно стали всматриваться въ темноту. Черезъ нѣсколько минутъ лодка, тихо шурша, врѣзалась въ прибрежные камыши. Нѣсколько темныхъ фигуръ торопливо принялись выгружать изъ нея тюки съ товаромъ и складывать

ихъ недалеко отъ берега въ заросли... Со стороны мельницы, тихо крадучись, показалась высокая фигура, въ которой безъ всякаго труда Игнатенко узналъ мельника. Апанась видимо ожидалъ своихъ сообщниковъ, равно какъ и они его; это можно было заключить изъ того, что никто изъ нихъ не обратилъ на его приходъ никакого вниманія, торопясь лишь скорѣе разгрузить лодку...

— Кажись пора, г. вахмистръ, — послышался голосъ одного изъ солдатъ, изнывавшихъ отъ нетерпѣнія.

— Пора! только что успѣлъ отвѣтить Игнатенко, какъ гулко прогремѣлъ выстрѣлъ казенной винтовки и эхо, подхвативъ звукъ выстрѣла, повторило его нѣсколько разъ въ горахъ...

Вся окрестность какъ будто разомъ ожила. Со всѣхъ сторонъ изъ камышей поднялись стада испуганныхъ утокъ и съ крикомъ закружились въ воздухѣ. Контрабандиры кинулись вразсыпную бѣжать по берегу. По линіи патрульной дороги затрещали выстрѣлы магазиновъ, и скоро слышался топотъ скачущихъ на тревогу съ кордона лошадей... Игнатенко все свое вниманіе сосредоточилъ на мельникѣ, боясь его выпустить изъ рукъ. Быстро сбросивъ шинель и сапоги, онъ съ

однимъ лишь револьверомъ въ рукахъ кинулся за убѣгавшимъ Апанасомъ... Со всѣхъ сторонъ на подмогу сбѣгались люди сосѣднихъ секретовъ. Мельникъ безпомощно оглядывался во всѣ стороны, продолжая бѣжать, наконецъ, споткнувшись о корень дерева, онъ упалъ и почти тотчасъ же на него напалъ вахмистръ, не давъ ему даже подумать о сопротивленіи...

III.

Дворъ кордона ярко освѣтился фонарями и факелами. Группа людей и лошадей занимала его середину. Съ любопытствомъ разсматривали не участвовавшіе въ задержаніи тюки съ товаромъ, сложенные около цейхгауза. Вахмистръ по очереди осматривалъ каждый тюкъ контрабанды и, только убѣдившись въ цѣлости обшивки, передавалъ его собственноручно старшему поста, который вносилъ ихъ и складывалъ въ цейхгаузѣ. Тутъ же окруженный часовыми стоялъ мельникъ и еще двое изъ задержанныхъ контрабандировъ. По-нуро опутивъ головы, они недоброжелательно посматривали на солдатъ, вѣроятно въ душѣ суля каждому всякую пакость. Наконецъ уборка тюковъ была окончена, къ цейхгаузу приставленъ былъ часовой. Задержанныхъ контрабандировъ повели въ кордонъ, гдѣ люди, усѣвшись вокругъ стола, принялись пить чай,

гостепріимно усадивъ ихъ въ середину. Въ комнатѣ старшаго, рядомъ съ росписной, расположился Игнатенко, старшій поста и мельникъ. На столѣ уже появилась бутылка водки и кое-какая закуска. Проголодавшійся вахмистръ приналегъ на все, утоляя голодъ и почти не обращая вниманія на своихъ собесѣдниковъ, которые отъ него въ свою очередь тоже не отставали. Разговоръ вначалѣ не вязался, мельникъ угрюмо молчалъ, но затѣмъ чарка сдѣлала свое дѣло, а когда бутылка была почти вся опорожнена, Апанасъ уже снова дружелюбно обнималъ за шею вахмистра и плакалъ горькими слезами. Впавъ въ плаксивое настроеніе, онъ все время клялся, что любитъ Игнатенку и, несмотря на всякія неприятности, которыя его ожидаютъ и которыхъ главный виновникъ вахмистръ, онъ все-таки отдаетъ свою Оксану только за пана вахмистра.

— Ну будетъ, Опанасе, — наконецъ сказалъ вахмистръ, поднимаясь и я васъ ты-жъ люблю, а теперь полягаемъ спать, утромъ пріѣдетъ командиръ и отправитъ васъ въ таможню... Перспектива выспаться показалась Апанасу особенно пріятною, почему онъ, не заставляя себя долго упрашивать, тотчасъ же улегся на одну изъ коекъ... Игнатенко же, внимательно осмотрѣвъ замки у двери, заперъ

ее на ключъ, который положилъ въ карманъ и затѣмъ направился къ своей постели, но, остановившись среди комнаты, задумался; возможность, что контрабандиръ-мельникъ бѣжитъ, его беспокоила. Апанасе! Що я вамъ скажу, наконецъ сказалъ онъ, трогая мельника за плечо, я боюсь, што вы утечете, такъ я васъ привяжу къ кровати“...

—А привяжите, пане вахмистръ“, отвѣтилъ сладко вѣвая Апанасъ, соглашаясь съ вахмистромъ. Игнатенко порылся въ шканчикѣ и, найдя въ немъ обрывокъ повода отъ конскаго недоузка, окрутилъ имъ ноги мельника и затѣмъ пропустивъ концы веревки вокругъ спинки кровати, но для того, чтобы быть уже совершенно спокойнымъ, онъ рѣшился лечь на одну кровать съ мельникомъ, дружелюбно обнявъ своего сосѣда и покрывшись съ нимъ однимъ и тѣмъ же одѣяломъ.

IV.

Прошло полгода. Апанасъ, отсидѣвній три мѣсяца въ тюрмѣ за переносъ въ первый разъ контрабанднаго товара, давно уже возвратился обратно въ мѣстечко и снова занялъ прежнюю жизнь, работая на своей мельницѣ; но возможность, заработать въ короткй срокъ порядочную сумму денегъ не давала ему покоя, и скоро старый контрабан-

диръ снова занялся своимъ прежнимъ промысломъ, водворяя изъ-за границы котрабандные товары, но только наученный горькимъ опытомъ, онъ сдѣлался еще осторожнѣе. Частенько, какъ и прежде, сходились они съ вахмистромъ Игнатенко, который сталъ еще болѣе внимательно относиться къ своему нареченному тестю съ тѣхъ поръ, какъ они ударили по рукамъ и пропили Оксану.

Строгй къ самому себѣ, онъ даже и не допускалъ мысли сдѣлать какое-нибудь служебное отступление для кого бы то ни было, а для родственниковъ считалъ-бы допущенную маленькую поблажку тягчайшимъ грѣхомъ и поэтому, провѣривъ ходившіе по мѣстечку слухи, что старый мельникъ продолжаетъ заниматься контрабандою, удвоилъ свои наблюденія за нимъ. Съ Оксаною же они слюбились окончательно, отложивъ свадьбу до увольненія Игнатенко въ запасъ арміи.

Апанасъ какъ будто чувствовалъ, что за нимъ слѣдятъ, и поэтому дѣйствовалъ осторожно. Но Игнатенко не дремалъ. Цѣлыя ночи напролетъ онъ проводилъ въ секретяхъ, слѣдя за каждымъ шагомъ мельника.

Осенью начались темныя ночи, и охрана границы сдѣлалась несравненно труднѣе, но за все это время Апанасу положительно не

удавалось перебраться на австрийскую сторону и условиться о переносѣ товара. Старикъ проклиналъ въ душѣ всю пограничную стражу и въ особенности вахмистра Игнатенку, но встрѣчаясь съ нимъ, съ почтеніемъ приподнималъ свою шапку и заговаривалъ съ молодцомъ-москалемъ, который ему какъ человѣкъ во всемъ пришелся по душѣ... „Ишь бисовъ сынъ и не чуетъ, що я для своей же Окси стараюсь“, бормоталъ онъ сердито, „якъ для нея, такъ и для него, поженятся—ихъ все будетъ“...

И онъ отправлялся съ этими мыслями къ себѣ на мельницу, бросая враждебные взгляды на часового, мимо котораго ему приходилось каждый разъ проходить.

Наконецъ подъ самый Покровъ удалось Апанасу улизнуть въ Австрію. Давно уже отъ солдатъ слышалъ онъ, что покровъ Пресвятой Богородицы самый большой праздникъ во всей пограничной стражѣ и, рассчитывая, что въ этотъ день москали всѣ перепьются, онъ рѣшилъ именно въ этотъ день и устроить прорывъ на лѣсной дистанціи Глухаго поста.

Цѣлый день провелъ онъ за границею, собирая своихъ всегдашнихъ сотоварищей. Товаръ уже давно былъ готовъ, запакованъ въ ноши и лежалъ у корчмаря который съ

давнихъ временъ былъ главнымъ агентомъ по водворенію контрабанды въ Россію и съ помощію Апанаса переправилъ изъ Австріи не на одинъ десятокъ тысячъ рублей контрабанднаго товара, получая отъ этого большіе барыши.

Въ послѣднее время дѣло почти стало, молодежь безъ опытнаго машиниста*) боялась переносить контрабанду, а Апанасъ сдѣлался такимъ робкимъ, что самъ корчмарь, бывший не изъ очень храбрыхъ, чувствовалъ въ этомъ отношеніи свое надъ нимъ превосходство. Недостатокъ дѣятельности и замѣтное уменьшеніе доходовъ повергало его въ дурное настроеніе поэтому приходъ Апанаса былъ настолько радостнымъ для него событіемъ, что онъ сразу, безъ разговоровъ выставилъ ему цѣлую кварту араку, даже не сказавъ, сколько стоитъ этотъ драгоценный напитокъ, рѣшивъ хорошо угостить нужнаго человѣка.

Къ вечеру партія была готова. Выпивъ послѣднюю чарку горилки Апанасъ взялся за свою ношу и простившись съ корчмаремъ вышелъ изъ корчмы, направляясь лѣсной просѣкою къ русской границѣ. Партія его слѣдовала за нимъ.

Одинъ за другимъ безшумно двигались впередъ контрабандиры и, пройдя нѣсколько

*) Вожакъ партіи.

версть, остановились на лѣсной полянѣ, выжидая когда машинистъ, ушедшій давно впередъ подастъ условный сигналъ, а Апанасъ тихо крался вдоль по границѣ, внимательно вглядываясь въ темноту и высматривая расположение часовыхъ и секретовъ.

V.

Въ день Покрова Пресвятой Богородицы на всѣхъ постахъ Веселаго отряда съ ранняго утра поднялась праздничная суета. Хотя накануне еще вечеромъ была сдѣлана генеральная уборка казарменныхъ помѣщеній, но это показалось людямъ недостаточно. Снова заработали метлы, наводя лоскъ на удивительно выметенный дворъ и снова посылая его свѣжимъ пескомъ. Полъ казармы былъ усыпанъ зеленою кугою, сохранившей несмотря на позднюю осень свою свѣжесть. У образовъ теплились лампадки. На лицахъ у всѣхъ видно было праздничное настроеніе. Среди казармы на большомъ столѣ покрытомъ бѣлою простынею возвышалась гора булокъ, колбасъ; жаренныя куски свинины лежали грудями вокругъ объемистой четверти, выглядывавшей скромно изъ-за всѣхъ этихъ вкусныхъ яствъ. Громкій звонокъ прозвучалъ наконецъ, сообщая о прїѣздѣ командира отряда. Люди, успѣвшіе переодѣться въ мундиры, выстроились въ казармѣ.

Молодцеватый Ротмистръ, спрыгнувъ съ лошади и бросивъ поводья дежурному, звеня шпорами, вошелъ въ казарму и сразу окинувъ однимъ взглядомъ выстроившихся людей громко поздоровался съ ними и поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ.

Подойдя затѣмъ къ столу онъ налилъ чарку водки и поднялъ ее за здоровье корпуснаго командира и за процвѣтаніе дорогого корпуса пограничной стражи. Праздникъ стражи начался. Одинъ за другимъ подходили люди и получивъ свою чарку выпивали ее, отходя затѣмъ въ сторону и давая мѣсто другому. Черезъ часъ противъ казармы около столба собрался уже кружкомъ весь кордонъ; изъ середины толпы слышались залихватскіе переборы гармоніи и протяжныя взвизгиванія скрипки. Пѣсня чередовалась съ пляскою, пляска съ пѣсней. Цѣлый день стонала земля отъ выбиваемыхъ на ней колѣнъ комаринскаго и гопака, лишь изрѣдка старшій поста взглянувъ на часы, прерывалъ веселье, вызывая очередную смѣну часовыхъ брать жребій для службы. Подъ вечеръ уставшіе и наплясавшіеся въ сласть люди закончили свой праздникъ отправившись почти всѣ въ секреты, выставленные по приказанію командира отряда, опасавшагося, что контрабандиры, увѣренные въ этотъ день въ своей безнака-

занности, не сдѣлали бы прорыва по его дистанціи. На границѣ настала полная тишина, лишь изрѣдка прерываемая топотомъ коньтъ, проѣзжающаго провѣркою развѣзда.

VI.

Вахмистръ Игнатенко при повѣркѣ до полуночи всѣхъ часовыхъ и секретовъ по Лѣсной дистанціи замѣтилъ какое-то движеніе въ заросляхъ около патрульной дороги. Опытный глазъ его сразу остановился на этомъ подозрительномъ мѣстѣ. Не подавая вида, онъ также спокойно направилъ дальше своего коня, но, проѣхавъ нѣсколько сотъ шаговъ, быстро соскочилъ съ сѣдла и бросивъ лошадь тихо свернулъ съ просѣки въ чащу и по тропинкѣ дойдя до группы вѣгвистыхъ берестовъ громко крикнулъ, подражая криканью испуганной утки. Невдалекѣ у самыхъ корней что-то зашевелилось и темная фигура, безшумно поднявшись съ земли, выросла передъ нимъ.

— Кажись идутъ, Матвѣйчукъ, тихимъ шопотомъ спросилъ онъ узнавая унтеръ-офицера, старшаго Забытаго поста.

— Такъ, точно, г. вахмистръ.

— Смотри, не зѣвай, подтвердилъ еще разъ Игнатенко, вынимая револьверъ изъ кабура.

Густой бѣлый туманъ разстилался по зарослямъ, колеблемый тихимъ вѣтеркомъ, шелестѣвшимъ по сухой листвѣ. Внизу по равнинѣ туманъ казался гуще. За вершинами горъ Лѣсной дистанціи уже виднѣлась пурпуровая полоса начинающагося разсвѣта. Апанасъ давно уже со своей партіей добрался до границы и, выжидая удобное время, расположился въ заросляхъ. На границѣ была полная тишина, и привычное ухо стараго контрабандира не могло открыть въ этой тишинѣ присутствія ненавистныхъ секретовъ. Часовые, имъ давно сосчитанные были на своихъ мѣстахъ. Зная по опыту, что ко времени смѣны всѣ часовые подходятъ къ ближайшему флангу своего участка и такимъ образомъ черезъ промежуточный участокъ между Забытой и Высокой дистанціей можно будетъ перемахнуть границу, онъ терпѣливо ждалъ. Всѣ его предположенія въ этомъ направленіи сбылись какъ по писанному. Совершенно спокойный и увѣренный въ благопріятномъ исходѣ своего дѣла, онъ, подавъ знакъ, двинулся впередъ и, безшумно проскользнувъ черезъ патрульную дорогу, скрылся въ заросляхъ русской стороны, направляясь на мигавшій гдѣ-то вдаль свѣтъ фонаря. Пріятель лѣсникъ, сговарившись съ Апанасомъ, уже давно поджидая гостя къ себѣ, выставилъ въ окнѣ

своей хаты ярко свѣтившую лампу. Придерживая одной рукой ношу, а другой снимая двустволку, Апанась наконецъ остановился передохнуть при выходѣ на небольшую поляну. Вся его партія, шедшая другъ за другомъ, столпились тутъ-же . . . . .

— Кажись воны, тихо сказалъ старшій всматриваясь въ темноту... дуже много, да еще съ оружіемъ, добавилъ онъ замѣтивъ группу контрабандистовъ.

Вахмистру Игнатенко тоже всматривавшемуся въ темноту, какъ-то сразу, бросилась въ глаза высокая сутуловатая знакомая фигура.

„Апанась“, рѣшилъ онъ узнавая мельника.

— Стой! Кто идетъ?, прогремѣлъ его могучій голосъ и одновременно съ окликомъ раздался отрывочный выстрѣлъ казенной винтовки...

Гдѣ-то далеко въ горахъ отозвалось эхо... Апанась, вздрогнувъ, сразу понялъ свою неудачу, но всматрѣвшись и увидѣвъ, что впереди лишь двое солдатъ, ободрился, рѣшивъ идти напроломъ, вскинувъ къ плечу двухстволку и, прицѣлясь, надавилъ собачку...

Отвѣтный выстрѣлъ взбудоражилъ окончательно Игнатенко, выхвативъ изъ рукъ старшаго винтовку, онъ прицѣлился и поймавъ на мушку виднѣвшуюся впереди фигуру мельника спустилъ курокъ... Вскинувъ какъ-то, нелѣпо руками, грузно упалъ на землю Апанась съ прострѣленною головою... Контрабандиры кинулись вразсыпную. Со всѣхъ сторонъ уже виднѣлись огни слѣдовыхъ фонарей и по пагрульной дорогѣ слышался глухой топотъ лошадей, скачущихъ на тревогу.

Раскинувши руки и смотря широко открытыми глазами въ темное небо, лежалъ Апанась. Выраженіе какого-то удивленія застыло на его мертвомъ лицѣ...

А невдалекѣ при свѣтѣ фонарей вахмистръ Игнатенко, примостившись на землѣ, писалъ донесеніе командиру отряда о только что случившемся просшествіи... Невеселыя мысли бродили въ его головѣ.

„Теперича Оксана прощай—видно не судьба“, думалъ онъ кидая искоса взгляды на мертвое тѣло мельника, „а ничего не подѣлаешь“...

Зачѣмъ онъ стрѣлять-то вздумалъ—кабы не стрѣлялъ живъ бы былъ, потому хоть онъ мнѣ и почитай свой, а присягу я забывать никогда не долженъ, на то я и крестъ цѣловалъ“...

Подойдя къ мертвому, онъ осторожно закрылъ ему глаза и ставъ на колѣни, поклонился въ землю мертвому тѣлу...

Черезъ годъ настоятель Сотановецкаго монастыря получилъ по почтѣ изъ Закаспійской области отъ вахмистра Игнатенко 200 руб. на поминъ души раба Божьяго Апанаса.

Молодчина-вахмистръ вызвался охотникомъ во вновь формировавшуюся бригаду на персидской границѣ и среди пустынь Закаспія, неся еще съ большимъ рвеніемъ службу, старался забыть постоянно мерещившійся ему образъ Оксаны.

„Незамѣтный герой.“

Больше любви не
имать—аще кто душу
положить за други своя.

I.

Широко раскинулось по долинь, все потонувшее въ зелени садовъ село Дорогостаево. Бѣлыя хаты, окруженные зарослью вишенъ и сливъ, привѣтливо выглядываютъ сквозь листову своими цвѣтными ставнями. Высокіе плетни, поросшіе колючими растеніями, сплошнымъ кольцомъ окружаютъ дворы съ хозяйственными постройками и отдѣляютъ ихъ отъ улицы. Надъ воротами почти всѣхъ хатъ прикрѣплены замысловатыя веселки*) сплетенныя изъ соломы съ длинными висячими кистями, обозначающими количество стоящихъ во дворѣ лошадей, расположеннаго въ деревнѣ постоемъ N-го Сводно-Коннаго полка пограничной стражи. По заборамъ висятъ предметы одѣянія, развѣшанные заботливой рукою для просушки. Цвѣтные околышки фуражекъ порою мелькаютъ

*)Веселкой называется шесть съ соломенными кистями, выставлемый у хаты, когда кавалерія стоитъ въ деревнѣ по квартирамъ; кисти своимъ числомъ обозначаютъ число лошадей стоящихъ во дворѣ.

по улицамъ. Солнце уже низко стоитъ надъ горизонтомъ, золотя своими лучами окрестности. Поднимая облака пыли, медленно втягивается стадо въ деревню, наполняя воздухъ мычаніемъ коровъ и блеяніемъ овецъ. Щелканіе длинаго пастушескаго кнута смѣшивается съ окликами подпасковъ, подгоняющихъ и приводящихъ стадо въ порядокъ. На перекресткѣ улицъ, около колодца, стономъ стоитъ перебранка бабъ, съ ожесточеніемъ, визгливо спорящихъ между собою. Покуривая трубки-носогрѣйки и храня солидную важность, тутъ же у воротъ стоятъ обыватели, какъ съ сознаниемъ своего достоинства называютъ себя крестьяне Дорогостаевки; расправляя порою свои сѣдые усы и созерцательно поглядывая на окружающую сутолоку, они степенно перебрасываются отрывочными фразами. Пыль густымъ облакомъ стоитъ надъ улицею, постепенно осѣдая и снова ложась на дорогу.

Одѣтый въ цвѣтную рубаху и шаровары на вышукъ, въ опоркахъ, выходитъ на перекрестокъ съ трубою въ рукахъ трубачъ; медленно обтерѣвъ нѣсколько разъ мундштукъ трубы и поправивъ заломленную на бекрень фуражку, онъ на минуту зажмуривается... Рѣзкимъ диссонансомъ, какъ бы врываясь въ разнообразный хаосъ звуковъ и покрывая ихъ собою, протяжно проносится надъ деревнею

сигналь на уборку. Проигравъ сигналь, трубачъ внимательно осматриваетъ группу бабъ у колодца и, какъ бы прочтя въ ихъ глазахъ одобреніе своему искусству, снова повторяетъ сигналь уже на ходу, направляясь вдоль улицы. Отчаяннымъ голосомъ, какъ будто стараясь заглушить звуки сигнала, поднимаютъ вой на разные тоны собаки на дворахъ, чувствуя, повидимому, особенную склонность къ этимъ ежедневнымъ музыкальнымъ упражненіямъ.

Какъ шмели изъ улья посыпали откуда-то солдаты, направляясь въ сарай и выводя оттуда лошадей на уборку. Черезъ нѣсколько минутъ, виднѣются у заборовъ привязанные кони, слышится лязгъ щетокъ и выстукиваніе скребницъ. Изрѣдка раздаются строгіе оклики на расшалившихся лошадей: „Стой дьяволь“.

—Будь ты неладень!!

„Шалишь“!.. и т. п.

На большомъ дворѣ, прямо противъ широко растворенныхъ воротъ, съ десятокъ коней, блестя своей вороной шерстью, стоятъ около забора. Шуршаніе скребницъ здѣсь особенно сильно и безостановочно. Усатый, бравый солдатъ съ тремя нашивками на погонахъ—взводный Левченко, быстро круговыми движеніями умѣлой руки зачищаетъ самъ своего любимца, вороного жеребца Павлина.

Пофыркивая и порою скаля зубы, стоитъ Павлинъ, прядя ушами и искоса поглядывая на своего хозяина. Красивый глазъ его какъ будто сердито смотритъ на руку со щеткою и, переступая съ ноги на ногу, онъ иногда ловкимъ движеніемъ головы хватаетъ Левченко зубами за рубаху.

— Ну, ты, идоль! Стой, ишь распалился?—притворно строгимъ голосомъ кричитъ Левченко, замахиваясь на него рукою, зная, что Павликъ лошадь съ кроткимъ характеромъ, но любящая пошалить. Павлинъ сжимается, подбираетъ крупъ подъ себя и дѣлаетъ видъ, что испугался, а затѣмъ, окинувъ хитрымъ взглядомъ хозяина, снова выбираетъ моментъ, чтобы схватить его за рубаху.

Вычистивъ Павлина, Левченко порою ласково поглаживая его, сталъ протирать ему уши, ноздри и копыта. Наконецъ, чистка была окончена; Левченко, отойдя немного назадъ, критическимъ взглядомъ окинулъ свою работу, но, повидимому, не остался ею доволенъ, такъ какъ взялъ суконку и еще нѣсколько разъ вытеръ лошадь съ головы до ногъ.

— Ну, братцы, торопись, да зачищай лучше,—наконецъ произнесъ онъ, обращая вниманіе на своихъ сосѣдей. Ты чего, Гор-

ловъ, такъ чистишь-то, нѣшто не учили какъ щеткой чистить; этакъ ты ему всѣ маклаки обобьешь!—крикнулъ Левченко на фланговаго и, съ сердцемъ выхвативъ щетку у него изъ рукъ, снова заработалъ надъ крупомъ чужой лошади. Затѣмъ, осмотрѣвъ по очереди лошадей на своемъ и на сосѣднемъ дворахъ, онъ, сосредоточенно жуя соломинку, остановился у воротъ, посматривая на убирающихъ и порою дѣлая имъ замѣчанія.

— И аспидъ-же ефтотъ взводный; страсть какъ лють за лошадей—одобрительно сказалъ приземистый солдатъ, останавливаясь и выбивая скребницу о камень.

— Жалѣеть скотину эту,—добавилъ онъ принимаясь за прерванную работу.

— Скотину?—переспросилъ его сосѣдъ Бародинъ.

— Нѣшто лошадь скотина?—съ укоризною въ голосъ, глубоко убѣжденнымъ тономъ рѣшилъ онъ, посматривая въ глаза своему коню.

— Извѣстно скотина; развѣ у ней душа есть—рѣзко отвѣтилъ его собесѣдникъ.

— Ишь что скажете, никогда я этому не повѣрю. Да, вотъ подойдетъ взводный Митрій Ивановичъ, сейчасъ у нихъ и спросимъ—рѣшилъ онъ.

Гдѣ-то далеко снова прозвучалъ звукъ трубы и люди, одинъ за другимъ, по этому сигналу повели коней на водопой, напоявъ ихъ у колодезь и навѣсивъ торбы съ овсомъ, солдаты въ ожиданіи ужина тутъ же размѣстились на заваленкахъ. Солнце уже зашло и лишь его пурпуровый отблескъ золотилъ края горизонта. Сосредоточенно посматривая въ даль и глубоко задумавшись, сѣлъ Левченко, покуривая папирску и почти не слушая, что говорили между собою люди, усѣвшись кружкомъ на камняхъ, положенныхъ около хаты.

Лошадь—продолжалъ настаивать Горловъ,—у ней нѣтъ души, вотъ пусть господинъ взводный скажутъ,—обратился онъ съ вопросомъ къ Левченко, выводя его изъ задумчивости.

—Нѣтъ, это ты напрасно,—проговорилъ Левченко,—конь это не скотина, хотя, къ примѣру сказать насчетъ души я доложить не могу, про то у батюшки нужно спросить, какъ и что по писанію, а что понятіе у ней есть, это вѣрно.—Коли и нѣтъ души, такъ все едино Спаситель сказалъ:

„Блаженъ, кто и скоты милуетъ“.

Не даромъ учать, что конь для кавалериста—первый другъ.

— А только ефто одни слова, господинъ

взводный, потому конь существо казенное, потому и отвѣчай за него,—упорствовалъ не соглашаясь Горловъ.—И дубина-же ты, какъ я погляжу,—рѣшилъ послѣ минутнаго молчанія Левченко, сердито сплевывая въ сторону.

— Къ примѣру сказать, кабы у коня да не было понятія, такъ развѣ онъ такъ бы себя обозначать сталъ. Мнѣ вахмистръ сказывалъ, какъ убьютъ кого, а конь то надъ убитымъ стоитъ да смотритъ, пока не возьмутъ его за поводъ, да не отведутъ его къ своему мѣсту.

Въ прошломъ году, какъ хоронили Поручика Набольсина, такъ небось все видѣли, што конь-то ихъ плакалъ; музыка маршь похоронный играетъ, а у коня, какъ за гробомъ его вели, слезы такъ и капаютъ.

Значитъ съ понятіемъ—чувствуетъ, что хозяинъ-то померъ—добавилъ Левченко, поднимаясь съ завалинки и подойдя къ лошадямъ, снялъ съ Павлина торбу и повелъ его съ сарай, гдѣ стояли лошади.

Эхъ!—думалъ онъ, привязывая Павлина и оглаживая его рукою.

—Развѣ это возможно. Тоже сказалъ! Да енъ меня лучше челоуѣка понимать можетъ.

Такъ что-ли, Васька? — добавилъ онъ, похлопывая лошадь по шеѣ и по широкому крупу. Павлинъ, какъ будто понявъ хозяина, тихо заржалъ и сталъ тереться головой о плечо Левченко...

II.

Опершись рукою о плетень и глубоко задумавшись, Левченко ничего не видѣлъ передъ собою, мысленно унесясь въ далекую деревню Полтавской губерніи, къ себѣ на родину. Иногда ему казалось даже, что онъ стоитъ около своей хаты и лишь звонъ шпоръ проходившихъ мимо солдатъ напоминалъ ему о дѣйствительности. Пять лѣтъ уже пробылъ на службѣ бравый унтеръ; скоро и конецъ теперь. — Черезъ два мѣсяца, послѣ сборовъ сказывали, запасъ увольнять будутъ, — вспомнилъ онъ слова вахмистра.

Всегда на чеку, Левченко давно уже пользовался заслуженной славою отличнаго служаки. Чудный ѣздокъ, развѣдчикъ и стрѣлокъ онъ былъ красой не только своего отряда, но и всей N-ской бригады. Отрядный командиръ, не разъ уже поглядывая на него, соображалъ, что лучшаго вахмистра для отряда трудно найти. Сосѣдній отрядный тоже былъ не прочь переманить его къ себѣ вахмистромъ, но не туда направлены были мысли Левченко.

Происходя изъ богатаго дома, онъ во время службы не переставалъ мечтать о своемъ собственномъ хозяйствѣ.

Сивые, круторогіе волы такъ и рисовались въ его воображеніи и самъ онъ часто во снѣ видѣлъ себя одѣтымъ въ смушковую шапку и свитку съ батагомъ въ рукахъ, какъ настоящій хозяинъ-хуторянинъ, тихо идущимъ около крѣпкаго воза.

А съ воза на него привѣтливо смотрѣли глаза его ненаглядной Марусеньки и первенца Павлика, которому уже пошелъ седьмой годъ.

Часто тосковалъ Левченко вначалѣ службы по своимъ необъятнымъ степямъ и въ длинные зимніе вечера ему все время рисовались картины далекой родины.

— Эхъ кабы не кони, такъ куда бы какъ плохо было — рѣшилъ онъ и всѣми силами души привязался къ конямъ, обращаясь съ ними какъ съ людьми и подчасъ, на дневальствѣ по конюшнѣ, оставаясь одинъ, высказывалъ своимъ четвероногимъ друзьямъ свои тайныя думы.

— Первое дѣло конь разумъ имѣеть и другъ человѣку, — думалъ онъ холя своего вороного, — а второе, вѣдь Царскій конь-то.

Значить не за страхъ, а за совѣсть его холить нужно. Потому за него и на томъ свѣтѣ отвѣтъ дать придется.

Не даромъ батюшка, на исповѣди спрашиваетъ: „заботишься ли и любишь ли своего коня?“

Да и въ уставѣ сказано что: „солдаты должны любить свою лошадь и заботиться о ней, какъ о своемъ боевомъ товарищѣ“.

Значитъ вѣрно...

Отмахнувши всѣ свои думы, Левченко медленно направился къ сараю и зарывшись въ кучу сѣнъ моментально заснулъ, какъ человекъ у котораго совѣсть спокойна. Чудные сны рисовались молодцу солдату и лучи мѣсяца пробиваясь сквозь щели дверей играли на спокойномъ и ясномъ лицѣ спящаго Царева слуги.

III.

Полная тишина царствовала въ заснувшей деревнѣ; лишь изрѣдка слышался лай собакъ, разбуженныхъ какимъ нибудь подозрительнымъ шорохомъ. Ясный мѣсяцъ стоялъ надъ деревней, проникая своимъ мягкимъ свѣтомъ во всѣ закоулки. Порою, легкой вѣтерокъ, проносясь по деревьямъ, тихо шелестѣлъ листьями, да гдѣ то на лугахъ, за деревнею, рѣзкими скрипучими звуками, перекликались коростели.

Среди площади, на темномъ фонѣ земли, выдѣлялись кучи выброшенной изъ очаговъ

зола. Вѣтеръ мелкою пылью поднималъ золу на воздухъ и разсыпалъ ее по землѣ.—Чуть замѣтными яркими блестками виднѣлись, после каждого порыва вѣтра, искорки огня, не потухшаго въ выброшенной золѣ. Вспыхнувъ на мгновение, они снова потухали. Среди ночи вѣтеръ подулъ сильнѣе; кружа и вертя попадавшуюся ему на дорогѣ солому и смѣшивая ее съ золою, онъ несъ ее далѣе, подгоняя все ближе и ближе къ плетнямъ. Искорки въ золѣ, покрытая соломою, постепенно все дѣлались больше и больше; кое-гдѣ уже на землѣ блеснулъ огонекъ, какъ будто борясь съ вѣтромъ: порывъ вѣтра—и онъ будто притаился, а затѣмъ снова появлялся, увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ и подвигаясь все ближе къ кучамъ соломы лежащимъ по канавамъ. Слово скользнувъ по соломѣ, онъ быстро быстро поднялся на плетень и весело треща побѣжалъ подъ стрѣху сарая, притаившись въ толщѣ крыши, но лишь на время. Бѣлая облака густаго дыма поднялись надъ строеніемъ, а черезъ нѣсколько минутъ огонь уже показался снова наружу, выдаваясь сквозь солому длинными огненными языками.—Гдѣ то близко фыркнула лошадь, проснувшаяся собака, увидѣвъ огонь, отчаянно залаяла, но потомъ пораженная страшной картиною, сѣвъ на заднія ноги и поднявъ

морду кверху, дико завывала, прислушиваясь къ откликамъ воя, поднятаго всѣми собаками деревни. Огонь уже охватилъ заднюю сторону всѣхъ сараевъ, поднимаясь все выше и выше кверху.

Гдѣ то въ сторонѣ послышалась возня, голоса и черезъ нѣсколько минутъ сигналъ тревоги задрожалъ въ воздухѣ, разносясь далеко по окрестностямъ.—Вся деревня какъ будто разомъ ожила и зашевелилась.

— Душу надрывающими тонами проносились надъ деревнею звуки набата.—Колоколь стоналъ, какъ живой, ужасаясь и предупреждая людей о страшномъ бѣдствіи. Вѣтеръ усилился и огненные шапки, тихо кружась въ воздухѣ полетѣли на сосѣднія крыши.—Со всѣхъ сторонъ слышались крики, проснувагося народа.—Солдаты спѣшно выводили своихъ коней, выбрасывая какъ попало разныя вещи изъ хатъ и сараевъ. На площади звуки трубы, жалобно замирая, смѣшивались съ криками людей и стопами колокола. Испуганный скотъ мычалъ, чувствуя опасность.

Левченко проснулся первый, но уже въ то время, когда весь сарай былъ охваченъ огнемъ.

— Вставай братцы, отчаяннымъ голосомъ крикнулъ онъ, увидавъ происходившее и выскакивая на дворъ.

Люди, ничего не понимая, вскочили на ноги и, выбѣгая на дворъ, съ просонья метались какъ угорѣлые.

„Выводи лошадей“, командовалъ Левченко, видя общее замѣшательство и бросаясь самъ въ сарай объятый весь пламенемъ.

Кони, храпя и стуча копытами, дико озирались, прижимаясь другъ къ другу. Отвязавъ ближайшихъ, Левченко ловкимъ ударомъ недоуздка выгналъ ихъ къ дверямъ сарая и они одинъ за другимъ, подгоняемые ударами выскочили на дворъ. Безпощадный огонь уже перешелъ на другую сторону крыши и, разомъ вспыхнувъ яркимъ пламенемъ, осветилъ весь дворъ. Жара въ сараѣ сдѣлалась нестерпимою.—Выскочивъ на дворъ, Левченко быстро оглядѣлся и схвативъ валявшуюся на землѣ попону, снова кинулся къ лошадямъ. По накатнику потолка уже перебѣгали огненные змѣйки.

Люди, видя опасность, остановились въ нерѣшительности.

— Пропадете Митрій Ивановичъ!—крикнулъ чей то голосъ изъ толпы, обращаясь къ Левченко, но тотъ, набросивъ попону лошади на голову, быстро вывелъ ее изъ сарая, чувствуя, что онъ самъ почти задыхается.

Совершенно обезсиливъ отъ нервнаго напряженія, Левченко прислонился къ шлетию; голова у него кружилась и глаза застилала какая-то пелена...

„А Павлинъ“ мелькнула у него мысль и быстро скользнувъ взглядомъ по сбившимся въ кучу конямъ, онъ весь похолодѣлъ, вглядываясь въ двери сарая.

Одну лишь минуту ему сдѣлалось страшно, слыша шумъ пламени, но только лишь одну минуту. Собравъ снова всю свою энергію, онъ бросился къ сараю.

Цѣлый десятокъ рукъ протянулся къ нему, стараясь его удержать и не допустить къ дверямъ.

— Невозможно!

— Остановитесь Митрій Ивановичъ!

— Держи его братцы! — слышались одновременно голоса солдатъ и мужиковъ, столпившихся среди двора.

Присяга... Павлинъ... другъ вѣдь пропадаетъ... конь Царскій... разомъ налетѣлъ на него рой мыслей...

Сдѣлавъ усиліе, онъ выскользнулъ изъ рукъ державшихъ его и ринулся въ двери. Схвативъ Павлина за поводъ и набросивъ ему на голову мундиръ, онъ быстро подвелъ ло-

шадь къ горящимъ дверямъ, но, испугавшійся упавшей перекладки, конь рванулся назадъ...

Ни минуты не задумываясь и не отдавая себѣ почти отчета ринулся Левченко за нимъ назадъ, задыхаясь въ густыхъ клубахъ дыма, окружавшаго его сплошною стѣной. Но на этотъ разъ неудачно...

Тщетно искалъ выхода бравый служака, раздрающимъ душу голосомъ крича:

— Гдѣ выходъ?! Гдѣ выходъ?!

Но выхода искать уже было поздно...

Какъ будто ревниво охраняя свою жертву, пламя поднялось высоко кверху и мгновеніе спустя съ грохотомъ обрушилась крыша вмѣстѣ съ потолкомъ.

Огненный столбъ искръ поднялся къ небу, разсыпавшись далеко по окрестностямъ. Пламя снова забурило съ удвоенной силой, весело треща по сухому дереву...

Собравшаяся толпа безмолвно крестилась съ ужасомъ, смотря на открытую огненную могилу, скрывавшую храбреца...

IV.

На другой день полкъ хоронилъ останки храбраго солдата положившаго душу за други своя. Медленно, шагъ за шагомъ, двигалась сотня, въ которой служилъ покойный.

Печально-торжественные звуки похороннаго марша разносились по окрестностямъ.

И слышалось, какъ будто въ этихъ звукахъ сожалѣніе по погибшей молодой жизни...

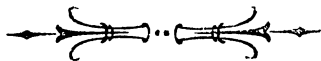
— „Не за страхъ, токмо, за совѣсть шель онъ на явную гибель, удерживаемый крестьянами и своими же подчиненными, значить погибъ не зря; помня только свой долгъ, забывая самого себя...

Великъ подвигъ его, положившаго себя на спасеніе Божьей твари, для кавалериста самой дорогой,—на спасеніе своего боевого товарища—коня...

И память о немъ не умереть“ такъ закончилъ свое слово священникъ, бросая горсть земли въ открытую могилу...

Глухо застучали комья земли о крышку гроба, закрывая на вѣки прахъ погибшаго за други своя...

Д. Н. Логофетъ.

	Стр.
1. Не дался въ обиду	1
2. Контрабанды нѣтъ	17
3. Контрабанда задержана.	27
4. Нечистое мѣсто.	37
5. Съ сердцемъ не совладалъ.	46
6. Маршъ-Маршемъ	55
7. У страха глаза велики	68
8. На морѣ	79
9. Въ свѣгахъ	93
10. Пропаль	105
11. Девайтись.	114
12. Капитанъ Ладыженскій	130
13. Фантазеры	145
14. Въ старину	155
15. По горячимъ слѣдамъ	167
16. Сорвалось	178
17. Смотръ	189
18. Вѣглый	197
19. По присягѣ	213
20. Незамѣтный герой.	237